

REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в ноябре 1999 года

2017. Том 10, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Методология и теория психологии

- Сергеев В. Н.* Две стратегии преодоления механицизма в современном бихевиоризме 5
- Шабалин А. П., Первушина О. Н.* Проблема морального выбора: междисциплинарный подход 37

Из страниц истории психологии

- Вундт В.* Психология в борьбе за существование 57

Психологические исследования

- Мезенцева М. П., Филиппова М. Г.* Предпочтения при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста 83
- Киселева О. В., Агеева И. А.* Характеристики семейной идентичности у молодых мужчин с наркотической зависимостью 95
- Смирнова Я. К.* Оперативный образ игровой ситуации в ориентировочной основе совместной деятельности хоккеистов 110
- Злобина М. В., Первушина О. Н.* Интолерантность к неопределенности и депрессия 126
- Агеева И. А., Киселева О. В.* Состояние здоровья учителей в связи с задачами психопрофилактической работы 142

Психология музыки

<i>Масатака Н., Перловский Л.</i> Эффективность музыкальных эмоций, спровоцированных музыкой Моцарта, для разрешения когнитивного диссонанса	154
<i>Гусева Е. С.</i> О неокатарсическом воздействии музыки на сознание человека (на примере сочинений Г. Уствольской)	167
Сведения об авторах	190
Информация для авторов	191

REFLEXIO

Scientific journal

Founded in November of 1999

2017. Volume 10, issue 2

CONTENTS

Methodology and Theory of Psychology

- Sergeev V. N.* Two Strategies to Overcome Mechanicism in Modern Behaviorism 5
- Shabalin A. P., Pervushina O. N.* The Problem of Moral Decision Making: An Interdisciplinary Approach 37

Pages from the History of Psychology

- Wundt W.* Psychology's struggle for existence 57

Psychological Research

- Mezentseva M. P., Filippova M. G.* Preferences During Perception of Ambiguous Figures Among Preschool Children 83
- Kiseleva O. V., Ageeva I. A.* Characteristics of Family Identity at Young Men with Drug Addiction 95
- Smirnova Y. K.* Operational Image of the Game Situation in the Oriented Basis of Joint Activity of Hockey Players 110
- Zlobina M. V., Pervushina O. N.* Intolerance for ambiguity and Depression 126
- Ageeva I. A., Kiseleva O. V.* Objectives of Psychological Preventive Work with Teachers of Secondary School 142

Psychology of Music

<i>Masataka N., Perlovsky L.</i> The Efficacy of Musical Emotions Provoked by Mozart's Music for the Reconciliation of Cognitive Dissonance	154
<i>Guseva E. S.</i> Neocathartic Impact of Music on Human Consciousness (Evidence from the Compositions of Galina Ustvolskaya)	167
Details of Authors	190
Instructions for Authors	191

УДК 159.9.016.5

В. Н. Сергеев

*Университет гражданской защиты
МЧС Беларуси
ул. Машиностроителей, 25, Минск, 220118, Республика Беларусь*

v.n.sergeev@gmail.com

ДВЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕХАНИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОМ БИХЕВИОРИЗМЕ

Одной из серьезных методологических проблем, с которой столкнулась поведенческая психология в последней трети XX столетия, стало преодоление механицизма, заложенного в самой ее концептуальной основе с момента возникновения. Механистическая установка в виде жесткого средового детерминизма существенно ограничивала предметное поле бихевиоризма, лишала полноценного инструментария изучения и модификации сложных форм поведения человека. Различные стратегии ответа на подобный вызов привели к размежеванию поведенческой науки на два течения, определяющие облик современного бихевиоризма: «когнитивное» и «оперантное». В рамках первого из них жесткий детерминизм среды преодолевается за счет концептуализации принципа так называемого «реципрокного детерминизма» и попыток его операционализации. В рамках второго – за счет дальнейшего развития идеи оперантного научения и усложнения поведенческих механизмов, позволяющих включить в поле анализа произвольность как свойство. Проведен обзор методологического наполнения упомянутых стратегий, а также указаны некоторые проблемные моменты каждого из них.

Ключевые слова: детерминизм, промежуточная переменная, гипотетический конструкт, стимульное событие, стимульный контроль, теория социального научения, реципрокный детерминизм, оперантная психология, генерализация, теория реляционных фреймов.

Введение

Как и любая исследовательская программа, претендующая на научную строгость, поведенческая психология неизбежно провоцирует

Сергеев В. Н. Две стратегии преодоления механицизма в современном бихевиоризме // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 5–36.

достаточно ожесточенную полемику, затрагивающую как глубинные эпистемологические основания познания человеческой психики, так и прикладное воплощение постулируемых принципов. Все еще остаются актуальными «внешние» противоречия бихевиоризма с иными направлениями психологии (объединенными сторонниками поведенческого подхода термином «ментализм»). Вместе с тем, если отбросить чисто онтологический компонент дискуссии, можно констатировать заметное снижение накала проблемы. Среди причин такового можно упомянуть, во-первых, стремительное развитие нейронаук, придающих помимо прочего необходимую строгость построениям когнитивной психологии и невольно роднящих ее в этом с наукой о поведении (многие бихевиористы в принципе отрицают каузальный статус ментальной сферы, но все признают средовую и «естественную», организменную причинность; нейронауки же могут показать физиологический субстрат когнитивного). Во-вторых, с момента так называемого «когнитивного поворота» в бихевиоризме (т. е. оформления теории социального научения) интрапсихические переменные перестали быть чуждыми и ряду сторонников поведенческой науки. Наконец, в-третьих, многие поведенческие и «менталистские» подходы по ряду ключевых вопросов просто не пересекаются, как бы существуя параллельно («чистое» исследование ради прироста данных в бихевиоризме вторично, прагматическая ориентация определяет и критерии истинности подхода).

В результате некоторые исследователи (например, У. Баум) склонны считать, что в «полноценной» оппозиции к бихевиоризму ¹ стоит только житейская психология (folk-psychology) [Baum, 2016. P. 1], сохранившая в наиболее архаичных формах картезианский дуализм души и тела. Именно благодаря последнему ряд психологических понятий (например, разум) нагружаются житейским смыслом, что делает их сложными для использования в поведенческой науке и вынуждает либо вообще от них отказаться, либо глубоко их реинтерпретировать. Иными словами, дело заключается вовсе не в некоем априорном противостоянии поведенческой психологии остальным отраслям психологического знания (будь то интроспективная, когнитивная, социальная, культурно-историческая и любая другая психология). «Менталистские» течения психологии контрастны бихевиоризму

¹ Вслед за Б. Скиннером многие авторы исходят из того, что бихевиоризм – это философия, лежащая в основе поведенческой психологии, а не сама поведенческая психология, которая в строгом смысле представляет собой набор прикладных методов.

лишь в той мере, в какой идея ментальной причинности некритично ими использована, в результате чего механически инкорпорирован и упомянутый дуализм [Burgos, 2016].

Так или иначе, устойчивая внешняя граница бихевиоризма будет сохраняться ровно до тех пор, пока актуально существенное различие между психологией «от первого лица» («ментализм» в широком смысле) и бихевиоральными направлениями как психологией «со стороны», «от третьего лица»² (Christofidou, 2016. P. 14).

Как упоминалось, поведенческий подход не является целостным, непротиворечивым направлением науки. В его рамках существуют достаточно жесткие расхождения по ряду ключевых вопросов. В нашем случае речь пойдет о двух альтернативных стратегиях преодоления так называемого *механицизма* – идеи жесткой средовой детерминации поведения, подразумеваемой классическими версиями бихевиоризма. Очень упрощая, суть упомянутого механицизма можно попытаться раскрыть следующим образом: (случайный) внешний стимул с *необходимостью* влечет за собой реакцию. При этом сам факт стимулирования организмом контролироваться не может, как не может (во многих случаях) контролироваться и необходимость (и даже характер) реагирования. Более того, подразумевается, что если средой (например, социальной) осуществляется подкрепление тех или иных поведенческих ответов, то это происходит автоматически, произвольно (без права «выбирать» для того, кто поведение демонстрирует). Традиционной задачей исследователя поведения было управление реагированием путем манипуляции стимульными переменными, т. е. целенаправленное воздействие (т. е. он олицетворял механистическую среду). Возможность осуществления такого контроля могла быть реализована в специальных, лабораторных условиях, позволяющих ограничить сложность и стохастичность среды (неуправляемое воздействие иных стимулов). До определенного момента механицизм не столько тяготил исследователей, сколько *помогал*: именно неизбежность реагирования и автоматизм подкрепления (испытуемого) и позволяли экспериментатору проводить полноценный эксперимент.

² Понимание научного стиля бихевиоризма можно начинать с категорического «вынесения за скобки» *собственных* мышления, эмоций и т.п. исследователя. В поле зрения – только объект. И тогда ментальная сфера другого человека вновь станет «черным ящиком», а наблюдаемыми – среда и поведение. В случае с изучением животных такую операцию провести много проще (чему пример – запрет И. П. Павлова на «очеловечивание» животных в исследовательской практике его сотрудниками).

Однако с расширением предметного поля бихевиоральной психологии до сложных форм поведения (в том числе человеческого) и усилением потребности «выйти из лабораторий» ситуация изменилась. Механистическая установка стала серьезно ограничивать эвристический потенциал бихевиорального подхода, что неизбежно влекло за собой попытки ее преодоления.

Одной из первых стратегий осуществления эпистемологического «прорыва» стало введение в аналитический инструментарий так называемой «промежуточной переменной». По большому счету, среди важных отличий между современными течениями бихевиоризма мы можем обнаружить как раз вопрос о том, какими переменными они предпочитают оперировать в своем анализе поведения.

Однако сразу следует оговориться, что узкое, строгое понимание концепта («промежуточная переменная») утратило актуальность вместе с первой волной необихевиоризма (К. Халл, Э. Толмен и др.). В нашем обзоре понятие употребляется в расширительном, отчасти метафорическом смысле: к промежуточным, а скорее «дополнительным», относятся все те переменные, которые любым способом «плюсуются» к традиционным *S* и *R*. Как станет видно из дальнейшего содержания, иногда было бы сложно указать на то, где именно «помещаются» дополнительные переменные относительно базовых и какова их референциальная природа – столь отличны могут быть использующие их течения.

Среди таких направлений можно условно выделить два магистральных: теория социального научения (и, шире, социально-когнитивная теория) и «чистый» (радикальный) бихевиоризм, в частности, современные версии оперантной психологии Б. Скиннера и постскиннерианские подходы, прежде всего, теория реляционных фреймов (*relational frame theory*). Несмотря на заметную непохожесть, конкретные практики, лежащие в рамках данных направлений, все же являются поведенческими, поскольку их объединяет концептуальное наполнение предметного поля: акцент на научение (как непреднамеренное получение опыта), поведение (с точки зрения контроля и модификации), подкрепление и т.п.

Ненаблюдаемые переменные: к проблеме различения событий (events) и конструкторов

С момента своего окончательного оформления в 70-х гг. XX в. (стараниями А. Бандуры) теория социального научения нередко

подвергалась критике со стороны представителей поведенческого подхода за нарушение ключевых принципов бихевиоризма и отход от свойственной ему научной щепетильности. Впрочем, такая критика была взаимной: на протяжении десятилетий А. Бандура и его коллеги выстраивали основные положения теории именно по контрасту с принципами оперантной психологии (но по сути на ее основе). К настоящему моменту демаркация между этими двумя направлениями в основном завершена, однако в ходе взаимного в основном бесконфликтного существования они учитывают факт наличия друг друга, например, при аргументации преимуществ положений своего подхода³. Фундаментальный вопрос расхождений заключается в (не)допустимости оперирования ненаблюдаемыми переменными, которые в значительной мере обладают статусом гипотетических конструкторов.

Переменные или конструкторы? Данная проблема в принципе не является новой даже для поведенческой психологии. Как отмечалось, необходимость дополнить схему $S-R$ неоднократно диктовалась самой логикой развития, стремлением перейти к анализу более сложных форм поведения. Со времен необихевиоризма «первой волны» исследователи, в частности К. Халл, Э. Толмен, Р. Вудвордс, Н. Миллер, Дж. Доллард, предлагали различные референты промежуточной переменной (организменные, когнитивные, мотивационные процессы и т. п.), однако все эти попытки приводили к сложностям, расширяющим применимость теорий: либо наблюдался лавинообразный рост подлежащих учету переменных, либо переменные начинали «жить собственной жизнью», и потенциал их изучения сдерживался уже самой $S-R$ схемой.

Нужно сказать, что последней проблемы не избежала и теория самого А. Бандуры: с одной стороны, основное ее развитие пошло по когнитивному пути, ведущему к своеобразной теории личности (как минимум в плане разработки методик ее оценки) [Schoda, 2013; Scott, Cervone 2016]; с другой – поведенческий компонент изначально был самым «консервативным» и развития фактически не получил. Более того, теории социального научения неоднократно «ставилась на вид» недостаточная проработка механизмов подкрепления, а так-

³ Тем более что теорию реляционных фреймов ее сторонники иногда представляют как «третий путь», сущностно приближенный к оперантной психологии, но более лояльный к когнитивному бихевиоризму.

же некорректное употребление понятия применительно к принципу реципрокного детерминизма⁴ [Fryling et al., 2011].

Но так или иначе уже в период зарождения необихевиоризма проявилось стремление четко разграничивать два различных понятия: «гипотетический конструкт» и «промежуточная переменная». К. МакКоркодэйл и П. Мил целенаправленно выделили ряд таких их отличий, которые можно считать принципиальными. Они отмечали, что по сравнению с конструктами: 1) промежуточные переменные: являются лишь инструментом абстрагирования эмпирических данных и в силу этого не содержат избыточных смыслов (*surplus meaning*), которые нужно отдельно доказывать; 2) необходимым условием валидности переменной является доказательность лежащих в ее основе эмпирических законов (доказал закономерность – обосновал переменную); 3) использование переменных определяется удобством их применения в научном дискурсе и экспериментальной практике. Согласно авторам, именно так их понимал Э. Толмен [MacCorquodale, Meehl, 1948. P. 107]. Тем самым принципы поведенческой науки не нарушались. Можно сказать, что более поздние расхождения теории социального научения и радикального бихевиоризма коренятся в этом же различии: то, что для сторонников первого подхода является по сути промежуточной переменной, для вторых – конструктом.

Впрочем, в современном звучании подобная дискуссия имеет несколько иное преломление через разработанную в рамках так называемого интербихевиоризма (философское направление, связанное прежде всего с именем Дж. Кантора), дифференциацию событий и конструктов как видов научного продукта и способов экспликации психологической причинности: «В тех случаях, когда это слово (переменная. – В. С.) относится к стимульным условиям (*stimulus condition*), реакциям, контексту, состоянию организма (*body condition*) либо другим конкретным вещам, переменная является вещью или событием. Когда же под переменными понимаются “промежуточные переменные”, такие как “О” Вудвортса, “внутренние побуждения” Халла или “когнитивные карты” Толмена, они являются конструктами» [Смит, 2003. С. 65].

Систематизируя взгляды Дж. Кантора, Н. Смит выводит ряд современных требований к построению и использованию конструктов

⁴ При знакомстве с наследием А. Бандуры может броситься в глаза, как изменяются тональность и сам «дух» содержания его трудов: почти эталонный бихевиоризм конца 70-х уступает место более когнитивному и «менталистскому» содержанию поздних работ.

в психологическом исследовании, которые по большому счету повторяют обозначенные МакКоркейлом критерии для промежуточной переменной (меняются не требования, а те понятия, которые должны им соответствовать) [Smith, 2007. P. 173]. Не менее детальную информацию по проблеме мы можем прочесть в работе М. Клэйтона: конструкторы должны быть фундированы в континууме естественных событий, обладать валидностью (одна из гарантий которой – их *непроизвольность*. – В. С.), быть когерентными научной системе и т. д. [Clayton, 2005].

В любом случае это подразумевает, например, что применение конструкторов должно быть ограничено некой мерой необходимого, причем избыточный смысл (т. е. ненаблюдаемая их часть) для них также нежелателен, как нежелательно построение на их основе научного объяснения и научной концепции. Любопытно, что благодаря этим положениям Н. Смит солидарен с радикальным бихевиоризмом в критике теории А. Бандуры. С его точки зрения, в реципрокной триаде присутствует «слабое звено» – когнитивная ее часть, слишком гипотетичная в сравнении с поведением и средой [Смит, 2003. С. 66].

В какой же мере использование конструкторов необходимо для любых течений бихевиоризма? Согласно точке зрения некоторых поведенчески ориентированных исследователей, их применения не получится избежать на этапе выхода за рамки экспериментального исследования и перехода к интерпретации результатов⁵. Научная интерпретация по определению не может избежать апелляции к ненаблюдаемым явлениям. В изучении поведения это вполне допустимо, если: эти явления⁶ ранее подвергались экспериментальному анализу; antecedentes интерпретируемого поведения включают условия, достаточные для задействия ненаблюдаемых явлений (в случае, когда связь antecedentov и ненаблюдаемых сейчас явлений доказана ранее); характеристики ненаблюдаемых явлений и их вклад в текущие процессы ограничиваются теми эффектами, которые уже были продемонстрированы ранее при наблюдении таких явлений [Carvalho Neto,

⁵ Без неких обобщающих интерпретаций исследование либо становится предельно узким (и максимально «консервативным»), либо неполным. Это допустимо в случае, когда целью является исключительно модификация поведения, но утопично при необходимости прироста информации.

⁶ В цитируемой работе автор использует оборот «unobserved events» (представляемые конструкторами), который мы вынуждены заменить на «ненаблюдаемые явления», так как в нашем исследовании термин «event» используется в смысле, противоположном конструктору.

2013. Р. 3]. В любом случае бихевиористская позиция по вопросу использования конструкторов была и остается весьма консервативной.

Когнитивные переменные? Содержание наиболее острых противоречий между социально-когнитивной и радикально-бихевиористской версиями поведенческой психологии, а равно и вопроса о наполнении и функциональном предназначении дополнительных переменных, так или иначе сводится к статусу когнитивной сферы, степени ее участия в непосредственном управлении поведением. А если использовать более поведенческий лексикон – в вопросах каузации, детерминации и стимульного контроля.

В рамках данной публикации не имеет смысла приводить дискуссию по когнитивным аспектам поведенческого анализа, однако следует еще раз предостеречь от упрощенного ее понимания и не воспроизводить расхожий стереотип о том, что в радикальном бихевиоризме когнитивная сфера «отсутствует», «не признается» и т. д. В теории социального научения и в оперантной психологии (и, далее, в теории реляционных фреймов) речь идет о *различных способах операционализации* когнитивного. Причем способ, избранный А. Бандурой и его коллегами, можно назвать, так сказать, более «психологически понятным» в сравнении с чисто бихевиоральным, отрицающим ментальную причинность ⁷.

«Антимеханистическая» стратегия теории социального научения

Когнитивные переменные. Начать следует с того, что в рамках теории социального научения не создавалось принципиально новой модели поведения. Когнитивными переменными дополнялись рабочая формула оперантного обусловливания (обусловливание по последствиям) и трехчленная формула поведения $S_D \rightarrow R \rightarrow S_{rein}$, где S_D – так называемый дискриминативный стимул ⁸, а S_{rein} – стимул подкрепляющий (reinforced), т. е. олицетворяющий последствия поведения. Другой вопрос, что вводимые дополнительные переменные должны были существенно расширить ее (формулы) познавательные и прагматические возможности, а также снять накопившиеся противоречия и «слабые места» бихевиорального подхода (в том виде, в каком их

⁷ В стиле «сначала думаю – потом демонстрирую поведение».

⁸ Бандура предпочитал термин «модельный», делая акцент на его функции – давать «подсказку» в выборе поведенческого ответа в текущей ситуации.

описывали критики). В итоге речь идет о том, в рамках какой модели детерминации и контроля поведения (внешняя vs организменная) выстраивается теория.

Концептуализируя дополнительные переменные, А. Бандура значительно развил толменовский подход, который заключался в помещении между *S* и *R* промежуточной (когнитивной) инстанции. В этом развитии его позиция значительно отличалась от идей Вудвордса, Долларда и Миллера, а также Дж. Роттера (чьи идеи также относились к теории социального научения). В частности, в рамках своей концепции Дж. Роттер, также стремясь отойти от механицизма и сделать поведение прогнозируемым, вводит ряд дополнительных переменных: потенциал поведения (как его вероятность), ожидание подкрепления, ценность подкрепления (*value*), психологическая ситуация (по сути набор воздействующих средовых факторов) [Rotter, 1960. P. 314]. Комбинация упомянутых переменных получила выражение в известной формуле прогноза поведения: «вероятность того, что поведение “X” с подкреплением “A” произойдет в ситуации 1, есть функция ожидания того, какую ценность будет иметь подкрепление “A” поведения “X” в ситуации 1»⁹ [Rotter, 1969. P. 5].

Аксиоматика когнитивной инстанции. В отличие от Дж. Роттера, А. Бандура фактически переосмысливает и перерабатывает саму идею «промежуточности», а значит, некоторой вторичности когнитивной инстанции, делая когнитивное едва ли не главным элементом реципрокной триады (как минимум с точки зрения исследовательского внимания к ней). Более того, в отличие от оперантных психологов, он смещает акцент с функционального назначения когнитивных процессов на их содержание (то, «что» и «как» когнитивных переменных интересует его больше, чем «для чего») [Bandura, 1995. P. 186]. Обосновывающий это «гуманистический» аргумент не раз воспроизводится когнитивно-ориентированными поведенческими аналитиками: «без феноменального и функционального сознания люди по существу являются более высокоуровневыми автоматами, лишенными какой-либо субъективности или сознательного контроля» [Bandura, 2001. P. 3]. Вполне вероятно, приведенное положение наделяет сознание и онтологическим статусом.

Развивая идею оперантного научения, А. Бандура придает последствиям поведения не только подкрепляющую, но также информаци-

⁹ Авторский адаптированный перевод.

онную и мотивационную функции, отнеся две последние на счет когнитивной сферы.

Поведенческая «теория личности». Особая роль «третьей переменной» приводит к структурному видению когнитивного компонента реципрокной триады, позволившему к настоящему времени сформировать даже своего рода поведенческую «теорию личности». Концепт «личность» (personality), однако, не должен трактоваться в диспозиционном смысле – против этого категорически выступал и сам А. Бандура (диспозициональность противоречит принципу реципрокного детерминизма) [Corcoran, 1995. P. 203]. Понятие выступает скорее в качестве единицы анализа, объясняется посредством отсылки «...к базовым когнитивным и аффективным структурам и процессам» [Cervone, 2000. P. 30] и понимается как «комплекс, динамическая система ...социально-когнитивных и аффективных процессов ...которые ...имеют тенденцию к самоорганизации, приводящие к устойчивым, согласованным паттернам наблюдаемого поведения» (притом, что «глобальные свойства системы (процессов) объясняются ссылкой на взаимодействия между несколькими основными механизмами») [Cervone et al., 2001. P. 35]. В современных версиях социально-когнитивной теории эти структуры трактуются как относительно стабильная когнитивно-аффективная система (CAPS-модель), включающая, например, «три обширных набора переменных личности: (а) темперамент; (б) self-схематизацию; (в) саморегуляцию» [Scott, Cervone, 2016. P. 3].

Викарное научение. Названные «базовые структуры и процессы» напрямую связаны с «третьим типом» научения – научением через наблюдение, в основу которого положена когнитивная модель входа-выхода [Fryling et al., 2011. P. 194], и которое «обслуживается» четырьмя основными процессами (внимания, сохранения, моторно-репродуктивными, мотивационными) [Бандура, 2000. С. 40]. С учетом специфики научения особый интерес представляет именно содержание (если не сказать «содержимое») получаемого опыта [Holland, 2008], о котором можно судить на основании того, каким образом символизируются данные при когнитивной обработке стимулов.

С точки же зрения трехчленной формулы поведения научение через наблюдение увязывается с модельными стимулами (S_b): «Когда имитируемое поведение было подкреплено положительно, а отклоняющиеся реакции либо не были вознаграждены, либо повлекли наказание, поведение других начинает действовать как дискриминационный стимул для соответствующих (поведенческих. – В. С.) ответов»

[Bandura, 1972. P. 38]. «Поводов» для научения становится больше – собственный опыт подкреплений, наблюдаемое подкрепление других, вербальная информация о последствиях [Bandura, Barab, 1971. P. 245].

При этом важно еще раз подчеркнуть, что аутентичная концепция викарного научения и более современные ее вариации остаются бихевиоральными как минимум в том смысле, что поведение – неустрашимый элемент и разрабатываемые когнитивные (и аффективные) механизмы есть именно регулятивы и причины поведения, равно как и наоборот (поведением могут подкрепляться когнитивные схемы) [Bandura, 1996. P. 329]. В социально-когнитивной теории четко разграничены измерения внутренних структур личности и наблюдаемого поведения (явного) [Cervone et al., 2001. P. 46] и равным образом граница проводится между когнитивными, поведенческими и средовыми (ситуационными) детерминантами [Schoda, 2013. P. 554], причем значимость последних подчеркивалась неоднократно [Bandura, 1981. P. 35–36; Bandura et al., 1977. P. 137].

«Независимость» от среды как преодоление механицизма. В вопросе независимости речь идет не о некоем «высвобождении» организма из-под влияния среды, а лишь о преодолении жесткой детерминации (в описанном выше смысле) и средовой причинности. Им противопоставляются принцип реципрокного детерминизма и трактовка контакта со средой как *непрямого* [Greer et al., 2008. P. 15]. Причем относительно последнего «существует удивительное единодушие в различении поведенческих изменений, обусловленных прямым контактом организма с условиями (контингенциями) подкрепления и наказания, и опосредованных поведенческих изменений, связанных с наблюдением» [Greer et al., 2006. P. 486]. За средой «остается» ее стимульная природа и свойство автоматически подкреплять любое поведение. Вопрос заключается в том, каким образом этого средового диктата избежать: любое поведение будет подкреплено, проблема в том, как в этом процессе участвует тот, чье поведение подкрепляется. Для А. Бандуры и его коллег крайне важно, чтобы степень участия человека была обоснована как максимально возможная.

Вероятно, стремление вывести поведение человека из-под прямого «механистического» детерминизма среды могло стать едва ли не личным мотивом создателей теории социального научения.

Структурирование средовых сигналов при помощи когнитивных механизмов поведения является хорошим ответом на вопрос о том, каким образом внешние воздействия не превращают человека во «флюю-

гер», вынужденный реагировать на любые стимулы. Но ведь именно так с позиции (ранней) теории социального научения выглядит реализация идей «некогнитивного» бихевиоризма: люди – «хранилища» истории внешней стимуляции, они ничего не могут добавить к ее воздействию и «...благодаря концептуальному жонглированию, детерминанты человеческих действий регрессируют до уровня “инициирующей причины”, локализованной в среде, что делает человеческую мысль полностью избыточной» [Bandura, 1996. Р. 324]. В противовес этому, признавая влияние средовых факторов, Бандура делает акцент на том, что «своей активностью люди создают, изменяют и разрушают среду» [Bandura, 1981. Р. 31]. Тем самым личностные переменные наделяются статусом инициирующего агента [Bandura, 2001] (см., например, какие следствия последнее положение имеет в клинической практике [Tazouti, Jarlégan, 2016. Р. 2]).

Сложность и стохастичность среды нивелируется упорядоченностью когнитивной переработки сигналов. Концепт «самоэффективность» (и «ожидания самоэффективности») и более широкое понятие «саморегуляция» (а равно более узкое «самоподкрепление») проливают свет на процедуру селекции сигналов и выбора поведения в той или иной ситуации [Bandura et al., 1976. Р. 5] ¹⁰. Причем очевидным является и обратное влияние факторов среды и поведения на оценку самоэффективности ¹¹ [Bandura, Adams, 1977. Р. 304].

Решается и непростая проблема временного разрыва между научением и реакцией, основанной на полученном опыте. Использование трехчленной формулы поведения, с точки зрения Бандуры, решить ее не позволяет, поскольку в подобной ситуации формула разрывается сама, и четкой связи между дифференциальным (модельным) стимулом, реакцией и стимулом подкрепляющим проследить попросту невозможно [Bandura, 1972. Р. 38].

Оперантная психология, завязанная на идею научения по последствиям, далеко не всегда может объяснить, каким образом сохраняется последовательность поведения в режимах отсроченного подкрепления [Бандура, 2000. С. 25]. На момент оформления теории социального научения радикальный бихевиоризм только начал попытки решить эту проблему с опорой на идею генерализованного

¹⁰ Сам факт возможности выбора указывает на преодоление механицизма в рамках подхода.

¹¹ Вслед за Бандурой еще раз предостережем от расширительной, диспозиционной по сути трактовки самоэффективности (в стиле «самоэффективность = индивидуализм») [Bandura, 2001].

операнта¹². Последняя основана на том, что «поведение регулируется интегрированной обратной связью в большей степени, нежели непосредственными результатами. ...организмы интегрируют информацию о том, насколько часто их реакции получают подкрепление в течение определенного промежутка времени, и регулируют свое поведение в соответствии с суммарными последствиями» [Бандура, 2000. С. 25]. С точки зрения Бандуры, простейший способ объяснить, как именно это происходит – учитывать когнитивные функции. Например, посредством «непрерывной реципрокной интерактивности персональных и внешних детерминант» [Там же]. Хороший способ суммации последствий (прошлых подкреплений) – наблюдение (минимизация проб и ошибок) и моделирование. Модель не только объясняет то, как смоделированный отклик можно использовать сразу же после его наблюдения, но также и то, как это поведение может быть воспроизведено позже при различных обстоятельствах [Fryling et al., 2011. P. 194]¹³.

Когнитивная обработка и переработка отвечают также и за *накопление опыта*, допуская, кроме того, его относительно произвольное применение. Тем самым научение становится гораздо более эффективным:

А. Человек не должен каждый раз проходить череду проб и ошибок, он может заимствовать чужой опыт подкреплений, причем опыт не будет накапливаться «экстенсивно». Бандура не столько отрицает скиннерианскую модель, сколько «удваивает» ее, добавляя когнитивные процессы в качестве ключевой переменной. Он прямо заявляет: «...поскольку научение через ответные последствия по большей части является процессом когнитивным, в тех случаях, когда нет осознания того, что же конкретно подкрепляется, последствия вносят лишь незначительные изменения в общее поведение» [2000. С. 34]. Другими словами, оперантное подкрепление без выраженного когнитивного участия (разумеется, возможно, но) требует гораздо большего времени для суммации накопленного опыта до формирования устойчивого паттерна.

¹² А чрезвычайно эвристичный скиннерианский анализ вербального поведения еще не был в полной мере освоен.

¹³ При этом, однако, введ за Р. Гриром и его коллегами упомянем факт отличий ситуации, когда в результате наблюдения за другими демонстрируется поведение из уже имеющегося репертуара, являющегося результатом проведенного ранее научения через наблюдение, и собственно научение посредством наблюдения [Greer et al., 2006. P. 493].

Более того, когнитивные переменные, структурирующие поведение и сохраняющие опыт, по сути способствуют возникновению своеобразного «резерва реакций», «избыточности» поведенческих ответов в отношении средового стимулирования, снимающей средовой детерминизм ¹⁴ [Bandura, Mahoney, 1974. P. 97].

Б. На основе ожиданий человек может предсказывать последствия своего поведения. Бандура и его коллеги говорят о том, что оперантные аналитики не очень любят говорить о (возможных) подкреплениях в будущем как «организаторе» поведения. В своем объяснении они как бы идут по цепочке назад (ретроспективно: опыт подкреплений и непосредственные последствия) [Bandura, 1981. P. 35]. Когнитивная же обработка дает существенный «прирост» предиктивных возможностей [Bandura, 1995. P. 180]. Способность приносить ожидаемые результаты для текущей деятельности способствует предсказуемому поведению через процедуру *сопоставления желаемого результата* с текущей средовой стимуляцией [Bandura, 2001. P. 7], тогда как поведенческие аналитики увязывают предсказуемость как раз со средой [Bandura, 1995. P. 185] ¹⁵.

В. Соответственно, человек может «подготовить» (т. е. смоделировать) поведение в ситуациях, в которых еще никогда не был, еще не столкнувшись с подкреплением и последствиями своих действий, т.е. появляется механизм объяснения нового поведения.

Любопытно, но из логики подхода вытекает, что «автоматические» подкрепляющие стимулы обладают приоритетом, моделирование же, ожидания (подкрепления и самооэффективности) способны их нивелировать, минимизировав риск случайных (но функциональных) подкреплений (т.е. научения неправильному поведению) [Бандура, 2000. С. 27]. Кроме того, когнитивные переменные позволяют объяснить, согласно Бандуре, во-первых, тот факт, что люди не имитируют все, что видят (несмотря на воздействие), во-вторых, что люди имитируют то, чего никогда не видели.

Сложности подхода. Несмотря на серьезный эвристический потенциал, социально-когнитивная теория имеет и ряд проблемных вопросов.

¹⁴ Прямо об этом Бандура не говорит, но можно предположить, что прежде, чем давать поведенческий ответ на внешний (модельный) стимул, может существовать возможность выбрать этот ответ. И напротив, автоматизм средовых подкреплений подобный выбор исключает.

¹⁵ Что оставляет открытым вопрос о прогнозе поведения в неэкспериментальных ситуациях, когда средовыми переменными никто не манипулирует целенаправленно.

Во-первых, вопреки тщательной проработке принципа реципрокного детерминизма, данный подход все же продолжает оперировать гипотетическими конструктами, чей статус в вопросе измеримости и наблюдаемости «авансом» уравнен со средовыми переменными и поведением. Ситуация улучшается за счет упомянутого фактора развития нейронаук и попыток оформления поведенческой «теории личности» на основе детальных формализованных методик оценки [Schoda, 2013; Scott, Cervone, 2016. P. 80]. Однако еще Г. Айзенк напоминал об известном Бандуре (неразрешенном) парадоксе, который заключался в том, что многие теории поведенческих изменений когнитивны по природе, но методы, приводящие к таким изменениям, основаны на исполнительских операциях, что может означать подмену причинности [Eysenck, 1978. P. 175]. Причем интенция к изменению когнитивных (и аффективных) переменных касается многих сфер приложения подхода, в том числе клинической практики [Dougher, 2013. P. 226].

Во-вторых, в своем стремлении уйти от механицизма социально-когнитивные теории не смогли избежать самого «прямолинейного» пути – своего рода концептуальной «контрадикторности». Прямо отрицая глобальное значение непосредственной средовой детерминации, когнитивисты по сути остаются в рамках линейного мышления и упомянутого в начале статьи дуализма (в стиле «не хочешь, чтобы человек был флюгером – придай особое значение его когнитивной сфере, в которой он произволен»).

В своей публикации С. Кемп прямо указывает, что $S-R$ и $S-O-R$ подходы развиваются в рамках картезианской традиции объяснения поведения в терминах «автомата» [Kemp, 1997. P. 230]. Контроль поведения здесь означает контроль antecedентов (а не консеквентов, как в оперантной психологии). Очевидно, что из всех версий «когнитивных» поведенческих подходов именно теория Бандуры оказалась ближе всего к тому, чтобы вырваться из дуалистической парадигмы. Но еще один парадокс заключается в том, что принцип реципрокного детерминизма пока не смог в полной мере реализовать функцию «убийцы» дуализма. Причина того, вероятно, кроется в трудоемкости экспериментальной его проверки, а точнее сложности обнаружения всех элементов реципрокной триады *одновременно*. В итоге интерпретация поведения на его основе либо упрощается (с явным акцентом на взаимоотношения каких-либо двух переменных), либо последовательно «раскладывается» на более простые элементы, сни-

жая степень подобия исследовательской модели поведения и самого наблюдаемого поведения.

В-третьих, помня о прагматической ориентации бихевиоризма, некоторые исследователи указывают на различные (но одинаково значимые) результаты применения социально-когнитивной теории и оперантной психологии в одних и тех же ситуациях (см., например, об эффектах вознаграждений в организационной психологии) [Carton, 1996. P. 247].

Указанные «слабые места» также были использованы современной оперантной психологией в построении альтернативы.

«Антимеханицизм» оперантной психологии

Приведенные выше концептуальные построения социально-когнитивной теории, как отмечалось, во многом основаны на противопоставлении «классической» оперантной психологии, долгое время задающей тренд развития бихевиоризма. Однако было бы ошибочным полагать, что со времени «когнитивного» поворота в поведенческой психологии скиннерианский подход не претерпел существенных изменений. Модернизация подхода была и продолжает быть направлена фактически на выработку чисто поведенческих решений тех вопросов, которые в своем формате решала теория социального научения.

Дополнительные переменные? Начать следует с того, что «антимеханистический» потенциал был заложен уже самой формулой оперантного обусловливания, устанавливающей контингентные отношения между реакцией и подкрепляющим стимулом. При этом контингентность означает особый тип связи между переменными (или событиями), при которой одна из них влияет на вероятность другой¹⁶ [The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009. P. 132]. Применительно к трехчленной формуле поведения это означает, например, что «дискриминационные стимулы никогда не увеличивают вероятность соответствующих ответов вообще, но только уменьшают вероятность несоответствующих ответов (и в этом смысле выступают заменой понятия “ожидание”. – В. С.) ...и имеют каузальный эффект не в отношении реакции, а в отношении связи между реакцией и подкреплением» [Кемп, 1997. P. 230]. Это тем более важно, что, с точки зрения некоторых авторов, анализ поведения (во всяком случае современный) занимается отнюдь не научением как таковым. Его предмет,

¹⁶ Что означает *вероятностный*, а не *случайный* характер последствий поведения.

скорее, «...отношение; связь между поведением и контекстом, в котором оно происходит» [Dougher, 1995. P. 217].

Вариант, подразумевающий введение в качестве дополнительных переменных референтов внутренних состояний, во многом противоречит научной доктрине радикального бихевиоризма.

Во-первых, вероятное в этом случае диспозициональное прочтение когнитивной сферы эпистемологически чуждо оперантной психологии, так как подразумевает субстанциальность внутренних переменных, их независимость от средовых и иных влияний.

Во-вторых, использование промежуточных либо дополнительных переменных исключительно в качестве объяснительных конструктов также излишне в силу ряда причин, приведенных, например, Д. Муром: «1. Они препятствуют эффективному прогнозированию и контролю поведения; 2. Они скрывают важные детали; 3. Они искажают факты, которые должны быть учтены; 4. Они препятствуют поиску действительно релевантных переменных; 5. Они разжигают любопытство, заставляя людей воспринимать причудливые и фиктивные построения в качестве объяснений; 6. Они дают ложные заверения в отношении состояния наших знаний; 7. Они приводят к продолжению использования научных методов, от которых следует отказаться, например, гипотетико-дедуктивного...» [Moore, 2009. P. 35].

Альтернативным способом расширения предметной области направления стала своеобразная стратегия «опосредования», подразумевающая отход от механицизма через усложнение стимульных отношений. В каком-то смысле все те функции, которые в социально-когнитивных теориях передавались внутренней, когнитивной инстанции (упорядочивание стимульного «хаоса», структурирование поведенческих ответов, обеспечение независимости организма от среды в пространстве и времени и, соответственно, усложнение подлежащего усвоению опыта), в современных версиях радикального бихевиоризма выносятся «вовне» и локализуются в области сопряжения организма и среды (т. е. приписываются поведению).

Ниже следует кратко упомянуть тот концептуальный инструментарий, при помощи которого данная задача решается.

Различение публичных и частных (частных) событий. Речь идет о предложенном Б. Скиннером своеобразном способе представления ненаблюдаемых переменных (без введения собственно переменных). Те явления, которые в когнитивном бихевиоризме трактовались «внутренне» (когниции, эмоции), получают здесь чисто поведенческую окраску, в том смысле, что они тоже являются поведением, но про-

текают «приватно», в том числе вне наблюдения. Благодаря этому, они могут быть встроены в поведенческий анализ. Как приватные можно трактовать: «(а) приватные поведенческие события, (б) физиологические события, (в) вероятность активации определенных форм поведения (диспозициональное значение. – В. С.) или (г) объяснительные конструкции»¹⁷ [Moore, 2009. P. 25].

Данная дифференциация вызывает ряд вопросов. В частности, У. Баум, констатируя, что для радикального бихевиоризма чужд подход, отождествляющий внутреннее событие с его внешним выражением (это скорее Уотсон), вместе с тем отмечает, что идея «приватного события», в том числе подразумевающего скрытое протекание, достаточно проблемна (что делать со «скрытостью»?) [Baum, 2011. P. 193; Steinman, 1970. P. 167]. Однако при условии соблюдения ряда требований их использование вполне возможно: «когда кто-то говорит о мыслях или чувствах, мы не должны представлять частные события как причины высказываний (в смысле содержания того, чего не наблюдаем. – В. С.), но мы должны искать детерминанты в средовых событиях настоящего и прошлого. Прошедшие события невидимы в настоящем, но они *были публичными и наблюдаемыми*, и все выводы о них можно проверить, в отличие от выводов о частных событиях» [Baum, 2011. P. 199]. Завершая мысль, следует подчеркнуть, что в рамках данного подхода когниция (эмоция) не может быть причиной поведения (и наоборот), так как они (и когниция, и поведение) *проистекают из одного и того же источника* (то, что вызывает поведение, является и причиной когнитивных событий) [Kirsch et al., 2004. P. 378].

Развитие идеи генерализации. Выше упоминалось, что идея генерализованных оперантов была отчасти интегрирована Бандурой в свою теорию, которая, с его точки зрения, давала наилучший ответ на вопрос о механизмах данного процесса. Важность последнего сложно переоценить, так как именно генерализация позволяет осваивать большие «порции» опыта, переносить его из ситуации в ситуацию, экстраполировать во временной перспективе.

В рамках радикального бихевиоризма генерализация интерпретируется не в когнитивном ключе, а при помощи, например, обращения к особому типу поведения – вербальному. Одноименная работа Б. Скиннера дала мощный импульс развитию бихевиоризма приме-

¹⁷ В цитируемой работе проблема приватных событий подвергается всестороннему и весьма интересному анализу.

нительно к человеческому поведению, существенно расширив эвристические возможности подхода. Вербальное поведение трактуется «...как поведение, усиливающееся посредством другого организма, который был научен окружающими предоставлять подобное поощрение»¹⁸. Здесь нужно оговориться, что понятие «вербальное поведение», разумеется, связано с использованием языка, но в исключительно прагматическом контексте. Быть может, точнее было бы сказать, что вербальное поведение – это поведение с использованием (любых) средств общения и коммуникации, *поскольку в нем подкрепление имеет отчетливую социальную природу* (позиции «говорящий» и «слушатель» у Скиннера)¹⁹.

Благодаря идее вербального поведения стало возможным дальнейшее расширение предметного поля.

Во-первых, речь идет о разработке идей множественного и совместного стимульного контроля, которые подразумевают именно вербальное посредничество между некоторыми видами селективного поведения²⁰. Тем самым формируется поведенческий инструментарий, позволяющий лучше понимать ситуации, где несколько переменных вызывают одну реакцию, и наоборот [Skinner, 2014. P. 227]: «Вербальное поведение обычно является следствием нескольких причин. Отдельные переменные комбинируются для расширения их функционального контроля, а новые формы поведения возникают из рекомбинации старых фрагментов» [Ibid. P. 43].

Во-вторых, научению через наблюдение противопоставляется дальнейшее развитие идеи генерализованной имитации, дающей возможность «обобщения имитации для нового поведения» (т. е. обобщения не поведения, а *самой имитации*. – В. С.) [Fryling et al., 2011. P. 195] и тем самым как бы заимствовать (обобщенный) опыт.

¹⁸ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов: обзор полемики // Переводы статей по прикладному анализу поведения. URL: <https://abatranslation.wordpress.com/2017/01/01/теория-реляционных-фреймов-обзор-пол/#more-677>.

¹⁹ Иначе говоря, главное здесь не то, кто, что, кому и с каким эффектом сообщает. Для функционального анализа поведения важнее, что своими действиями «говорящий» подразумевает возможность подкрепляющего реагирования со стороны другого. Вербальный же инструментарий просто расширяет поле, в котором происходит и подкрепляется поведение.

²⁰ Сайднер Д. Совместный контроль «для чайников»: объяснение модели совместного (стимульного) контроля Ловенкрона // Переводы статей по прикладному анализу поведения. URL: <https://abatranslation.wordpress.com/2016/10/18/совместный-контроль-для-чайников-об/#more-515>.

При этом, в отличие от викарного научения, генерализованная имитация подразумевает все же прямой контакт со средой, она оказывается «...результатом прямого подкрепления класса ответов, и, хотя она является оперантом более высокого порядка, это не поведение, контролируемое наблюдением за подкреплением, полученным другими» [Greer et al., 2006. P. 492]. Из описания механизма генерализованной имитации, предложенного одним из «пионеров» данного направления Д. Баером и его коллегами, следует, что для проведения подобной процедуры человек должен быть способен устанавливать различие *между поведением модели и своим собственным*, что делает возможным и научение принципиально новым навыкам. С точки зрения авторов, критерии подобного различия не могут не отсылать к личной истории подкреплений ²¹ [Baer et al., 1967. P. 415–416]. И если установление различий поведения модели и своего Бандура трактует когнитивно (что даже психологически более «удобно»), то оперантная психология укореняет эти различия в среде (поведение, основанное на неправильном различении, не подкрепляется или наказывается) и на личной истории подкреплений.

Здесь следует вставить ремарку об особой роли так называемой *истории подкреплений* ²² в концептуальных построениях радикального бихевиоризма. При помощи этой идеи его сторонники объясняют многое, в том числе процесс формирования паттернов. Однако здесь видится любопытная проблема. Если мы говорим о «чистых» экспериментальных условиях, когда действительно можно наблюдать последовательную цепочку научения, интерпретация с отсылкой к элементам этой цепочки абсолютно уместна. Но вне лаборатории возникает сложность: история подкреплений не наблюдается непосредственно и в таком случае фактически становится конструктом. Полностью этот парадокс, пожалуй, не преодолен. Одним из способов решения может являться присутствие в наблюдаемом поведении индивида вербальных и иных отсылок к истории. Кроме того, сам механизм генерализации – это по сути процедура обобщения опыта для использования его в дальнейшем в иных ситуациях (без оперирования самим опытом прошлого).

В-третьих, поскольку генерализация подразумевает существенную интенсификацию усвоения опыта, возникает вопрос о механизме,

²¹ Напомним, что с позиций теории социального научения данное различие устанавливается когнитивно, на чем и основано научение через наблюдение.

²² Строго говоря, «история подкреплений» – это функционалистский синоним понятия «опыт».

обслуживающем данный процесс. Такой механизм описан в рамках, например, теории эквивалентности стимулов. Причем отношения эквивалентности, фиксируемые для классов стимулов, формируются в процессе научения. Иными словами, стимульные события эквивалентны не потому, что в них содержатся схожие свойства, существующие «сами по себе»: «...эквивалентные классы не являются интегрированными единицами, но состоят из более гибких отношений» [Roche et al., 1997. P. 158].

Исследования, посвященные эквивалентности стимулов, демонстрируют, что свойства стимулов, в целом, переходят от одних элементов эквивалентных классов к другим ²³. Иначе говоря, фактором трансформации стимула является не только среда, но и другие стимулы, не связанные напрямую с конкретным воздействием в данный момент.

Методологическая «изоляция» поведения в теории реляционных фреймов. Как отмечалось, оперантная психология переносит все функции, описанные в «когнитивном» бихевиоризме, в область взаимодействия организма и среды (или иначе – поведения и среды). Не стали исключением механизмы редукции средовой сложности и стохастичности. В социально-когнитивных теориях эта задача решается в рамках реципрокного детерминизма (когнитивная обработка структурирует и даже видоизменяет стимульную среду). Анализ генерализованной имитации и теория эквивалентности позволили несколько уравнивать эвристические возможности радикально-бихевиористского и когнитивного подходов. Однако постскиннерианская теория реляционных фреймов пошла дальше и позволила детальнее понять «вынесенный вовне» механизм структурирования средовых воздействий. При этом потребовался пересмотр одного из положений скиннерианской теории, приведший к крайне важным, с нашей точки зрения, методологическим следствиям.

Пересмотр касается понятия частных событий. С. Хайес критикует данный концепт и подчеркивает необходимость трактовать когнитивные феномены в терминах событий, доступных для внешнего наблюдения [Hayes, Fryling, 2009. P. 43–44]. В своем развернутом исследовании проблемы автор анализирует недостатки различения публичных и частных событий, точнее изъяны (ненаблюдаемость) последних. Он подчеркивает, что соблюдение требований поведенческого анализа содержит необходимость детального учета всех

²³ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов...

переменных (некоторая гипотетичность частных событий содержит проблему). Если исходить из того, что (не)наблюдаемость тех или иных переменных проистекает не из свойств самих событий, а из позиции наблюдателя, решение заключается именно в «коррекции» исследовательской оптики [Ibid.].

Идея теории реляционных фреймов в этом вопросе основана на констатации концептуального подобия теории социального научения и оперантной психологии в вопросе отношения к когниции (аффекту и т. п.). Оба направления трактуют ее как *зависимую* переменную. Но если в первом подходе, ориентированном на предсказание поведения через отсылку к причинам, в качестве предиктора может выступить «...любая зависимая переменная, которая надежно предшествует другой зависимой переменной» (например, когниция предшествует поведению и является его причиной. – В. С.), то во втором – чисто поведенческом, ориентированном на контроль поведения, – подобная процедура невозможна, так как зависимая переменная по определению не может быть использована для прямого управления [Hayes, Wilson, 1995. P. 242]. Из-за этого когницию как предмет исследования предпочитают либо из поведенческого анализа исключить вообще, либо она учитывается косвенно (концепт «частного события»).

Предлагаемую теорией реляционных фреймов альтернативу можно трактовать даже как своего рода локальную эпистемологическую революцию – когнитивные, аффективные и иные частные события интерпретируются в ней как *независимые* переменные, и по отношению к поведению они становятся фактически приравненными к среде²⁴, т. е. когнитивная (аффективная и т. д.) сфера влияет на поведение также, как и *внешняя* (например, социальная) среда. И тогда весь описанный выше инструментарий (генерализация, имитация, эквивалентность, контингентность и т. п.) применим и в анализе *отношений когнитивной и поведенческой сфер*. В каком-то смысле речь идет о поведенческом аналоге реципрокной триады (хотя прямые указания на это найти сложно).

Структурирование среды и контекстуальный контроль. Поведенческий подход исходит из аксиомы сложности среды в том смысле, что она содержит потенциально бесконечное число стимулов. В классическом бихевиоризме практически не было инструментария, по-

²⁴ В функциональном, но никак не онтологическом, субстанциальном смысле.

звolyющего ответить на вопрос, каким образом с этой сложностью «справляется» организм. В социально-когнитивной теории сложность редуцировалась благодаря когнитивным функциям. Оперантная психология пошла по пути поисков механизмов борьбы со сложностью в самом поведении.

Как отмечено, идея фреймирования, по сути, продолжает и детализирует способы упорядочивания среды (судя по всему и «когнитивной» среды) в рамках поведения. Речь идет уже не просто о генерализации, имитации или установлении эквивалентности стимулов. Можно говорить об описании стратегий установления независимости от средовых возмущений (причем чисто поведенческой), в чем-то сопоставимой по значению с «когнитивным поворотом».

Стратегия основана на возможности произвольного установления отношений между стимулами (т. е. такие отношения – результат оперантного научения)²⁵. Согласно теории, люди научаются выводить взаимные отношения между событиями (без непосредственного опыта подкреплений) [Hayes, Wilson, 1995. P. 243], все более и более расширяя сеть связанных таким образом стимулов (такие отношения и есть реляционные фреймы) и тем самым структурируя среду стимульного взаимодействия. Оперантное поведение подкрепляется прямыми контингенциями, но изменяется под воздействием реляционных отношений, и далее научение происходит опосредовано. Причем такое опосредование может быть весьма широким «...как если бы стимулы были связаны друг с другом разными способами» [Hughes, Barnes-Holmes, 2013. P. 3]. Иными словами, сам поведенческий ответ является реляционным по «природе» и автоматически подразумевает установление связей с различными стимулами (самим фактом поведения) [Relational Frame Theory..., 2002. P. 27].

Тем самым число механизмов и способов научения расширяется. В этой связи С. Даймонд подчеркивает различие между тремя типами научения: основанном на восприятии (в основе – физическое подобие стимулов), реляционным (относительном – на основе отношения между событиями) и ассоциативным (на основе связывания произвольных стимулов) [Dymond, 2014]. Общим для всех трех типов является сам факт установления связи, отношений между стимулами, которые зависят от контекста (а не просто механическая реакция на конкретный стимул). «Согласно теории реляционных фреймов,

²⁵ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов...

вербально компетентные люди могут связывать события, когнитивные и другие, без какой-либо истории прямого обусловливания... Устанавливать связь – значит реагировать на одно событие в терминах другого. В дополнение к реагированию на формальные свойства стимула, люди также могут реагировать на стимулы реляционно» [Weinstein et al., 2008. P. 43]. Таким путем возрастает и степень независимости организма от среды за счет «отрыва» реакции от произвольных свойств стимула, приводящих к автоматическому подкреплению [Dymond, 2014. P. 152].

Сам фрейм – это своеобразная «рамка отношений», внутри которой возможно произвольное обращение со стимулами; это привнесенная в ситуацию гибкая структура сопряжения поведения и среды. Во многом – это способ произвольного «некогнитивного» абстрагирования. Можно зафиксировать корни фреймирования в процедуре генерализации, которая подразумевает выработку и использование поведенческих критериев, переносимых из ситуации в ситуацию независимо от характера подкреплений. Так, в случае генерализации операнта (как такового) речь идет о переносе из ситуации в ситуацию критериев различения «природы» стимулов, позволяющем, например, относить их к эквивалентным классам (а не обрабатывать каждый стимул «с нуля»).

Фреймирование – процедура подобного типа. Обработка средового стимула путем помещения его во фрейм приводит к тому, что стимул *обретает* свои свойства (т. е. свойства стимула не содержатся в нем самом) за счет своей связи с другими стимулами, относящимися к данному фрейму (этот континуум стимулов составляет стимульный контекст). Тем самым он перестает быть «механическим» (каким бы он был, если бы «между» средой и поведением не подвергался «фреймовой» обработке). Другими словами, фрейм включает критерий селекции стимулов определенного класса, задает границы этих классов (по сути, на основе «инструкции», какие именно стимулы помещаются во фрейм), устанавливает порядок произвольной связи стимулов во фрейме. Таковую степень гибкости и произвольности в обращении со стимулами обеспечивает прежде всего вербальная природа фреймов («вербальное поведение – фреймирование отношений между событиями» [Relational Frame Theory..., 2002. P. 42]).

Любопытно, что многие поведенческие аналитики не готовы признать «инновационную» природу данной концепции. Для них все то, что относится к категории фреймирования – хорошо систематизи-

рованная концептуализация всего того, что и так есть в радикальном бихевиоризме (а «фрейм» – лишний термин). Так, Дж. Палмер проводя критический разбор теории, разбирая типы фреймирования (координация, оппозиция, различение, сравнение, иерархия, временные и пространственные, а также дейктические отношения), доказывал ее «избыточность» и достаточность инструментария оперантной психологии [Palmer, 2004. P. 191–192].

Реляционный фрейм как аналитическая единица укладывается в трехчленную формулу: контекстуальный сигнал – это третья переменная (S_{reinf}), реляционный ответ (т. е. реакция на стимул «В» в терминах «А», и наоборот) – второй член формулы (R), а история дифференциального подкрепления, коррелирующая с контекстуальным сигналом, – первый компонент формулы (S_D) [Healy et al., 2000. P. 207].

В силу описанных причин теория реляционных фреймов считает ключевым именно *контекстуальный контроль*²⁶: подкрепляющий эффект данного стимула зависит от того, в каких отношениях он находится с другими (на чем сказываются история подкреплений, средовые влияния и сама процедура помещения всех этих параметров во фрейм). «С этой точки зрения любые фреймированные объекты или события становятся для нас вербальными – они становятся частью мира, известного через реляционный фрейм» [Stewart, 2017. P. 69].

Сближение с когнитивной психологией? Выше упоминалось, что теория реляционных фреймов, несмотря на свою поведенческую природу, делает невольные шаги в сторону сближения с когнитивной психологией (даже не с когнитивным бихевиоризмом). Объяснения данного факта таковы: «Сетевая теория значения, подразумеваемая теорией реляционных фреймов, сильно пересекается с современными когнитивными теориями смысла... Если концепция... правильна, множество когнитивных данных, показанных с помощью идеи семантических сетей (например, эффекты прайминга), могли бы применяться к классам эквивалентности (или другим реляционным сетям) и наоборот. Короче говоря, анализ поведения теперь является отраслью, активно изучающей “познание”» [Hayes, Hayes, 1992. P. 1393]. При том что такое изучение познания преследует иные цели, чем в когнитивной психологии (чисто прагматические).

²⁶ В отличие от когнитивного в теории Бандуры или чисто средового в оперантной психологии.

Заключение: еще раз о конструктах и переменных

Представленные стратегии преодоления механицизма в поведенческой психологии построены на одном и том же принципе: автоматическое следование реакции из стимула необходимо «размыть», усложнив и, метафорически выражаясь, «интеллектуализировав» предоставление поведенческого ответа. Схема «если S, то (с необходимостью) R» должна быть дополнена переменными, отвечающими за обработку и трансформацию стимула, нейтрализующими жесткий детерминизм. Различие между подходами заключается в том, за счет чего проводится такая эпистемологическая операция.

Готовность теории социального научения к использованию конструктов, когнитивных переменных накладывает отпечаток на концептуальный «скелет» теории. М. Дугер проводит принимаемую и в нашей работе (пусть и в иных терминах) границу между так называемой «механистической психологией» (в том числе «когнитивным» бихевиоризмом) и «реляционным» (контекстуальным) подходом (вероятно, имея в виду современные формы анализа поведения). Согласно его исследованию, отличия данных направлений касаются целей, единиц анализа, представлений о причинности и объяснительных принципов. Говоря о единицах анализа, он прямо указывает на то, что в теории социального научения в качестве таковой выступает «процесс, явление (entity) или конструкт, который не является непосредственно наблюдаемым, но выводится из наблюдаемых отношений между средовыми и поведенческими событиями» [Dougher, 1995. P. 217]. При этом онтологический статус конструкта до конца не ясен, очевидно лишь, что он не является поведением (это можно утверждать относительно, например, самоэффективности).

Можно ли говорить о том, что производность когнитивных переменных означает их гипотетичность? Сам А. Бандура был склонен давать отрицательный ответ на этот вопрос. Конкретный перечень ненаблюдаемых переменных должен навести на подобную мысль и нас. В рамках идеи реципрокного детерминизма ни одна из переменных триады не является лишней. Если бы некто решил провести мысленный эксперимент и придать отдельное существование когнитивному компоненту теории, мы получили бы своеобразную «менталистскую» теорию личности, ничем особым не примечательную. Именно средовые и особенно поведенческие рамки делают набор когнитивных

переменных осмысленным (и позволяющим увязывать когнитивное с научением, а не, например, познанием).

Клиническое приложение самой идеи, заложенной в подходе, в виде различных версий когнитивно-поведенческой терапии, предохраняет от вынесения поведения за скобки (с наблюдаемого поведения начинается и им же заканчивается процесс). Причем последнее выполняет далеко не только симптоматические функции. Когнитивная парадигма полезна в плане разработки эффективных стратегий вмешательства [Corrigan, 1995].

Другой вопрос, что в различных сферах практического приложения особое внимание всегда уделялось именно ненаблюдаемому (быть может, наряду со стремлением максимально увеличить прозрачность переменных). Так или иначе эвристический потенциал идеи реципрокного детерминизма по ряду причин сложно считать раскрытым полностью.

Когнитивные переменные позволили вырваться из жестких детерминистских рамок и обеспечить независимость поведения от среды в пространстве и времени. Упомянутые выше претензии к Бандуре и его коллегам в связи с недостаточным вниманием к механизмам средовых подкреплений не столь важны. Строго говоря, детальная проработка таких подкреплений социально-когнитивным теориям и не нужна: какими бы ни были свойства стимула, они все равно могут стать другими вследствие когнитивной обработки.

Радикально-бихевиористская версия антимеханизма призвана решить те же проблемы, но принципиальным для нее является стремление оставаться в сугубо поведенческих рамках. Задача упорядочивания стимульного «хаоса», структурирования поведенческих ответов, обеспечения независимости организма от среды в пространстве и времени, усложнения подлежащего усвоению опыта решается за счет предоставления соответствующих функций поведению. На вопрос о том, идет ли речь при этом о введении дополнительных переменных, ответить бывает не просто, но факт некоторого сближения двух описанных течений благодаря усилиям теории реляционных фреймов налицо.

Список литературы

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Смит Н. В. Современные системы психологии / Пер. с англ.; под ред. А. А. Алексеева. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

Baer D. M., Peterson R. F., Sherman J. A. The development of imitation by reinforcing behavioral similarity to a model // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1967. Vol. 10. No 5. P. 405–416.

Bandura A. Comments on the crusade against the causal efficacy of human thought // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 179–190.

Bandura A. In Search of Pure Unidirectional Determinants // *Behavior Therapy*. 1981. Vol. 12. P. 30–40.

Bandura A. Modeling Theory: Some Traditions, Trends, and Disputes // *Recent Trends in Social Learning Theory* / Ed. by Ross D. Parke. New York; London: Academic Press, 1972. P. 35–61.

Bandura A. Ontological and epistemological terrains revisited // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1996. Vol. 27. No. 4. P. 323–345.

Bandura A. Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 1–26.

Bandura A., Adams N. Analysis of self-efficacy theory of behavioral change // *Cognitive Therapy and Research*. 1977. Vol. 1. No. 4. P. 287–310.

Bandura A., Adams N., Beyer J. Cognitive processes mediating behavioral change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. Vol. 35. No. 3. P. 125–139.

Bandura A., Barab P. G. Conditions governing nonreinforced imitation // *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 5. No 2. P. 244–255.

Bandura A., Mahoney M. J. Maintenance and transfer of self-reinforcement functions // *Behavior Research and Therapy*. 1974. Vol. 12. P. 89–97.

Bandura A., Mahoney M. J., Dirks S. J. Discriminative activation and maintenance of contingent self-reinforcement // *Behavior Research and Therapy*. 1976. Vol. 14. P. 1–6.

Baum W. M. Behaviorism, private events, and the molar view of behavior // *The Behavior Analyst*. 2011. Vol. 34. No. 2. P. 185–200.

Baum W. M. On the impossibility of mental causation: comments on Burgos' (2015) «antidualism and antimentalism in radical behaviorism» // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 1–5.

Burgos J. E. Mentalism versus dualism: replies to commentaries // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 46–79.

Carton J. S. The Differential Effects of Tangible Rewards and Praise on Intrinsic Motivation: A Comparison of Cognitive Evaluation Theory

and Operant Theory // *The Behavior Analyst*. 1996. Vol. 19. No. 2. P. 237–255.

Carvalho Neto M. B. de We are all methodological behaviorists // *Behavior and Philosophy*. 2013. No. 41. P. 1–10.

Cervone D. Thinking about self-efficacy // *Behavior Modification*. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 30–56.

Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-Cognitive Theory of Personality Assessment // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. No. 1. P. 33–51.

Christofidou A. Jose E. Burgos (2015). Antidualism and antimentalism in radical behaviorism: a critical discussion // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 6–17.

Clayton M. C. The nature and value of scientific system building: the case of interbehaviorism // *The Psychological Record*. 2005. No. 55. P. 335–359.

Corcoran K. J. Understanding cognition, choice, and behavior // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 201–207.

Corrigan P. W. On the battle between behavior and cognition: lessons from physicists and pragmatists // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 209–214.

Dougher M. J. A bigger picture: cause and cognition in relation to differing scientific frameworks // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 215–219.

Dougher M. J. Behaviorisms and Private Events // *The Behavior Analyst*. 2013. Vol. 36. No. 2. P. 223–227.

Dymond S. Meaning is more than associations: relational operants and the search for derived relations in nonhumans // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2014. Vol. 101. No. 1. P. 152–155.

Eysenck H. J. Expectations as causal elements in behavioural change // *Advances in Behaviour Research and Therapy*. 1978. Vol. 1. Is. 4. P. 171–175.

Fryling M. J., Johnston C., Hayes L. J. Understanding observational learning: an interbehavioral approach // *The Analysis of Verbal Behavior*. 2011, Vol. 27. P. 191–203.

Greer R. D., Singer-Dudek J. The emergence of conditioned reinforcement from observation // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2008. Vol. 89. No. 1. P. 15–29.

Greer R. D., Singer-Dudek J., Gautreaux G. Observational learning // *International Journal of Psychology*. 2006. Vol. 41 (6). P. 486–499.

Hayes L. J., Fryling M. J. Overcoming the pseudo-problem of private events in the analysis of behavior // *Behavior and Philosophy*. 2009. Vol. 37. P. 39–57.

Hayes S. C., Hayes L. J. Verbal relations and the evolution of behavior analysis // *American Psychologist*. 1992. Vol. 47. No. 11. P. 1383–1395.

Hayes S. C., Wilson K. G. The role of cognition in complex human behavior: a contextualistic perspective // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 241–248.

Healy O., Barnes-Holmes D., Smeets P. M. Derived relational responding as generalized operant behavior // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2000. Vol. 74. No. 2. P. 207–227.

Holland P. C. Cognitive versus stimulus-response theories of learning // *Learn Behavior*. 2008. Vol. 36 (3). P. 227–241.

Hughes S., Barnes-Holmes D. Associative concept learning, stimulus equivalence, and relational frame theory: working out the similarities and differences between human and nonhuman behavior // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2013. Vol. 99. No. 2. P. 1–5.

Kemp S. M. R–S and S(–O)–R: alternative designs for neural networks // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1997. No 2. P. 229–231.

Kirsch I., Lynn S.J., Vigirito M., Miller R.R. The role of cognition in classical and operant conditioning // *Journal of Clinical Psychology*. 2004. Vol. 60 (4). P. 369–392.

MacCorquodale K., Meehl P. E. On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55. P. 95–107.

Moore J. Why the radical behaviorist conception of private events is interesting, relevant, and important // *Behavior and Philosophy*. 2009. Vol. 37. P. 21–37.

Palmer D. C. Data in search of a principle: a review of relational frame theory: a post-skinnerian account of human language and cognition // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2004. Vol. 81. No. 2. P. 189–204.

Relational frame theory: A post-skinnerian account of human language and cognition / Eds. S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche. New York: Kluwer Academic Publ., 2002. 285 p.

Roche B., Barnes D., Smeets P. M. Incongruous stimulus pairing and conditional discrimination training: effects on relational responding // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1997. Vol. 68. No. 2. P. 143–160.

Rotter J. Social Learning Approach to Community Mental Health // Symposium on Youth: Their Values, Goals, and Career Concepts. Third Monograph. (Mancuso, James C.; And Others). Rensselaerville, New York, 1969. P. 1–22.

Rotter J. Some implications of a social learning theory for the prediction of goal directed behavior from testing procedures // Psychological Review. 1960. Vol. 67. No. 5. P. 301–316.

Schoda Y. Cognitive-Affective Processing System Analysis of Intra-Individual Dynamics in Collaborative Therapeutic Assessment: Translating Basic Theory and Research Into Clinical Applications / Y. Schoda et al. // Journal of Personality. December 2013. Vol. 81. Iss. 6. P. 554–568.

Scott W. D., Cervone D. Social Cognitive Personality Assessment: A Case Conceptualization // Cognitive and Behavioral Practice. 2016. Vol. 23. Issue 1. P. 79–98.

Skinner B. F. Verbal behavior. Cambridge, Massachusetts, B. F. Skinner Foundation Reprint Series, 2014. 553 p.

Smith N. W. Events and Constucts // The Psychological Record. 2007. Vol. 57. P. 169–186.

Steinman W. M. The social control of generalized imitation // Journal of Applied Behavior Analysis. 1970. Vol. 3. No. 3. P. 159–167.

Stewart I. RFT as a Functional Analytic Approach to Understanding the Complexities of Human Behavior: A Reply to Killeen and Jacobs // Behavior Analyst. 2017. Vol. 40. P. 65–74.

Tazouti Y., Jarlégan A. The mediating effects of parental self-efficacy and parental involvement on the link between family socioeconomic status and children's academic achievement // Journal of Family Studies. 2016. DOI:10.1080/13229400.2016.1241185.

The Cambridge dictionary of psychology / Ed. by D. Matsumoto. Cambridge Univ. Press, 2009. 587 P.

Weinstein J. H., Wilson K. J., Drake C. E., Kellum K. K. A relational frame theory contribution to social categorization // Behavior and Social Issues. 2008. Vol. 17. P. 40–65.

V. N. Sergeev

*University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations
of the Republic of Belarus
25 Mashinostroiteley Str., Minsk, 220118, Republic of Belarus*

v.n.sergeev@gmail.com

TWO STRATEGIES TO OVERCOME MECHANICISM IN MODERN BEHAVIORISM

One of the most serious methodological problems with which behavior psychology faced last third of the 20th century has become the passing of mechanicism, which was founded in its very conceptual basis since the beginning. Mechanistic attitude as a kind of strict environmental determinism significantly limited the subject field of behaviorism, deprived a full instrumentarium of research and modification of complicated forms of person's behavior. Different strategies of reply to such a challenge has led to behavior science division into two streams which determine the form of modern behaviorism: cognitive and operant. In the context of the first one strict determinism overcomes by mean of conceptualization principle namely reciprocal determinism and by the attempts of its operationalization. In the context of the second one – by further development of operant learning idea and complicating of behavioral mechanisms which let them include the analysis of arbitrariness as a quality. In this article there is the review of methodological content of mentioned strategies and also some problematic moments each of them are indicated.

Keywords: determinism, mechanicism, intervening variable, hypothetical construct, stimulus event, stimulus control, social learning theory, reciprocal determinism, operant psychology, generalization, relational frame theory.

УДК 159.922

А. П. Шабалин, О. Н. Первушина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

alexeyshabalin1994@yandex.ru; olgap7@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Предлагается обзор современных теорий морального выбора, созданных в рамках психологии, экономики и нейрофизиологии. Производится сравнение основных направлений, существующих в междисциплинарных исследованиях морального познания – «рационалистского», «эмоционалистского» и «объединенного подхода». Данные направления предлагают соответственно либо видение субъекта морального выбора в качестве рационального (или ограниченно рационального) существа, следующего принципу максимизации выгоды или набору эвристик, либо подчеркивают существенную роль эмоциональных факторов в процессе принятия морального решения. Отмечается, что вследствие произошедшего на рубеже XX–XXI вв. «эмоционалистского переворота» именно теоретические модели, придающие особое значение аффективным процессам (социально-интуиционистская модель, теория двойного процесса и др.), являются в настоящий момент приоритетными в смежных психолого-нейрофизиологических исследованиях. Рассматривается классическая экспериментальная парадигма, предполагающая предъявление моральных дилемм; приводится предложенная Дж. Грином типология дилемм, основанная на соответствии трем критериям (вкратце выраженным им в формуле «я причиняю тебе вред»). Также анализируются достоинства и недостатки практики использования дилемм в эмпирических исследованиях морального познания. Утверждается, что, несмотря на возможный недостаток экспериментального (вовлеченности испытуемых в ситуацию), бытового (сходства с повседневным опытом испытуемых) и психологического (совпадения задействованных в экспериментальных условиях и в реальной жизни психических процессов) реализма, использование моральных дилемм в качестве общего метода делает возможным более целостный подход, способствуя построению междисциплинарной области знаний. Приводятся данные исследований по нейровизуализации процесса принятия моральных решений. Отмечается, что сеть мозговых структур, задействованных в осуществлении морального выбора, во многом совпадает со структурами, связанными с функционированием эмпатии и модели психическо-

Шабалин А. П., Первушина О. Н. Проблема морального выбора: междисциплинарный подход // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 37–56.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2

© А. П. Шабалин, О. Н. Первушина, 2017

го. Рассматриваются возможные объяснения просоциального поведения в ситуации моральной дилеммы, включая когнитивную и аффективную эмпатию. Также уделяется внимание влиянию стресса на осуществление субъектом морального выбора.

Ключевые слова: моральный выбор, моральные дилеммы, эвристики, социально-интуиционистская модель, теория двойного процесса.

В настоящее время проблема морального выбора приобретает новую глубину и актуальность в связи с изменениями в социальной, экономической, культурной сферах жизни. Ситуации, в которых необходимо принимать решение, делать выбор, в том числе моральный, все более лишаются ценностных ориентиров, определенности. Осознание процессов, происходящих с человеком и человечеством – это настоящий вызов и для философии, и для социальных, и для гуманитарных наук. Социальные и экономические изменения, информатизация общества, возникновение социальных сетей, бурный технологический рост порождают невиданные возможности перед человечеством и в то же время ставят его перед лицом беспрецедентных угроз. Особенности культуры постиндустриального общества являются непостоянство, условность, случайность, «онтологическая неуверенность». Каждый новый день ставит перед человеком и человечеством новые, незнакомые и неожиданные задачи и в то же время разрушает старые основы и подходы к решениям. Кто ты, современный человек, на что ты способен, куда ты идешь, что для тебя ценно? Эти вопросы все более настойчиво заявляют о себе в каждодневных событиях и требуют ответов. Понимание оснований и механизмов морального выбора человека сегодня выходит за пределы исключительно этики и философии и требует объединения усилий философов, социологов, психологов, экономистов, нейрофизиологов. В данной статье мы рассмотрим основные группы теорий принятия моральных решений, также обратившись к достоинствам и недостаткам классической экспериментальной парадигмы, предполагающей предъявление моральных дилемм, и уделив отдельное внимание основам вынесения моральных суждений с позиции нейрофизиологии.

«Рационалистский» подход к проблеме морального выбора в психологии и экономике

Первым крупным направлением в исследованиях морального выбора является «рационалистское». Сторонники данного направления

предполагают преимущественное влияние рациональных факторов (т. е. когнитивных процессов высокого уровня) на выносимое моральное суждение. К этому подходу относится ряд традиционных психологических теорий – к примеру, теория морального развития Л. Колберга. Эти психологические «теории развития» подвергаются справедливой критике за игнорирование эмоциональных процессов [Хие et al., 2013]. Однако рассмотрение человека в качестве «рационального субъекта» находит свое продолжение в ряде современных концепций, построенных на границе психологии и экономики. В своей обзорной статье К. Корус, голландский специалист по моделированию поведения выбора, анализируя подобные «психолого-экономические» взгляды на проблему принятия моральных решений, выделяет несколько наиболее примечательных теорий [Chorus, 2015]. Так, согласно представлениям Харсани (Harsanyi), к моральным предпочтениям индивида можно отнести те, которых бы он придерживался, если бы знал, что может с равной вероятностью оказаться на месте любого члена общества. Данное положение выводимо из постулата о «вуали незнания» (*veil of ignorance*), гласящего, что субъект, принимающий решение, ведет себя таким образом, как если бы он не знал о том, повлияют ли следствия его выбора на него или других членов общества. Моральный выбор тогда становится вопросом *максимизации ожидаемой выгоды*. Корни данного подхода – в утилитаристской этике Юма, Смита и Бентама. Другое положение, также выводимое из постулата о «вуали незнания» – *принцип максимина*, согласно которому моральность принимаемого выбора должна оцениваться исходя из степени, в которой он максимизирует интересы тех, для кого принимаемое решение наименее выгодно. К. Корус связывает это направление с представлениями Локка и Канта («традицией социального контракта»). Близка к вышеупомянутым положениям и концепция Бекера (Becker), предполагающая, что решение нарушить существующие моральные нормы определяется соотношением между возможностью быть пойманным, умноженной на строгость наказания, и получаемыми в перспективе выгодами.

Данные модели позволяют определить причины и мотивы неэтичного поведения *рациональных* субъектов. Тем не менее ряд исследователей рассматривают человека как *ограниченно рациональное* существо, принимающее решения. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о том, как именно ведут себя ограничено рациональные существа, т. е. к каким правилам и эвристикам прибегают, оказываясь в ситуации морального выбора.

Санстейн (Sunstein) выделяет такие эвристики, как «наказывать предавших доверие», «не причинять сознательно смерть человеку», «вредное действие хуже вредного бездействия». При этом он полагает, что моральные эвристики сопряжены с высоким риском ошибки; возможный риск минимизируется благодаря внешней коррекции поведения (букв. *nudge* – «легкий толчок локтем»).

Гигеренцер (Gigerenzer) включает в список моральных эвристик принципы «выбирать по умолчанию», «подражать окружению», «око за око». По его мнению, принятие морального решения – результат взаимодействия между сознанием и окружением, содержащим задачу; одни и те же эвристики определяют как моральное, так и не моральное поведение. Подвергая критике существующее в рамках неоклассической экономики представление об идеальной рациональности, он предлагает в качестве нормативной модели применение моральных эвристик и ограниченную рациональность.

Как полагают Чарнесс и Рабин (Charness & Rabin), социальные предпочтения определяются взаимностью (реципрокностью) и аспектами распределения, при этом сама идея реципрокности предполагает прямое социальное влияние на моральное поведение. По мнению де Бура (de Boer) и Сагдена (Sugden), зачастую моральное поведение определяется не моральными нормами, варьирующими в зависимости от культуры, а ожиданиями, связанными с поведением других и их ожиданиями, и стремлением не нарушать ожидания других. Идея зависимости морального выбора от анализируемых субъектом внешних (в том числе социальных) факторов прослеживается и в концепции, которую предложили Форсайт и Най (Forsyth & Nye). Так, перед принятием морального решения индивид должен оценить ситуацию как имеющую моральный аспект; задействование морального рассуждения предваряется восприятием «моральных подсказок», сигнализирующих о степени участия морального аспекта в данной ситуации выбора.

Следует, однако, заметить, что сам Корус не является приверженцем исключительно «рационалистской» модели; скорее, его собственные взгляды соответствуют «объединенному подходу», который будет рассмотрен ниже. Так, Корус считает многообещающим перенос в сферу моральных выборов правила *случайной минимизации сожалений* (*random regret minimization*), согласно которому на атрибутивном уровне при выборе из нескольких альтернатив существенную роль играет нежелание испытывать сожаление. Предвосхищение сожаления является важной детерминантой поведения выбора, когда субъект

ект рассматривает принимаемое решение как значительное и сложное и считает, что ему потребуется объяснять свое решение другим участникам социальной группы. Данное правило позволяет выяснить роль среды в принятии решения; тот факт, что в центре правила находится эмоция сожаления, но при этом существенную роль играет рациональное принятие решений, соответствует актуальным течениям в исследованиях поведения выбора, предполагающих задействованность как эмоционального, так и рационального компонента.

В целом, как полагает Корус, осуществление морального выбора – результат взаимодействия между различными по продолжительности процессами, включающего получение обратной связи о поведении и ожиданиях. Моральное поведение включает в себя три элемента: эвристические стратегии; выбор, следующий за определенной стратегией; рационализация индивидом поведения *ex post facto*. На моральный выбор влияют среда, особенности личности, восприятие норм и ожидания относительно поведения других [Chorus, 2015].

«Эмоционалистский» и объединенный подходы в исследованиях морального выбора

На рубеже XX–XXI вв. был создан ряд влиятельных теорий, постулирующих исключительную важность аффективных процессов в ходе вынесения моральных суждений. В частности, социальный психолог Дж. Хайдт (Haidt) разработал *социально-интуicionистскую модель*, согласно которой моральные суждения осуществляются благодаря быстрым ответам, носящим аффективно-интуитивный характер. Когнитивный компонент задействуется уже после принятия решения для объяснения выбора в соответствии с предъявляемыми социальными требованиями (в форме рационализации *post hoc*). Предложенная Хайдтом модель получила свое развитие в смежных психолого-нейрофизиологических исследованиях, приобретя большое количество сторонников. Так, Фельдман-Холл и Моббс [FeldmanHall, Mobbs, 2015], продолжая «эмоционалистскую» традицию, считают, что на выносимые человеком моральные суждения оказывают влияние такие факторы, как эмоции, средовой контекст, социальные рамки, эмпатия и сострадание, чувствительность к наносимому вреду, воспринимаемые намерения другого и предполагаемые последствия; при этом именно эмоции занимают центральное место при вынесении моральных суждений. Участие в аморальном поведении способствует возникнове-

нию чувства стыда или вины, а наблюдение за аморальным поведением других вызывает чувства презрения и отвращения.

Тем не менее критики «эмоционального» направления в исследованиях морали справедливо отмечают, что существующие между эмоциями и моральным поведением корреляции не свидетельствуют о существовании причинно-следственной связи [Chorus, 2015].

Недостатки «рационалистского» и «эмоционалистского» (или «интуиционистского») подходов способствовали возникновению более «компромиссных» концепций, в рамках которых предпринимается попытка объединить эти два направления [Хуе et al., 2013; Chorus, 2015; Green et al., 2004].

Данные, которые получили Шао-Вэй Сюэ, Ян Ван и И-Юан Тан [Хуе et al., 2013], свидетельствуют о том, что моральные задания с личностным характером могут иметь большую эмоциональную окраску и требовать больших ресурсов правого полушария для обработки эмоциональной информации. При этом вовлекаются более протяженные связи с лобными отделами, что говорит о высокой функциональной интеграции, необходимой для обработки конфликтов (связанных с причинением непосредственного вреда), что не наблюдается при безличном характере заданий. Предъявление личностных моральных дилемм связано с активацией передней части поясной извилины, что связано с необходимостью урегулирования конфликта между познавательными и эмоциональными процессами.

По данным Молла (Moll), моральное суждение предполагает интеграцию нескольких когнитивных процессов; к ним относятся контекстуальное социальное знание, социальное семантическое знание, мотивационные и эмоциональные состояния [Sommer et al., 2010].

Как считает Рениерс с соавторами [Reniers et al., 2012], принятие моральных решений предполагает оценку действий с позиции существующих в социуме норм и ценностей. Это сознательный и контролируемый процесс, требующий определенных усилий, но при этом на него влияют и эмоции. Для оценки чьего-либо поведения как морально приемлемого или неприемлемого индивид должен попытаться сделать вывод о его намерениях и предсказать возможные последствия. Социальные последствия поведения могут оцениваться благодаря наличию таких процессов, как модель психического (*theory of mind*)¹ и эмпатия. Более того, представить себя в определенной

¹ Модель психического (теория психического) – способность индивида приписывать себе и другим наличие психических состояний; свое название она получила по-

ситуации индивиду помогают чувство социальной деятельности (*social agency*) и самоотнесенная переработка (*self-referential processing*) [Sommer et al., 2010].

Согласно модели Грина (Greene), обозначаемой как «теория двойного процесса» (*dual-process theory*), индивид обладает двумя моральными подсистемами, связанными, соответственно, с когнитивными или же с эмоциональными процессами. В зависимости от способа преподнесения моральной дилеммы эмоциональные процессы задействуются в различной степени. Отмечается, что моральный выбор в ситуации, имеющей большую личностную вовлеченность, предполагает задействованность преимущественно социально-эмоциональных процессов; в «безличных» ситуациях задействуются преимущественно когнитивные процессы. При этом любое действие, по мнению Грина, имеет аффективный базис [Greene et al., 2004].

Сторонником идеи «двух систем» является и Бучарелли (Bucciarelli), согласно концепции которого эмоции и когнитивное оценивание представляют собой две независимые, параллельно функционирующие системы. При этом за принятие моральных решений отвечают те же механизмы, что определяют поведение в ситуациях, лишенных морального компонента [Chorus, 2015].

Бартелс и Пизарро [Bartels, Pizarro, 2011], подчеркивая уникальность моральных суждений, отмечают, что зачастую они могут занимать центральное положение по отношению к личности человека и сопровождаться сильными эмоциями. При этом, в отличие от других аттитюдов, аттитюды в моральной сфере связаны с сильным чувством нормативности (*sense of normativity*). Исследователи подвергают жесткой критике принятую некоторыми теоретиками стратегию сравнения моральных суждений с нормативным этическим стандартом, а именно стандартом утилитаризма, для оценки их качества в силу того, что сам факт отождествления утилитаристских ответов с оптимальными моральными суждениями является чрезвычайно спорным. Действительно, во время проведенного ими эмпирического исследования большее предпочтение утилитаристским вариантам ответа в моральных дилеммах отдавали участники с высокими показателями по шкалам «Психопатия», «Макиавеллизм» и «Отсутствие смысла жизни».

тому, что эти психические состояния не являются непосредственно наблюдаемыми, а также потому, что она может использоваться для предсказания поведения других [Premack, Woodruff, 1978].

Ван Бавел, Фельдман-Холл и Менде-Сидлецки [Van Bavel et al., 2015], отчасти придерживаясь социально-интуиционистской модели, полагают, что за вынесение морального суждения отвечает больше, чем две системы. Они отмечают, что описано как минимум 8 участков мозга, каждый из которых отвечает за реализацию отдельного познавательного процесса. Также ситуацию усложняет временная динамика моральных процессов, разворачивающаяся во времени от нескольких миллисекунд до нескольких дней. По их мнению, мораль лучше описывается в терминах динамической системы. В центре морального суждения находится сочетание своих и чужих интересов. Сама мораль включает долженствования и идеалы, а также ситуативные и относительные нужды. Моральная оценка действия возникает вследствие интеграции информации о себе и о других. Как отмечают исследователи, гипотетические сценарии, используемые для изучения принятия моральных решений, обычно игнорируют влияние социально-эмоциональных факторов и давление контекста, что приводит к получению результатов, свидетельствующих об альтруистическом и честном поведении; в более реалистичном контексте мотив собственной выгоды зачастую перевешивает. Для представления морального состояния других требуется интеграция предшествующего знания на индивидуальном уровне с ожиданиями поведения на социальном уровне.

Следует отметить, что, несмотря на эмпирические свидетельства, подтверждающие положения «объединенного подхода», последний подвергается критике со стороны апологетов других моделей принятия моральных решений. Так, по мнению Роузера (Roeser), данные, предоставляемые сторонниками идеи «двух систем», противоречивы и могут быть истолкованы как подтверждение того, что эмоции являются результатом рационального рассуждения [Chorus, 2015].

Предъявление дилемм как метод изучения морального выбора

На протяжении десятилетий наиболее предпочитаемой экспериментальной парадигмой в эмпирических исследованиях морального познания было использование заданий с моральными дилеммами; относительно недавно оно стало предпочитаемой парадигмой в области когнитивной нейронауки принятия моральных решений. Впервые дилеммы в психологии морали стал применять Л. Колберг. Несмотря на то, что сам подход Колберга критикуют за чрезмерную интеллек-

туализацию моральных суждений, явное предпочтение кантианской этики утилитаризму и игнорирование предвзятости объяснения сделанного выбора постфактум, использованный исследователем метод не теряет свою актуальность и сегодня. В рамках нейроэтики к моральным дилеммам впервые обратился Грин для развития парадигмы искусственно вызванного «когнитивного конфликта» [Christensen, Gomila, 2012].

Как указывают Кристенсен и Гомила [Ibid.], моральная дилемма – короткая история о ситуации, включающей в себя моральный конфликт. В свою очередь, моральный конфликт – это ситуация, при которой субъект оказывается между конкурирующими моральными соображениями; предполагается осознание несовместимости конкурирующих способов поведения и возможных последствий. В рамках психологии морали выделяют следующие конфликты:

- между личными интересами и усвоенными моральными ценностями;
- между различными обязанностями;
- между наборами несовместимых ценностей;
- вытекающие из одного уникального морального принципа.

Используемые в эмпирических исследованиях дилеммы подразделяют на личностные моральные, безличные моральные и неморальные. Грин указывает, что личностные моральные дилеммы определяются формулой «я причиняю тебе вред», т. е. к критериям относится (1) причинение физического вреда (2) одному лицу или нескольким людям, (3) и этот вред не должен являться следствием отклонения существующей угрозы от другой группы лиц. Соответственно, безличные моральные дилеммы не удовлетворяют одному из трех перечисленных выше критериев, а неморальные дилеммы не удовлетворяют всем трем критериям [Greene et al., 2004; Overman et al., 2011].

Как уже отмечалось выше, модель Грина предполагает, что решение моральных дилемм осуществляется благодаря взаимодействию между двумя системами переработки информации. При этом когнитивные процессы отвечают за утилитаристские выборы, эмоциональные процессы – за неутилитаристские [Sarlo et al., 2014].

Предъявление стимулов в виде абстрактных моральных дилемм сопровождается выяснением у респондентов их моральных суждений, убеждений и гипотетического поведения. Одним из типов моральных дилемм является «проблема вагонетки» (*trolley problem*), самый известный мысленный эксперимент в области этики, изначально созданный философами как риторический прием, позволяющий

сформулировать следствия моральных принципов в конкретных и необычных ситуациях [Bauman et al., 2014]. Ситуация, представленная в данной моральной дилемме (равно как и во многих других), отличается высокой нереалистичностью, что способствует возникновению вопроса о том, насколько полученные результаты применимы к реальной жизни [Chorus, 2015].

Как отмечает Бауман с соавторами [Bauman et al., 2014], для построения общей теории морали используемые в эмпирических исследованиях стимулы должны вызывать те же психические процессы, которые функционируют в повседневной жизни. Между тем многие из используемых «жертвенных дилемм» (*sacrificial dilemmas*) – коротких сценариев, в которых единственным способом уберечь группу людей от бедствия является причинение вреда другому лицу или группе лиц – предполагают фантастический или абсурдный контекст. Эта искусственность может оказать влияние на отношение к ситуации и принимаемое решение, что негативным образом сказывается на внешней валидности (том, насколько результаты исследования обобщаются и объясняют широкий спектр ситуаций). По мнению Баумана, искусственным жертвенным дилеммам не хватает экспериментального, бытового и психологического реализма. Экспериментальный реализм характеризует то, насколько участники осмысленно вовлечены в ситуацию и относятся ли они к исследованию серьезно. Бытовой реализм характеризует, насколько велика вероятность того, что события в рамках исследования будут напоминать события повседневной жизни участников. Психологический реализм касается того, насколько психические процессы, задействованные в эксперименте, совпадают с теми, которые задействуются в реальной жизни. То, что многие жертвенные дилеммы слабо удовлетворяют всем трем критериям реализма, снижает информативность осуществляемых людьми выборов для построения общих теорий морали; по сути дела, исследователи изучают всего лишь реакцию людей на ограниченный набор стимулов, а не принятие моральных решений в полном спектре моральных ситуаций, встречающихся в реальной жизни. Это обеспечивает узкий и искаженный взгляд на моральные явления [Ibid.].

Между тем Бауман приводит ряд аргументов в поддержку использования жертвенных дилемм в психологических исследованиях [Ibid.]:

- использование общих методов помогает построить междисциплинарную область знаний;

- жертвенные дилеммы позволяют легко изучать моральные феномены в лабораторных условиях в силу легкой модифицируемости различных аспектов своих сценариев;

- жертвенные дилеммы помогли выработать влиятельные моральные теории (теория двойного процесса, грамматическая теория).

По мнению Коруса, высокий уровень экспериментального контроля и эффективности в сочетании с реализмом и внешней валидностью достигается в исследованиях, посвященных моделированию выбора. В силу мультиатрибутивности вариантов выбора в моральных дилеммах, для исследования морального поведения многообещающими являются эксперименты по выбору (choice experiments) [Chorus, 2015].

К важным источникам дополнительной информации при исследовании морального поведения можно отнести словесный отчет испытуемого и показатели активности мозга [Ibid.].

Как правило, экспериментальный дизайн эмпирических исследований, включающих в себя моральные дилеммы, содержит:

- формулировку дилеммы (то, как дилемма представлена, какой требуется ответ, как вызывать определенные эффекты путем манипулирования различными переменными);

- характеристики испытуемых (описание участника эксперимента и его соотнесенности с персонажами истории);

- концептуализацию дилеммы (морально релевантные элементы, характеризующие ситуацию как понятую участником).

По сравнению с другими экспериментальными подходами к изучению морального познания (семантические суждения относительно предложений с моральным содержанием, суждения отвращения и негодования относительно предложений с морально-эмоциональными коннотациями, моральные суждения в рамках участия в игровых заданиях), у моральных дилемм есть ряд преимуществ. Они позволяют:

- включить в формулировку больше переменных, чем в одно предложение, делая возможным более целостный подход;

- осуществлять более высокий уровень экспериментального контроля этих переменных;

- выявлять повседневные моральные конфликты и тщательно исследовать, на какие параметры отвечает элементарная моральная интуиция.

При этом исследования, использующие моральные дилеммы, страдают от двух недостатков: нехватки методологической гомогенности, позволяющей сравнивать результаты исследований (что делает невоз-

можным метаанализ), и игнорирование контроля над необходимыми параметрами [Christensen, Gomila, 2012].

Тем не менее, несмотря на наличие проблем с внешней валидностью, исследования с использованием моральных дилемм являются одним из наиболее распространенных способов изучения морального поведения; при этом предъявление дилемм зачастую дополняется нейровизуализацией.

Нейрофизиологические основы принятия моральных решений

Наиболее ранние исследования по нейровизуализации процесса принятия моральных решений продемонстрировали задействованность в моральном поведении префронтальной коры. Впоследствии было установлено, что действия, имеющие характер личной отнесенности, вызывают сильную активацию в регионах, связанных с аффективной оценкой (вентромедиальная префронтальная кора); при этом автоматические интуиции, носящие аффективный характер «пересиливают» утилитаристские суждения [FeldmanHall, Mobbs, 2015; Van Bavel et al., 2015].

Можно говорить о вовлеченности в процесс принятия моральных решений широкой нейронной сети. Установлены связи между функционированием дорзолатеральной префронтальной коры и осуществлением процессов, предполагающих когнитивный контроль, мотивированное эгоистическое поведение и абстрактные моральные принципы; функционированием вентромедиальной префронтальной коры и социальным познанием, принятием моральных решений, выбором просоциальных вариантов в простых моральных дилеммах, нарушением и соблюдением социальных норм. Активность передней поясной коры связывается с эмоциональным откликом, мониторингом конфликтов, вовлекающими себя и других моральными проступками, чувством вины и предполагающими реальные действия моральными дилеммами. Задняя поясная кора ответственна за рациональные рассуждения, гипотетические моральные выборы и принятие простых моральных решений. Миндалина принимает участие в обработке последствий моральных действий, также активируется при причинении вреда и активной вовлеченности. Передняя височная доля отвечает за понимание абстрактных репрезентаций; височно-теменная область – за декодировку социальных подсказок и понимание намерений другого [FeldmanHall, Mobbs, 2015].

Ранние повреждения префронтальной коры влияют на развитие социальных когний и эмоций, создавая дефицит эмоционального и морального поведения. При психопатиях обнаруживается уменьшение объема серого вещества в префронтальных областях головного мозга, а также нарушение функционирования миндалины. Характерным следствием повреждения вентральной префронтальной коры является увеличение вероятности нарушения моральных норм; при двустороннем поражении вентральной префронтальной коры наблюдается большая частота утилитаристских суждений в сложных моральных дилеммах. И лица с психопатическими нарушениями, и лица с повреждениями вентромедиальной фронтальной коры обычно демонстрируют сохранность неземональных суждений и нарушения в сфере эмоциональной переработки, моральных эмоций, суждений и поведения. При этом люди с личностными расстройствами способны в совершенстве отличать «правильное» поведение от «неправильного», но они не обращают на это внимание, равно как и на последствия своего аморального поведения для себя и других. Это позволяет предположить, что у них нарушено моральное поведение при сохранности способности к принятию моральных решений [Reniers et al., 2012; FeldmanHall, Mobbs, 2015].

По данным Рениерса с соавторами [Reniers et al., 2012], сеть лобно-височных и подкорковых лимбических структур, опосредующая принятие моральных решений, совпадает со структурами, вовлеченными в функционирование *модели психического и эмпатии*. Активация, связанная с когнитивными и нейронными механизмами морального поведения, обнаруживается в вентромедиальной префронтальной коре, орбитофронтальной коре, миндалине, задней части поясной извилины, передней височной коре, височно-теменном узле и задней верхней височной борозде; с моделью психического обычно отождествляется повышение активности в медиальной префронтальной коре и надкраевой извилине. Также увеличивается количество свидетельств в пользу того, что в вынесении моральных суждений играет важную роль *система мозга по умолчанию (default mode network)*, задействующая медиальную лобную, медиальную теменную и постеролатеральную теменную кору. К известным функциям этой системы относят ментальную деятельность, имеющую отношение к самому субъекту, автобиографическую память и рефлексии, основанную на прошлом опыте. Как показало проведенное Рениерсом и соавторами эмпирическое исследование, во время принятия моральных решений не происходит активации всей системы по умолча-

нию как единой целостности, а обнаруживается активация отдельных ее компонентов, что позволяет предположить их задействованность в других системах, связанных со специфическими ментальными процессами (к примеру, моделью психического) [Reniers et al., 2012].

Сарло обращает внимание на роль диспозициональной эмпатии при вынесении моральных суждений и в моральном поведении, выделяя два типа эмпатии: когнитивную и аффективную [Sarlo et al., 2014].

Когнитивная эмпатия не позволяет предсказать выбор, который будет осуществлен человеком в случае столкновения с моральной дилеммой, в то время как индивидуальные различия в уровне аффективной эмпатии связаны с количеством утилитаристских суждений, ранней кортикальной обработкой и уровнем дискомфорта, испытываемым в процессе принятия решения. При этом роль личностного дистресса крайне велика. В случае дилемм типа «мост» (*footbridge-type dilemmas*) просоциальное поведение мотивируется именно эгоистическим компонентом (снижение собственного аверзивного эмоционального состояния, а не забота о благополучии других). То, почему в случае дилемм типа «мост» люди испытывают сочувствие одному человеку, который должен быть принесен в жертву, а не тем, которые должны умереть, объясняется влиянием нескольких факторов. Во-первых, играющее важную роль в эмпатии *чувство деятельности* (*sense of agency*), связанное с чувством личной ответственности и сопутствующими моральными эмоциями, усиливается при непосредственном причинении вреда, а не наблюдении за этим. Во-вторых, физическая или сенсорная близость к жертве также увеличивает сочувствие. Наконец, хорошо известно, что по мере увеличения числа жертв аффективная чувствительность уменьшается (явление «*коллапса сострадания*» / *collapse of compassion*). Эмпатия не связана с поведенческими выборами или нейронной активностью, что предполагает факт опоры нейронных, когнитивных и эмоциональных процессов на различные механизмы [Ibid.].

Существуют и другие взгляды на причины просоциального поведения в ситуациях морального выбора. Деклерк и соавторы [Declerck et al., 2013] объединяют существующие представления в два крупных направления: постулирование экономической рациональности или постулирование социальной рациональности.

Согласно представлениям об *экономической рациональности*, кооперация являет собой результат естественного отбора, оказывающего влияние на индивида. Люди от природы мотивированы преследовать собственную выгоду, но с готовностью сотрудничают, когда их соб-

ственные интересы совпадают с коллективными. При этом акцент делается на важности внешних стимулов, уравнивающих собственные и коллективные интересы и подталкивающих людей к просоциальным действиям для получения личной выгоды от кооперации.

Представления о *социальной рациональности* предполагают, что сотрудничество совместимо с теориями группового отбора. Люди внутренне мотивированы к сотрудничеству и получают от этого положительные эмоции, поскольку сотрудничество по умолчанию имеет эволюционный смысл в силу преимуществ для группы. Демонстрация стремления к сотрудничеству – эффективный способ усиления принадлежности к группе, построения социальных сетей и избегания остракизма. Также в рамках данного направления подчеркивается значимость доверия в социальных взаимодействиях и угрозы остракизма, связанной со злоупотреблением этим доверием.

Деклерк и соавторы полагают, что экономическая и социальная рациональность на уровне мозга не являются взаимоисключающими: они базируются на разных нейронных сетях, работающих в согласии друг с другом и независимо влияющих на принятие решений. Решения о сотрудничестве понимаются как мотивированный выбор, преследующий экономические или социальные выгоды. При этом индивидуальные различия в ориентации на себя или на других связаны с экономической и социальной рациональностью и влияют на степень, в которой эти мозговые системы будут задействованы в принятии решений о сотрудничестве [Declerck et al., 2013].

Ван Бавел, Фельдман-Холл и Менде-Сидлецки предполагают, что главная роль в вынесении моральных суждений принадлежит коррекционному контролю автоматически возникающих моральных интуиций, осуществляемому рациональным мышлением. Они отмечают, что в проблеме вагонетки люди менее склонны принести в жертву одного для спасения пятерых, когда им нужно действительно причинить физический вред, чем когда они эмоционально дистанцированы от ситуации. Первоначальное отвращение к причинению вреда может быть преодолено при принятии утилитаристских решений, которые связаны с активацией в отделах мозга, ответственных за когнитивный контроль (передняя поясная кора и латеральная префронтальная кора). Когнитивная нагрузка и временное прекращение работы латеральной префронтальной коры ухудшают способность принимать утилитаристские решения [Van Bavel et al., 2015].

Примечательным является также влияние, оказываемое на процесс принятия моральных решений стрессом. Как известно, стресс пред-

ставляет собой адаптивный физиологический ответ, в котором принимают участие многочисленные биологические процессы, являющийся реакцией на физическое или когнитивное требование. Стрессовая реакция запускается посредством активации гипоталамуса, который вызывает два процесса: активацию симпатической нервной системы с выбросом адреналина и активацию гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси, высвобождающей в кровяное русло большое количество кортизола. Уровень кортизола увеличивается в плазме крови через 3 мин после предъявления стрессора, а достигает пиковых значений примерно 20 мин спустя. Благодаря своей липофильности кортизол преодолевает гематоэнцефалический барьер и воздействует на ЦНС, причем его специфическими мишенями являются префронтальная кора и лимбическая система. Данные, полученные Юссефом и соавторами, свидетельствуют о том, что стресс оказывает влияние на те же участки мозга, которые задействованы в аффективном компоненте моральных суждений (орбитофронтальная кора, передняя часть поясной извилины, вентральная префронтальная кора; также миндалина, гиппокамп и гипоталамус), при этом обнаруживается уменьшение количества утилитаристских решений личностных дилемм [Youssef et al., 2012].

Таким образом, процесс принятия моральных решений предполагает задействованность целого ряда мозговых структур (в частности, префронтальной коры, поясной коры, миндалины и т. д.). Обращает на себя внимание как совпадение нейронных сетей, обеспечивающих осуществление морального выбора, с нейронными сетями, обеспечивающими функционирование модели психического, и системой мозга по умолчанию, так и влияние, оказываемое на моральный выбор повышенной когнитивной нагрузкой и стрессом. Фактически это означает, что выносимые моральные суждения напрямую зависят не только от ранее упомянутых личностных диспозиций, рациональной и эмоциональной оценки, но и от функционирования нейрофизиологических механизмов, которые могут быть отнесены к индивидуальным характеристикам.

Заключение

Итак, в современных междисциплинарных исследованиях морального выбора выделяются несколько основных направлений: «рационалистское», постулирующее примат высших когнитивных процессов (несмотря на его снизившуюся популярность, оно до сих пор

обладает большим количеством сторонников в сфере теории принятия решений); «эмоционалистское», предполагающее главенствующую роль эмоциональных процессов (к данному направлению принадлежит влиятельная социально-интуicionистская теория Дж. Хайдта); а также направление, объединяющее «рационалистские» и «эмоционалистские» концепции посредством предположения о наличии у субъекта принятия решения двух (к примеру, в теории Дж. Грина) или нескольких (Ван Бавел, Фельдман-Холл и Менде-Сидлецки) подсистем, взаимодействие которых, завися от характера ситуации, и определяет принимаемое моральное решение.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что данные группы теорий предлагают не просто различные модели осуществления морального выбора; упомянутый ранее тезис о присутствии морального компонента во всех человеческих действиях позволяет рассматривать их шире – как различные способы видения человека вообще. Если «рационалистское» направление создает образ актора, руководствующегося в своем выборе или безупречной экономической рациональностью, или эвристиками, автоматизирующими мышление, то «эмоционалистское» направление описывает индивида, подчиняющегося аффекту. В свою очередь, объединенный подход с подобного ракурса выглядит компромиссной попыткой обойти «острые углы» обоих предшествующих направлений, не предлагающей ничего принципиально нового. Вопрос о том, что представляет собой *субъект* морального выбора – «Я, которое принимает решение» – остается открытым.

Как бы то ни было, классическая экспериментальная парадигма, предполагающая предъявление моральных дилемм, несмотря на наличие ряда недостатков (низкая внешняя валидность, недостаточный контроль, нехватка методологической гомогенности), остается по-прежнему приоритетной и, более того, предоставляет широкие возможности для дальнейшего развития междисциплинарной области исследований морального выбора.

Список литературы

Bartels D. M., Pizarro D. A. The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas // *Cognition*. 2011. Vol. 121. P. 154–161.

Bauman C. W., Peter McGraw A., Bartels D. B., Warren C. Revisiting External Validity: Concerns about Trolley Problems and Other Sacrificial

Dilemmas in Moral Psychology // *Social and Personality Psychology Compass*. 2014. Vol. 8/9. P. 536–554.

Chorus C. G. Models of moral decision making: Literature review and research agenda for discrete choice analysis // *Journal of Choice Modelling*. 2015. Vol. 16. P. 69–85.

Christensen J. F., Gomila A. Moral dilemmas in cognitive neuroscience of moral decision-making: A principled review // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36. P. 1249–1264.

Declerck C. H., Boone C., Emonds G. When do people cooperate? The neuroeconomics of prosocial decision making // *Brain and Cognition*. 2013. Vol. 81. P. 95–117.

FeldmanHall O., Mobbs D. A Neural Network for Moral Decision Making / Ed. by A. W. Toga // *Brain Mapping: An Encyclopedic Reference*. Academic Press: Elsevier. 2015. Vol. 3. P. 205–210.

Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., Cohen J. D. The Neural Bases of Cognitive Conflict and Control in Moral Judgment // *Neuron*. 2004. Vol. 44. P. 389–400.

Overman W. H., Boettcher L., Watterson L., Walsh K. Effects of dilemmas and aromas on performance of the Iowa Gambling Task // *Behavioural Brain Research*. 2011. Vol. 218. P. 64–72.

Premack D. G., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behavioral and Brain Sciences*. 1978. Vol. 1 (4). P. 515–526.

Reniers R. L. E. P., Corcoran R., Völlm B. A., Mashru A., Howard R., Liddle P. F. Moral decision-making, ToM, empathy and the default mode network // *Biological Psychology*. 2012. Vol. 90. P. 202–210.

Sarlo M., Lotto L., Rumiati R., Palomba D. If it makes you feel bad, don't do it! Egoistic rather than altruistic empathy modulates neural and behavioral responses in moral dilemmas // *Physiology & Behavior*. 2014. Vol. 130. P. 127–134.

Sommer M., Rothmayr C., Döhnell K., Meinhardt J., Schwerdtner J., Sodian B., Hajak G. How should I decide? The neural correlates of everyday moral reasoning // *Neuropsychologia*. 2010. Vol. 48. P. 2018–2026.

Van Bavel J. J., FeldmanHall O., Mende-Siedlecki P. The neuroscience of moral cognition: from dual processes to dynamic systems // *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 167–172.

Xue S.-W., Wang Y., Tang Y.-Y. Personal and impersonal stimuli differentially engage brain networks during moral reasoning // *Brain and Cognition*. 2013. No. 81. P. 24–28.

Youssef F. F., Dookeeram K., Basdeo V., Francis E., Doman M., Mamed D., Maloo S., Degannes J., Dobo L., Ditshotlo P., Legall G. Stress

alters personal moral decision making // *Psychoneuroendocrinology*. 2012. No. 37. P. 491–498.

Материал поступил в редколлегию 18.09.2017

A. P. Shabalin, O. N. Pervushina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

alexeyshabalin1994@yandex.ru; olgap7@yandex.ru

**THE PROBLEM OF MORAL DECISION MAKING:
AN INTERDISCIPLINARY APPROACH**

The following article reviews the modern theories of moral decision making created in psychology, economics, and neurophysiology. The main perspectives existing in the interdisciplinary research of moral cognition – the ‘rationalist’, the ‘emotionalist’, and the integrated approach – are compared. These perspectives either consider the decision maker to be a rational (or a boundedly rational) individual who follows the principles of utility maximization or a set of heuristics, or emphasize the crucial role of emotional factors in the moral choice. It is stated that the theoretical models laying stress on the importance of affective processes (e.g. the social intuitionist model, dual process theory, etc.) are currently prioritized in the related psychological and neurophysiological studies due to the ‘emotionalist turn’ that occurred at the end of the 20th century. The article considers the classical experimental paradigm involving the use of moral dilemmas. The typology of dilemmas created by J. Greene and based on the three criteria (expressed in the ‘ME HURT YOU’ formula) is mentioned. Furthermore, advantages and disadvantages of the practice of using moral dilemmas in empirical studies of moral cognition are analyzed. Despite the possible lack of experimental realism (the degree of engagement of participants), mundane realism (similarities between the experimental situation and the everyday experience), and psychological realism (involvement of the same psychological processes both in the experimental conditions and in real life), the use of moral dilemmas allows the researchers to achieve a holistic approach and contributes

to the creation of the interdisciplinary field. Finally, the results of studies devoted to neuroimaging the moral decision making process are cited. It is noted that the neural networks engaged in the moral decision making largely coincide with the neural structures associated with the functioning of empathy and the theory of mind. Possible explanations of prosocial behaviour in a situation of a moral dilemma are considered, including the influence of cognitive and affective empathy. Also, the impact of stress on the moral judgments is viewed.

Keywords: moral decision making, moral dilemmas, heuristics, social intuitionist model, dual-process theory.

В. Вундт

ПСИХОЛОГИЯ В БОРЬБЕ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ *

Предисловие

Возможно, что человек, перелиставши первые главы настоящего сочинения, будет склонен усмотреть в ней работу полемическую. Но кто решится дочитать все до конца, тот убедится, что скорее автор приходит с пальмой мира в руках. По мнению некоторых философов и психологов, между философией и психологией необходим развод. Но когда какая-нибудь супружеская пара разводится, то виновными являются обыкновенно, как известно, обе стороны. Задача настоящего сочинения показать, что и настоящий случай не составляет исключения из этого общего правила и что, когда развод этот осуществится, то философия больше потеряет, чем выиграет, а психологии будет нанесен очень сильный удар. Таким образом, борьба вокруг вопроса, есть ли психология философская наука или нет, является для нее борьбой за самое ее существование.

Лейпциг. Февраль, 1913

I

С некоторого времени наблюдается большое оживление в философском и, в частности, академическом мире. Философия и психология желают развестись. Что развестись пора, в этом согласны, по-видимому, обе стороны. Экспериментальная психология, говорят, развилась в самостоятельную частную науку; необходимо поэтому,

* Впервые перевод был опубликован в сборнике «Новые идеи в философии. Сборник номер 10» (1913). Текст приведен в соответствие с современной орфографией. – *Примеч. ред.*

чтобы и эта частная дисциплина отделилась от своей матери-науки, т. е. философии, как в эпоху Возрождения от нее отделилось большинство других частных дисциплин. Правда, дал толчок этому движению, главным образом, один частный случай, а именно, приглашение психолога на кафедру, до тех пор занимаемую чистым философом; и возможно, что первоначально причиной возникшей агитации была не столько общая тенденция к разделению этих двух областей, сколько скорее желание видеть на данной кафедре не то лицо, которому она была предложена, а определенное другое лицо. Но после того, как это произошло, вопрос, сначала частный, получил значение принципиального, и стремлению исключительных философов сделать кафедры философии недоступными для психологов пришлось на помощь требование исключительных психологов, чтобы психологии было отведено в наших университетах место самостоятельной ученой дисциплины. Таким образом, обе стороны, философы и психологи, сошлись на мысли о самостоятельности психологии как науки.

Но общеизвестно, что когда двое делают одно и то же, то не всегда одно и то же и выходит. Действительно, если присмотреться к тому, как высказываются обе стороны, как будто бы согласные между собой, то не трудно заметить, что мотивы, которыми они руководствуются, существенно различны. Философы, очевидно, чувствуют некоторую угрозу самому своему существованию: чем менее им симпатичны новейшие психологические методы исследования, как лежащие вне кругозора собственной их работы, тем более они склонны видеть в представителях экспериментальной психологии чужаков, наносящих известный ущерб как преподаванию самой философии, так и начинающим доцентам чистой философии. Они с жаром провозглашают поэтому самостоятельность экспериментальной психологии и даже рекомендуют правительствам ее, как таковую; но центральным в их желаниях является все же требование отрицательного характера: вон психологию из философии!

Другое дело – психологи, которые впрямь хотят быть только психологами и по должности свободными от занятия остальной философией. Их действительно заботит самостоятельность психологии как науки. Они поэтому не только выдвигают своеобразие методов и вспомогательных средств, как и подготовки, необходимой в настоящее время для психолога и не оставляющей ему ни времени, ни возможности удовлетворить еще и другим требованиям, которые ставит занятие философией. Они заявляют, что ввиду все возрастающего значения, которое психология приобретает для практических целей

самых различных наук, безусловно необходимо значительно расширить существующие в настоящее время рамки для лекций и курсов по психологии. Пусть психология, говорят они, остается, как до сих пор, предметом философского факультета, но изучение ее должно быть объявлено до известной степени обязательным и для студентов других факультетов, в особенности медиков; следует, например, включить психологию ввиду ее важности для психиатрии и патологии нервной системы в круг предметов испытаний для врачей. Но при такой расширенной задаче одновременное преподавание и других философских предметов уже невозможно. Экспериментальная психология поглощает всего человека, требовать же от него работы в областях психологической и философской было бы невозможным обременением для него. Здесь, следовательно, провозглашается обратный девиз: вон философию из психологии!

Но удивительно следующее: в спорах по этому вопросу, в которых обе стороны, хотя и из противоположных мотивов, так сходятся, как будто в провозглашении психологии самостоятельной частной дисциплиной – один вопрос, который, казалось бы, важнее всех других, едва-едва только затрагивается. Мы имеем ввиду вопрос о том, в какой мере психолог вообще может обойтись без философии, и не нуждается ли он скорее всегда, когда он хочет углубиться в собственные свои проблемы, в помощи философских рассуждений, которые тогда только имеют для него известную цену, когда они получены собственной самостоятельной работой. Вот этому основному вопросу, едва затронутому, насколько мне удалось заметить в этом споре, и будет посвящена наша работа. Но раньше мне представляется необходимым ближе рассмотреть самые важные, как открыто провозглашенные, так очевидные, но скрываемые мотивы философов и психологов, столь согласно требующих развода.

II

Дадим сначала слово философии, как старшей науке. Я совсем не буду останавливаться на том частном случае, который дал первый толчок к [...] жению в философских кругах, так как здесь главную роль, как уже сказано, играли мотивы не принципиальные, а личные. В настоящее время, как об этом заявляют в специально выпущенном заявлении виднейшие представители философии, вопрос ставится в чисто принципиальном своем виде. В записке, приложенной к этому заявлению, высказывается, кроме того, намерение ознакомить с ним

не только немецкие правительства, но – через печать – и широкие круги публики, чтобы всем стала ясна опасность, угрожающая философскому преподаванию со стороны экспериментальной психологии. Я считаю себя, поэтому, в праве усматривать в содержании этого заявления точное выражение взглядов подписавших его.

Среди приведенных мотивов видное место занимает живой интерес к развитию экспериментальной психологии и забота о ее развитии в будущем, не стесненном более необходимостью ее для представителей заниматься преподаванием философии. Но трудно все же отделаться от впечатления, что выдвигание этого мотива скорее означает *Carpatio benevolential* читателя, а вовсе не выдвигается действительно авторами заявления.

Я, конечно, ничуть не сомневаюсь, что некоторые отдельные лица действительно серьезно озабочены были интересами психологии. Но что касается других, то трудно отказаться от желания сопоставить эту высокую оценку психологии, сделанную в этом заявлении, с другими оценками их этой науки, сделанными в других местах. Так, например, один превосходный историк философии как-то заметил, что для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой. Такое заявление не очень-то гармонирует с той участливой заботой о судьбе экспериментальной психологии, которой проникнуто упомянутое выше заявление. Я вовсе не желаю, однако, поставить эти и подобные им противоречия в особую вину авторам заявления. Подобного рода документы всегда представляют собой компромиссы, в которых отдельные участники вынуждены до известной степени ограничить собственное свое мнение, чтобы привести его в соответствие с мнениями остальных. При всем том нам придется допустить, что не забота о судьбе экспериментальной психологии одушевляла авторов заявления. Выразилось же это достаточно ясно и в том факте, что авторы заявления жалуются, главным образом, на вред, причиненный преподаванию философии претензией психологов на философские кафедры. Вместо того, чтобы увеличивать число профессоров философии, как этого требует усилившийся в настоящее время интерес к философии, как и необходимость в достаточной мере обслуживать различные области философии, уменьшают их число, предоставляя философские кафедры психологам, которые при современном состоянии науки вообще не могут быть признаны пред-

ставителями философии. И здесь я не могу, однако, умолчать о том, что мотивировка эта не совсем гармонирует с поведением некоторых отдельных лиц из числа авторов заявления. Есть в настоящее время еще немало видных университетов, довольствующихся одним только ординарным профессором философии; и профессора, занимающие здесь кафедру, по-видимому, вовсе не видят нужды в том, чтобы были представлены и другие направления, кроме того, которому они принадлежат. А между тем ввиду все возрастающего в настоящее время значения философского преподавания, на что вполне основательно указывают также и авторы заявления, этот пробел столь очевиден, что ни одно правительство, буде такое указание ему было бы сделано, не могло бы не согласиться с необходимостью увеличения числа философских кафедр.

Но пройдем мимо этого противоречия между мыслью и действием, вовсе не редким, как известно, и в академических кругах. Остается еще другой пункт заявления, носящий более теоретический характер и отчасти стоящий в противоречии с принципами авторов заявления, высказанными в другом месте. В этом заявлении требуется исключительно устранение из учебного плана философии экспериментальной психологии. Такое требование может иметь различный смысл, что не должно было бы иметь место в заявлении столь важного содержания. Значит ли это, что при современном состоянии науки только экспериментальная психология вообще может быть названа психологией? Сторонника этой дисциплины могло бы только обрадовать такое толкование. Но хотя я и сам принадлежу к этим сторонникам, я все же не могу не усмотреть в таком взгляде известное преувеличение, противоречащее фактическому положению вещей. Я не говорю уже о том, что некоторые области психологии, ревностно разрабатываемые именно в настоящее время, каковы детская психология и психология животных, только отчасти доступны изучению при помощи экспериментального метода. Есть, однако, как известно, большая область эмпирико-психологических задач, совершенно недоступная этому методу: мы имеем ввиду психологию народов. Разве философам неизвестно существование этой области? Или, может быть, они хотят сохранить ее за собой? Или они считают ее настолько маловажной, что о ней рядом с экспериментальной психологией и упоминать не приходится? Но допустим даже, что о психологии народов здесь не упомянуто потому, что ей не удалось еще занять такое место в академическом преподавании, какое заняла экспериментальная психология. Тогда остается открытым другой вопрос: полагают ли филосо-

фы, что можно изучать психологию, разрабатывать психологические проблемы и с другой какой-нибудь точки зрения, кроме экспериментальной? Я склонен думать, что большинство подписавших воззвание ответит на этот вопрос безусловно утвердительно. Во всяком случае, есть немало философов, защищающих такой взгляд на психологию как в преподавании, так и в научных своих исследованиях, и я не могу поверить, чтобы именно философы стали оспаривать право на существование за этим направлением в психологии в защиту психологии экспериментальной. Таким образом, совершенно ясно следующее: дело здесь не в том, чтобы исключить из цикла философских предметов психологию вообще, а исключение должно коснуться только тех психологов, которые являются последователями экспериментальных методов психологии.

Может явиться такое представление, будто речь идет здесь о таком разделении, какое произошло, как известно, в психологии XVIII столетия между рациональной и эмпирической психологией. Философам досталась бы тогда рациональная, а экспериментальным психологам – эмпирическая часть. Я не могу, однако, допустить, чтобы хотя бы одному современному философу пришла в голову такая мысль. Слишком жива еще в нашей памяти критика, которой подверг когда-то рациональную психологию Кант, чтобы такая мысль могла прийти в голову даже тем из современных философов, которые и не принадлежат к кантианцам. Если это так, если и сторонники философской психологии не менее других настаивают на эмпирическом изучении душевной жизни, то ясно, что здесь вообще не может быть и речи о принципиальном разделении наук. Не эмпирических психологов, как таковых, хотят удалить из философии, а только тех из них, которые пользуются в качестве вспомогательного средства экспериментом. Коротко говоря: в философии нет места экспериментам. Кто же этим занимается, тот теряет право относить себя к философам. Либо пусть он воздержится от этого метода, либо пусть очистит место другим, работа которых не связана с потерей своего права относить себя к чистым философам.

Если же принять в соображение одно только то «значение», которое может иметь, за исключением всех других возможных значений, выражение «экспериментальная психология» в заявлении философов, то все дело получает совсем другой вид, чем это могло казаться на основании благосклонных слов заявления относительно этого нового направления. Если самостоятельной, независимой от философии дисциплиной должна быть провозглашена не психология вообще и даже

не эмпирическая психология, а только та психология, которая пользуется в качестве вспомогательного средства экспериментом, то вполне очевидно, что непримирим с званием философа именно только эксперимент. И здесь опять-таки нельзя не вспомнить не очень-то благосклонные выражения, в которых исторически известные философы отзывались об экспериментирующих философах. Выражения эти ясно показывают, что методы исследования, не лишённые в значительной своей части и технического характера, слишком чужды философии и ниже ее высоких целей, чтобы философия могла примириться с ними. Если несколько более осветить мысль, дремлющую лишь в темном мире подсознания, то кратко и резко она гласит так: экспериментирование есть банальное искусство: экспериментальный психолог есть в лучшем случае научно образованный ремесленник, а ремесленникам нет места среди философов.

Я, конечно, не думаю, что таков взгляд всех или даже только большинства подписавших заявление. Но что у некоторых из них он преобладает, не трудно, мне кажется, доказать документально, а в том, что у других он, по меньшей мере, слабо чувствуется, не найдет ничего невероятного всякий психолог; для этого вовсе не нужно быть даже экспериментальным психологом, а достаточно быть психологом-практиком. Но если мы и оставим в стороне этот мотив, то последним приведенным в заявлении аргументом остается только то, что экспериментальная работа слишком захватывает всего человека так, что у него не остается достаточно времени для участия в философском преподавании. Но вряд ли кто-нибудь будет спорить против того, что в этом вопросе вряд ли можно признать компетентными философов, которые сами никогда экспериментальными работами не занимались. Трудно, впрочем, допустить, что авторы заявления сослались на этот мотив, не имея на то никаких оснований. Следует поэтому думать, что они основывались на свидетельствах самих представителей экспериментальной психологии. Будет поэтому целесообразно осветить этот пункт только в связи с требованиями, выдвинутыми со стороны психологов.

III

В общем экспериментальные психологи выдвигают, конечно, совершенно другие по существу аргументы, чем те философы, с которыми их объединяют требования размежевания областей. Здесь на первом плане стоит не столько сама психология, сколько

скорее необходимость основательной психологической подготовки для представителей других научных дисциплин. За последнее время это особенно часто выдвигалось в отношении медицины, между тем как на других факультетах, юридическом или теологическом, например, недостаток этот – ввиду общего гуманитарного образования их учащихся – менее сильно чувствуется. Я совсем не могу согласиться с этим взглядом, и со мной согласятся, я думаю, все те ученые, которые за последнее время подробнее занимались вопросами так называемой психологии высказываний, т. е. поразительными заблуждениями и ошибками памяти у свидетелей и порой еще более поразительным доверием, которое эти показания находят у наших судей. Далее, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что и теологам нужно было бы более основательное психологическое образование как для теоретических их исследований, так и для практической их работы. Но всякий человек рассматривает все эти вопросы с точки зрения, наиболее ему близкой. Я ограничусь поэтому вопросом о том, в какой мере нуждаются в психологической подготовке медики, так как именно этот вопрос в настоящее время особенно горячо обсуждается. Здесь мне остается только охотно согласиться с тем, что основательное психологическое образование желательно для каждого врача и в особенности необходимо для психиатра и врача по нервным болезням. Не следует, конечно, забывать, что необходимость эта в психологическом образовании в двух этих случаях весьма различна. В этом вопросе я считаю себя несколько более беспристрастным, чем психологи, работающие только в своей лаборатории, ибо я сам некогда прошел через все различные стадии врачебной профессии и имел случай видеть и таких врачей, которые были превосходными практическими психологами, и таких, которые были очень плохими психологами. Кто-то вполне правильно сказал, что гениальным врачом, как гениальным поэтом, можно только родиться. Отсюда, разумеется, вовсе не следует, что тот или другой из них ничему учиться не должен. Я даже думаю, что значительная часть задатков гениального врача вовсе не находится в связи с его специальными медицинскими познаниями, а она заключается в той практической психологии, которая, подобно всяким другим гениальным задаткам, отчасти является прирожденной, отчасти приобретается упражнением. И пред кем же более богатое поле практических психологических наблюдений, чем перед врачом, и кому же приходится наблюдать человека при более благоприятных условиях, чем ему, наблюдающему человека при таких обстоятельствах, когда падают все завесы, которые человеческие отношения набрасывают

в повседневной жизни на все интимное человека. Конечно, и это дарование опытного врача, подобное интуиции пророка, может быть усилено психологическими исследованиями – как везде теория может быть полезна практике, – но безусловно необходимыми их признать нельзя. Более того, научная психология вряд ли более необходима в сущности врачу-практику, как желательное дополнение к его общему образованию, чем представителям других ученых профессий.

Другое дело, разумеется, психиатрия и патология нервной системы, которые, впрочем, представляют собой, как известно, собственно, одну лишь область. Если оставить в стороне случаи, захватывающие и другие области патологии, где психическая сторона функций нервной системы отступает на задний план, то психиатра можно назвать и врачом по нервным болезням, имеющим в своем заведывании клинику, а врача по нервным болезням – назвать психиатром, не имеющим таковой и заполняющим этот дефект лечением и таких нервных болезней, которые не связаны с глубокими психическими нарушениями. Что профессиональное занятие психиатрией предполагает основательную психологическую подготовку, стало в настоящее время общим местом, после того, как подготовительная эра современной научной психиатрии, усмотревшей в анатомии мозга не только последнюю, но – за отсутствием не существующей еще пока физиологии мозга – единственную основу психиатрии, в общем и целом стала уступать свое место более высокой оценке психической стороны функциональных нарушений. С этой точки зрения основательная психологическая подготовка в такой же мере необходима психиатру, в какой, наоборот, более глубокое психологическое изучение и анализ душевных нарушений могут стать ценным вспомогательным средством для психологии нормальной душевной жизни; все это в такой мере очевидно, что много останавливаться на этом не стоит. Но не менее ясно и то, что этот вывод вовсе нельзя распространить на всю остальную медицину. Психиатрия представляет собой, как известно, ту часть ее, которая как на практике, так и в академическом преподавании наиболее полно отделилась от остальной медицины, став самостоятельной дисциплиной. Ни один психиатр не решится в настоящее время читать лекции по другим специальностям, или заниматься практикой вне своей специальности. И, наоборот, ни один добросовестный врач, не будучи психиатром, не станет лечить душевнобольного, а отошлет его к специалисту.

Поэтому если экспериментальные психологи требуют законченного психологического образования, добытого и слушанием лекций

по психологии, и работой в психологической лаборатории, не только для будущих психиатров, но и для всякого врача вообще, то они смешивают, очевидно, две весьма различные вещи. И это тем более странно, что число специалистов психиатров, которым основательная психологическая подготовка действительно нужна, вряд ли превышает, как известно, несколько процентов общего числа врачей, если даже к психиатрам отнести и врачей-специалистов по нервным болезням, интересующихся в известной степени специально психиатрией. Сколь мало лиц среди врачей, поступаая в университет, с самого начала выбирали своей специальностью нервные болезни. Не более велико число тех студентов, которые, избрав вначале какую бы то ни было специальность, впоследствии бывают вынуждены под гнетом обстоятельств отказаться от нее. Неужели же из-за этих немногих все огромное большинство остальных медиков заставить основательно изучать психологию? Ведь если идти навстречу требованию, выраженному в том заявлении, то речь идет о том, чтобы включать психологию в число предметов, обязательных в качестве подготовки для всех медиков.. Невольно вспоминаешь здесь докладную записку, поданную недавно правительству от имени значительного числа немецких физиологов, где требуется повторный экзамен по физиологии включить в число окончательных испытаний для медиков, потому что физиология слишком важная дисциплина для практического врача, чтоб студент мог забывать ее так, как он, к сожалению, слишком часто забывает все другие естественно-научные дисциплины, сдаваемые на первых курсах. Среди аргументов, которыми мотивируют это предложение, мне представляется особенно важным тот, что важное значение физиологии для практики становится ясно молодым медикам лишь во время работы в клиниках. Но в большей еще степени можно то же самое сказать и о психологии. Значение физиологии вырисовывается перед студентом и на первых курсах вследствие тесной связи с физикой и химией – связи, благодаря которой становится ясной и необходимость для врача этих последних дисциплин. Но как может явиться у студента первых семестров интерес к психологии, когда те клинические случаи, которые должны выяснить ему значение психологии, ему совершенно еще неизвестны? Если студент не занимается психологией по свободному выбору – а тогда он не нуждается и в экзаменационном прессе! – то он до второго экзамена забудет то, что он по нужде изучал, готовясь к первому. Ввиду этого дело, как это известно всякому, кто хоть несколько знаком с постановкой медицинского преподавания, происходит обыкновенно

так: только в ходе общей клинической практики у некоторых студентов появляется особенно живой интерес к психическим нарушениям, а этот интерес сам собой вызывает интерес и к психологии. Раз же этот интерес налицо, то нет уже нужды ни в каком экзаменационном прессе, который вообще приносит весьма малую пользу, хотя совсем обойтись без него, к сожалению, никак нельзя. Но именно с психиатрией дело обстоит особенно благоприятно ввиду того, что здесь выбор профессии оказывается необходимым к концу пребывания в университете, так что тот, кто ее избирает, в большинстве случаев оказывается ею заинтересованным уже под влиянием изучения психологии. Философия, как известно, вовсе не должна необходимо быть философией университетской – Шопенгауэр, как известно, именно последнюю не очень-то высоко ценил; вполне таким же образом дело обстоит и с психологией. Психиатр, изучающий эту последнюю по свободному выбору, имеет в своем распоряжении гораздо более богатый материал для наблюдения – и при существующих в данное время условиях, – гораздо больше вспомогательных средств, чем специалист-психолог. Вследствие этого действительно трудно понять, почему больница для душевно-больных не может стать столь же превосходным учреждением для изучения и преподавания психологии, как и университет. И действительно, за последнее время из рядов психиатров вышло, как известно, несколько психологов, которые по самостоятельности и значению своих работ не уступят большинству специалистов-психологов. Но они стали превосходными психологами большей частью из одного свободного интереса к психологии и не получили никакой специальной подготовки в какой-нибудь психологической лаборатории.

Впрочем, принудительный экзамен представляет собою вообще средство сомнительной ценности, а при некоторых условиях он может принести даже больше вреда, чем пользы. Это – факт, нашедший общее признание у всех, знакомых с этим вопросом. Случайно, почти в то самое время, как в заявлении, в котором защищалась самостоятельность психологии, выставлялось требование экзамена для медиков по психологии на первых курсах, в руки мои попала факультетская программа одного превосходного медика, энергично протестующая против перегрузения медиков предметами, совершенно излишними для огромного большинства их потому, что они развились в предметы, которыми обыкновенный практический врач не занимается, отсылая соответственных больных к специалистам. Сюда относятся: психиатрия, судебная медицина, гигиена, ушные болезни,

болезни горла и носа. Нужно ли к этому ряду дисциплин, все более и более дифференцирующихся, присоединить еще психологию, за которой должно последовать, если быть последовательным, множество еще других наук? Так, судебная медицина предполагает знакомство с юридическими науками, а гигиена, которая не может, конечно, отсутствовать среди этих новых предметов, предполагает знакомство с вопросами, касающимися народонаселения, технической культуры и т. п. В упомянутой выше программе опытный клиницист знакомит с последствиями такого перегрузения учащихся лекциями, практическими упражнениями и государственными экзаменами. Получается картина, не только вызывающая опасения за будущее, но и констатирующая частичное наступление результатов такого перегрузения и расщепления специальностей. Студент, желающий хоть что-нибудь знать из всех специальностей, в конце концов не знает основательно ничего. В результате – все возрастающая поверхностность, от которой в одинаковой мере страдают как врачебная профессия, так и публика.

Но к жалобе на недостаток психологической подготовки у медиков различных специальностей присоединяется в программах психологов другая еще жалоба, которая лежит в основе, прежде всего, требования возвысить психологию в ранг самостоятельной частной науки или – как вернее было бы выразиться – ограничить ее роль ролью частной самостоятельной науки.

Мы имеем ввиду ту жалобу, что психолог не может более удовлетворять требованиям, которые ставят ему самостоятельное изучение и преподавание своей специальности, если не освободить его от преподавания и философии. Пред нами старая жалоба на переобременение, выступающая лишь здесь в новой, несколько неожиданной форме. Зародилась она у учеников наших гимназий или их родителей, весьма чувствительных к страданиям своих отпрысков, и постепенно перешла к студентам высших учебных заведений; теперь ею заразились даже и философы, как не-психологи, так и психологи. Должен сознаться, что я не очень-то симпатизирую в этом отношении ни ученикам, ни их родителям. В моем собственном опыте я почти не знаю ни одного случая, когда бы эта жалоба оказалась основательной – при том условии, разумеется, что ученики обладают достаточными дарованиями, необходимыми для достижения цели, которую ставит высшее учебное заведение. Что же касается тех, которые такими дарованиями не обладают, то для них лучше будет, мне кажется, избрать другую профессию, вместо того, чтобы принижать уровень знаний, даваемых таким учебным заведением, до недостаточных дарований

некоторых отдельных его питомцев. К сожалению, я не могу признать основательной и жалобу психологов на переобременение, хотя здесь в основе жалобы лежат, разумеется, другие мотивы. Очевидно, что здесь в основе жалобы лежит не желание вообще отделаться от работы, а скорее другое желание – более совершенным образом удовлетворить тем возросшим требованиям, которые ставит отдельному ученому прогресс науки. Но я считаю неправильным путь, здесь предложенный, ибо он повел бы к отделению психологии именно от той области науки, без которой она обойтись не может. Посмотрите только на психологическую литературу последних лет! Если выделить из чисто экспериментальных работ протоколы и таблицы опытов, которыми эти работы снабжаются часто в невероятно обильных размерах, то сочинения и статьи, авторы которых вторгаются в области метафизики и теории познания, составят почти половину всей психологической литературы. Вопросу об отношении между телом и душой, «психофизическому параллелизму», применению принципа энергии в области душевной жизни, сущности интеллекта и воли, вопросу о том, в какой мере память зависит от материальных процессов, как и многим другим вопросам, которые всякий признает за проблемы, в равной мере психологические и философские, посвящены многочисленные работы, написанные как экспериментальными психологами, так и философами. Какое множество диссертаций написано на тему о «психофизическом параллелизме», столь излюбленную молодыми учеными, по-видимому, как гимнастика ума!

Но обязаны ли эти диссертации своим появлением более философам или психологам, мне трудно решить. Но несомненно одно: весь характер современной психологической литературы свидетельствует о том, что полное отделение эмпирической или экспериментальной психологии от философии произошло уже в науке само или, по меньшей мере, предстоит в ближайшем будущем.

Указывают, конечно, и на то, что психолог и в будущем может, если захочет, заниматься философскими проблемами и даже читать лекции по философии, как это может делать всякий человек. Но кто это утверждает, забывает о том тесном взаимодействии, в котором находятся самостоятельная работа научного исследования и преподавание. Как ни мало связана с академическим преподаванием именно философия, тем не менее, и здесь для университетского преподавателя весьма полезно, когда он знакомит тесный круг своих слушателей с плодами своей работы и размышлений прежде, чем предложить их вниманию более широкого круга читателей: лекции эти оказываются

весьма благотворными для дальнейшей его работы. С своей стороны, я должен открыто заявить, что я ни одной более или менее крупной философской работы не отдавал в печать прежде, чем проверить ее на академических лекциях. Сюда, однако, присоединяется еще одно роковое заблуждение. Возможно, что сейчас же после официального отделения психологии от философии профессор философии отнесется спокойно к тому, что психолог продолжает, как и раньше, читать лекции по философии. Но ведь это – общеизвестный факт, что академические преподаватели в большинстве случаев смотрят на специальности, по которым они обязаны читать, как на свою неотъемлемую собственность. Вряд ли поэтому удастся избежать случаев, когда философ будет протестовать против психолога, который вторгнется в его область, как, например, физик протестовал бы, если бы химик захотел читать в том же месте лекции по экспериментальной физике, в особенности, если этот химик придерживается взглядов, диаметрально противоположных взглядам физики. Но забудем об этом, допустим, что в академическом мире начинает веять дух терпимости, какого до сих пор, к сожалению, не было. В таком случае студенты, на которых преподаватели, производящие экзамены, оказывают, как известно, огромное притягательное действие, позаботятся уже о том, чтобы психологу надоели предметы, чтение по которым на них официально не возложено. Ибо не менее общеизвестный факт, что склонность читать лекции значительно ослабляется по мере уменьшения числа слушателей.

Наконец, жалоба на переобременение экспериментальных психологов связана, мне кажется, с другим еще заблуждением. Указывают на усиление потребности в знании психологии и в таких специальных областях, в которых этой потребности до сих пор не было. Допустим, что под действием этой потребности число медиков, юристов и, может быть, даже филологов на лекциях по психологии в будущем возрастет, допустим даже, что некоторые из этих чужаков забредут даже в психологическую лабораторию. Допустим даже, что странная мысль об обязательном экзамене по психологии, как он проектировался, например, для медиков, привела бы к некоторому увеличению еще числа этих вынужденных слушателей. Почему же это должно привести к значительному переобременению профессора психологии? По-видимому, здесь рассуждение от обратного. Предполагается, что увеличению [...] чение работы профессора психологии, а между тем здесь нет никакой связи, а если она и есть, то связь весьма небольшая. Если, вместо ста студентов, лекции по психологии слушают

двести, то число студентов действительно возросло вдвое, но работа доцента ничуть не возросла, его работа стала выгоднее, но не больше. В частности, ему вряд ли придется по этой причине более или менее значительно увеличить число своих лекций и упражнений. Ввиду этого может возникнуть опасение противоположного характера, а именно: если профессору психологии придется добровольно или невольно отказаться от участия в философском преподавании, то не получится ли слишком большой досуг у него? Возьмем в качестве масштаба современное положение вещей, допустим даже, что требования на преподавание психологии в будущем значительно еще возрастут. Тем не менее вряд ли психологу придется прочитать более одной лекции в год на тему, касающуюся всей области психологии. Повторять эту лекцию каждый семестр вряд ли будет для него самого желательно – ввиду отупляющего действия таких вечных повторений, и вряд ли это потребует ввиду ожидаемого числа слушателей. Допустим поэтому, что психолог в течение зимнего семестра читает четырехчасовой курс по психологии. Летом он или совсем свободен, или читает небольшой курс на ту или другую специальную тему по психологии. Так как, однако, такие специальные лекции весьма мало или даже вовсе не посещаются, то такой курс будет объявлен, вероятно, только в некоторых из более крупных университетов. Сюда следует прибавить еще занятия в семинариях, которые в самом лучшем случае вряд ли отнимут более пары часов в день, но в большинстве случаев не более нескольких часов в неделю. Вряд ли кто-нибудь не согласится с тем, что такие требования от профессора значительно ниже тех средних требований, которые предъявляются в настоящее время профессорам других кафедр на философском или каком бы то ни было другом факультете.

Наконец, некоторые предлагают для того, чтобы увеличить число студентов, занимающихся психологией, включить этот предмет в число предметов государственного экзамена для представителей некоторых специальностей. Предлагающие это забывают, очевидно, что психология – по крайней мере в настоящее время – вовсе не является такой твердо установившейся наукой, чтобы могли быть выставлены определенные, одинаковые для всех требования, которые профессор мог бы предъявить всем экзаменующимся, из какого университета они не явились бы. Если из множества оттенков в изложении философии выделить наиболее распространенные, мы получим три направления: ассоциационную психологию, так называемую «апперцепционную психологию» и современную, так называемую «психологию интеллекта» (*Denkpsychologie*). Общеизвестное понятие

ассоциационной психологии вряд ли нуждается в дальнейшем выяснении. Нуждается в таком разъяснении скорее термин «апперцепционная психология». Но здесь достаточно будет сказать, что этим термином обозначается, большей частью, то направление психологии, которое считает понятие ассоциаций в его обычной форме относимой к готовым и сравнительно неизменным представлениям, в корне ошибочным и нуждающимся в более глубоком анализе и, кроме того, для объяснения комплексных психических функций привлекает известные элементы, проявляющиеся преимущественно в процессах воли. «Психологией интеллекта», наконец, было в последнее время названо направление, занимающееся преимущественно изучением сложных интеллектуальных процессов логического мышления, и самый характерный признак этого направления состоит в том, что оно пытается и эти процессы исследовать экспериментальным путем. Понятие эксперимента употребляется здесь не в обычном, а в отличном от него значении. Так, например, любой вопрос, на который должно ответить испытуемое лицо, рассматривают, как вызванное в его сознании раздражение, а ответ – как реакцию на это раздражение. Допустим теперь, что студент, слушавший лекции у сторонника ассоциационной психологии, вынужден экзаменоваться у сторонника апперцепционной психологии. Последний, вероятно, найдет его познания весьма недостаточными. Точно так же вряд ли выдержит свой экзамен у сторонника ассоциационной или апперцепционной психологии студент, слушавший лекции у сторонника третьего направления, а у последнего, вероятно, срежутся слушатели первых двух направлений. Можно на это, конечно, возразить, что и в смысле философии дело обстоит не иначе. И я не стану против этого возражать, поскольку речь идет о таких систематических предметах, как метафизика, этика, теория познания и т. д. Но есть одна область, свободная от этой относительности: история философии. И каждый справедливый экзаменатор, когда к нему явится на экзамен студент, не совсем знакомый ему, станет задавать ему только вопросы, относящиеся к названной области. Мне могут ответить на это, что в будущем и в психологии дело будет обстоит иначе, так как она старается все более и более пользоваться точными методами. Но в таком случае уместно подождать этого будущего, которое покуда еще очень далеко, со своими преобразованиями в деле преподавания психологии, раз в настоящее время почти совершенно отсутствует самая необходимая для этого предпосылка – существование одного общего для всех учебного материала. Мало того, если принять в соображение те об-

щие проблемы психологии, о которых мы говорили выше и которые и в настоящее время, как всегда раньше, играют выдающуюся роль в психологической литературе, нельзя не усомниться в том, наступит ли когда-либо такое единодушие, которое создает общую основу для различных воззрений. Что же остается, когда отбрасывают именно то, что представляет наибольший интерес для учащихся и наиболее важно для общего психологического образования? Неужели же довольствоваться парой – другой заученных наизусть чисел и эмпирическими законами, допускающими несколько толкований, если и не совсем спорными? Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии. Тот упрек, который некоторые философы выдвигают против нее в настоящее время без всякого основания, а именно, что она скорее техническая, чем чисто научная дисциплина, может тогда в ужасающих размерах превратиться в действительность. Если же затем с прогрессивным разделением труда один психолог станет исключительно заниматься вопросами памяти и целесообразных методов заучивания наизусть, другой – опытами по различным реакциям и индивидуальным различиям в них, третий – определением порогов раздражения, четвертый – опытами по вопросам мышления и т. д., тогда, действительно, наступит пора, когда психологи превратятся в ремесленников, и ремесленников вовсе не самого полезного типа.

Но что же вы скажете об Америке? спросит нас, может быть, один из психологов, требующих во чтобы то ни стало отделения психологии от философии. Какое значение могут иметь эти возможные, хотя и далеко еще не воплотившиеся в действительность последствия пред лицом того гигантского развития, которого достигла экспериментальная психология в Америке в течение немногих десятилетий? А ведь там эти успехи были достигнуты с самого начала на основе строгого отделения – в особенности, в крупных университетах – психологии

от философии. Мне совершенно чуждо, разумеется, желание оспаривать великие заслуги американцев в деле развития нашей науки. Если число психологических лабораторий в Северной Америке в настоящее время чуть ли не в десять раз больше их числа во всей Европе, то ведь даже среди этих немногих, некоторые в особенности, например английские и французские, вряд ли существовали бы, если бы не эти успехи американцев. Но не следует же забывать, что именно в университетском деле существуют большие различия между различными странами, отчасти объясняющиеся различными историческими условиями, но главным образом соответствующие существенно различным условиям общей духовной культуры страны. Именно поэтому, надо думать, сенат города Гамбурга, не без основания, отклонил возникший было проект преобразовать гамбургскую высшую школу отчасти по американскому образцу. Задуманный «колониальный факультет» вообще никакого прототипа не имеет, а представляет собой специфический гамбургский продукт, и в действительности это – факультет, как известно, скорее мнимый, чем действительный, так как коллегия преподавателей принадлежит, главным образом, к другим факультетам, да и лекции, которые они читают, являются вместе с тем лекциями и этих других факультетов. То, что мы сказали об университете в целом, относится в общем и к отдельным предметам и в наиболее сильной степени к тем из них, которые, подобно философии, находятся в наиболее тесной связи с различиями национальных интересов. У нас психология, оставаясь верной своему происхождению из философии, представляет собой и в настоящее время область теоретического преподавания и исследования, и никто, знакомый с существующим положением вещей, не может пожелать, чтоб это стало иначе, несмотря на весь все возрастающий интерес, который возбуждают применения психологии к педагогике, психиатрии и т. д. Слишком много у нас чисто теоретических проблем, чтобы мы могли забыть о них ради этих практических применений. Совершенно при других условиях развивалась в Америке экспериментальная психология. С одной стороны, значительно содействовала отделению психологии от других философских областей постановка преподавания в американских университетах, из которых менее крупные более или менее приближаются к нашим средним школам, а более крупные близко подходят к типу английских университетов: школьный характер преподавания, да и пример английских университетов вообще содействовали более строгому размежеванию отдельных дисциплин. С другой же стороны, практический ум американцев с самого же начала извлек из нового

экспериментального направления в психологии то, что у нас пришло, собственно говоря, в конце: практическое и прежде всего педагогическое его значение. Этим объясняется тот факт, что в то время, как у нас экспериментальная педагогика составляет область применения психологии, в Америке, наоборот, психология скорее играет подготовительную роль для педагогики. Отсюда вовсе еще не следует, разумеется, что в Америке нет ученых, занимающихся теоретическими проблемами; нет, их очень много и они занимаются ими ревностно и с успехом. Весьма процветают там наука о языке, этнология, самые различные области естествознания, но и психология насчитывает целый ряд весьма даровитых представителей. При всем том именно педагогический интерес, которым проникнут в Америке весь образованный мир и который составляет одну из лучших сторон американской культуры, не мог не придать свое специфическое направление экспериментальной психологии, заимствованной извне и затем самым ревностным образом самостоятельно разрабатываемой. Весьма сомнительно, нашла ли бы новая психология столь быстрое распространение и такое множество блестящих представителей в новом мире, если бы не этот педагогический интерес. Однако этими же обстоятельствами обуславливаются и фактические границы для ее развития, и без того вызванные упомянутой постановкой преподавания в высших школах. Мне не раз приходилось слышать, как американцы удивлялись тому, что наши лекции по философии слушают не только все группы так называемого философского факультета, но и юристы, медики и теологи, и что кое-кто из них работает даже в психологической лаборатории. В Америке лекции по психологии слушает будущий преподаватель или вообще человек, интересующийся специально педагогикой. Психология есть предмет специальный, которым представитель другой специальности, кроме педагогики, обыкновенно вовсе не интересуется. Этим объясняется, конечно, и тот факт, что в то время, как в Германии интерес к психологии заметно возрос в кругах, занимающихся изучением языкознания, науки о религии, этнологии, вообще дисциплин, соприкасающихся с психологией народов, в Америке ничего подобного не заметно. Поэтому нам совсем не следует, мне кажется, подражать американцам заимствовать у них то, что возникло там при совершенно других, чем наши, условиях, что представляет собой выражение чисто американской культуры, но что у нас совершенно не может привиться, как не могли бы привиться и некоторые другие стороны американской жизни.

IV

Если философы называют психологию просто «экспериментальной психологией», то их до некоторой степени можно понять, если принять в соображение невысказываемое желание некоторых из них возможно подальше удалить психологию из сферы философии. Но если сами психологи говорят о ней, как о дисциплине, исключительно экспериментальной, то это труднее понять. Существует же – и именно психологи должны были бы это знать! – одна область, которую принято называть «психологией народов», и которая даже выделила уже из себя некоторые отдельные, более специальные области, как психология языка, психология религии, психология общества и т. д., – область, изучаемая не только специалистами-психологами, но и представителями других научных областей, как наука о религии, социология и т. д. Участие психологов в этой работе желательно, очевидно, и даже необходимо не только потому, что они обладают гораздо более многосторонним, чем представители тех научных дисциплин, знакомством с более элементарными душевными явлениями, но и потому прежде всего, что высшие душевные функции человеческого сознания могут быть изучены – в этом нет ни малейшего сомнения! – только на основе этих общих явлений духовного развития. Психология мышления, например, без основательного углубления в психологию языка есть вещь невозможная, и это должно стать ясно каждому психологу в такой же мере, в какой специалистам по языкознанию давно уже ясна стала безусловная необходимость психологии для их целей. Было бы, конечно, грубым заблуждением смешать здесь само мышление с его проявлением в языке: это проявление есть в такой же мере симптом психических процессов, как мышечные сокращения представляют собой для физиологов симптомы процессов, происходящих в нервной системе. Но это различие между симптомом и самой функцией вовсе не обязывает нас отвлекаться от проявлений функций вообще. Кто же это делает, подобен физиологу, кто захотел бы изучать процессы иннервации, не обращая никакого внимания на явления, вызываемые этими процессами в периферических конечных аппаратах нервной системы. Здесь перед нами то роковое влияние, какое может иметь слово, применяемое за пределами той области, где оно сохраняет свое значение. Если более элементарные области психологии называть «экспериментальной психологией» и усматривать в ней важный отличительный признак от более старой психологии, которая не пользовалась этим вспомогательным средством, то это, конечно, вполне

правильно. Но если всю психологию называть экспериментальной, то это столь же несомненно неверно, потому что есть области, по природе своей недоступные эксперименту. Сюда относится прежде всего развитие мышления, и сюда же относится также целый ряд дальнейших, связанных с ним, проблем развития, как, например, проблема развития художественной фантазии, мифа, религии, нравов. Было бы, конечно, неопасно, если бы психологи называли всю науку свою в целом, как это и происходило первоначально, именем, характерным для важнейшей части их методов. Как это показывают некоторые примеры, часто происходит не то, а название совпадает у них с самим делом. Они называют себя экспериментальными психологами, и на этом основании чувствуют себя вообще свободными от обязанности посвящать свое внимание областям, выходящим за пределы эксперимента, или же – что еще хуже – они и к их изучению применяют метод экспериментальный. Так зародилась так называемая экспериментальная психология интеллекта. Самый обычный ее метод заключается в том, что при помощи вопроса, утверждения или какого-нибудь необычайного действия вызывается в «испытуемом лице» некоторый процесс мышления, который и регистрируется; если же никакого процесса мышления нет, то об этом размышляется, и это размышление о деле выдается за само дело. Вряд ли стоит доказывать, что эксперименты в таких опытах вообще не представляют собою экспериментов в научном смысле. Но они получаются, как естественный результат, раз эксперимент применяется к проблемам, к которым он, по сути вещей, вообще неприменим.

Намеренная абстракция от проблем, относящихся к психологии народов, или аннексия их экспериментальной психологией оказывается весьма кстати для тех, кто утверждает, что экспериментальная психология не зависит от философии, когда они прибегают к помощи прагматической максимы, столь распространенной в настоящее время у философов и у психологов: приемлемо всякое допущение, если только оно практически полезно. Пусть, однако, пытаются этим способом удалить препятствия, которые создают вокруг основных проблем психологии теория познания и метафизика, но с проблемами духовной жизни общества, которые ведут же вместе с тем в гущу практических применений психологии, дело обстоит совершенно иначе. Как устранить контакт между психологией религии и философией религии, между психологией нравов и этикой? Если размежевание с теорией познания есть начало всякой научной психологии, не желающей остановиться на случайно скомбинированных наблю-

дениях, то, в конце концов, психология тесно соприкасается с теми дисциплинами философии, и только это дает ей право претендовать на значение основы всех наук о духе. Правда, кое-кто утверждал, что именно то, что психология собирается сделать, а именно, отделиться от философии, произойдет в более или менее близком будущем и с теми специальными областями философии: этика вместе с социологией и философией права станут частной областью юриспруденции, философия и психология языка станут частной областью грамматики и истории языка, а философия и психология религии станут неразрывной частью теологии. Если этой программе суждено когда-либо осуществиться, то это будет, конечно, самым крайним осуществлением принципа разделения труда, и вместе с тем нанесет смертельный удар тому принципу совместной работы наук, защиту которого – в противовес принципу разделения отдельных задач – философия считала своим специальным призванием. Тогда, конечно, сама философия станет специальной дисциплиной, а бывший философ станет абстрактным гносеологом и сможет в одинокой тишине отдаваться свободным от всяких предпосылок умозрениям, совершенно не интересуясь развитием положительных наук. Само собою разумеется, что тогда обе стороны не станут более жаловаться на слишком большое обременение. Но, конечно, вряд ли тот или другой будет в состоянии отделаться от вопроса: что же собственно такое теория познания, если она совершенно не интересуется действительным содержанием и методами научного познания, и какая цена психологии, которая знать ничего не хочет о важнейших проявлениях душевной жизни человека?

Следует думать, что подобные последствия совершенно не желательны для большинства сторонников отделения психологии от философии, будь то философы или психологи; но они должны наступить, по меньшей мере, в некоторой части своей: этого требует неумолимая логика самих фактов. Именно тем, что она является частной наукой философии и вместе с тем также эмпирической наукой о духе, психология ценна для философии и для эмпирических частных наук, являясь самым главным соединительным звеном между ними. Легко поэтому может случиться, что когда желание философов и психологов исполнится и психология будет выделена из философии, обе стороны окажутся в положении пары из сказки о трех желаниях и будут страстно стремиться к восстановлению старого *status quo*.

Итак, единодушное требование обеих сторон, исходящих, правда, из прямо противоположных мотивов, не послужит на пользу ни той,

ни другой стороне. Но нельзя отрицать того факта, что с новейшим развитием наших университетов возникли бедствия, устранение которых весьма желательно, но, конечно, совсем другим путем, а не предложенным отделением психологии от философии. Прежде всего нельзя отрицать того, что с огромным ростом философских факультетов и расширением областей философских в тесном смысле наличное число преподавательских сил в этих областях оказалось недостаточным. Этот недостаток может быть устранен двумя путями, которые и осуществляются уже отчасти в некоторых университетах. Один состоит в увеличении числа ординарных профессоров философии; другой, легче осуществимый, и потому более нам близкий, заключается в привлечении к преподаванию некоторых предметов – экстраординарных профессоров, с представлением им участия также в государственных экзаменах и экзаменах на звание доктора. Среди нашей более молодой доцентуры замечается в настоящее время стремление к расширению своих прав за пределами права читать лекции и руководить упражнениями в определенных областях. Плохо в этом движении то, что на первый план не выдвигается готовность взять на себя и обязанности, без которых всякие права, хотя бы, например, право участия в собраниях факультета, были бы ведь только правами мнимыми. Право и обязанность неразрывно между собою связаны и в академической жизни. С другой стороны, профессора, и в особенности профессора философии, постоянно жалуются на переобременение экзаменами и оценками диссертаций. Чего же лучше? Можно удовлетворить обе стороны, если привлечь к участию в этих работах старших и наиболее опытных экстраординарных профессоров. Вместе с тем, им же следует поручить преподавание тех предметов, которыми ординарные профессора мало или вовсе не занимаются. Этим будет достигнута двойная выгода: во-первых, освобождение академических преподавателей от побочных работ, что даст им возможность заняться свободной научной работой, которой должен заниматься всякий, желающий двигаться вперед; и, во-вторых, большая многосторонность самого академического преподавания, обусловленная привлечением большого числа преподавательских сил.

Второе бедствие наших университетов заключается в том, что при назначении на философские кафедры нередко упускается из виду необходимость взаимного дополнения предметов преподавания. Больше всего повинны в этом бедствии сами философские факультеты и прежде всего их советники, профессора философии: когда

какой-нибудь коллега их оставляет университет, они стараются привлечь ему заместителя, придерживающегося тех же взглядов, того же направления, а потому и предпочитающего и те же предметы преподавания. Отсюда – множество школ местного значения или, по меньшей мере, покровительство односторонним направлениям. Этому отчасти может уже помочь привлечение экстраординарных профессоров к регулярному преподаванию, но еще больше – целесообразное распределение главных предметов преподавания между ординарными профессорами, не связывая с этим, конечно, ограничения одними этими главными предметами. В крупных университетах потребуется не менее трех ординарных профессур: одна – для систематических предметов, другая – для истории философии, а третья – для психологии; однако историку должно быть предоставлено право заниматься и систематическими предметами, а психологу – систематическими и историческими. Тогда само собой получится необходимая многосторонность направлений, до известной степени связанная всегда с теми главными областями. Ведь у историка будет в большинстве случаев несколько другое отношение к систематическим проблемам, чем у чистого систематика, и в еще большей степени этого следует ожидать у психолога. Сколь плодотворно может стать такое многообразие, обусловленное целесообразным распределением учебного материала, показывает пример некоторых высших школ, в которых такое гармоническое взаимодействие существует уже много лет, к пользе учащихся, да и самих преподавателей. В менее крупных университетах будет достаточно одного ординарного и одного экстраординарного профессора, если только предоставить последнему необходимое участие в упражнениях и испытаниях, как и специальные средства преподавания, необходимые в его области. Что же касается жалоб как философов, так и психологов на то, что конкуренция с представителями других областей уменьшает шансы молодых доцентов по философии и психологии на дальнейшее движение вперед, то и в этом отношении мой план принесет, по меньшей мере, не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки.

* * *

Вряд ли следует опасаться, что правительства поторопятся удовлетворить требование психологов и философов о выделении психологии из философии. В теории такие планы радикальных реформ

осуществляются гораздо легче, чем на практике, и практик в гораздо более сильной степени чувствует себя обязанным обсудить последствия таких мер со всех сторон, чем теоретик, который легко может не заметить именно те возможные последствия, которые оказываются в противоречии с его собственными желаниями. Но допустим, что правительства обнаруживают готовность пойти навстречу этим желаниям. Вряд ли кто-нибудь даже из среды подписавших заявление о необходимости выделения психологии из философии надеется на то, что сейчас же во всех немецких университетах будут учреждены самостоятельные кафедры по психологии, снабженные всеми необходимыми лабораторными средствами. Всем достаточно хорошо известно, что в Пруссии, например, в настоящее время насчитывается не более четырех-пяти весьма скромно оборудованных психологических лабораторий, среди которых некоторые представляют лишь одно собрание демонстративных приборов. В Гейдельберге и Фрейбурге и, насколько я знаю, также в Тюбингене и Гене таких лабораторий совсем нет. Бавария имеет только один такой институт, и второй учреждается в Мюнхене. Трудно допустить, что при таких условиях немецкие правительства сейчас же дадут средства для устройства лабораторий огромному большинству университетов, которые до сих пор были совершенно лишены их. Это тем менее вероятно, что философ, который до сих пор преподавал психологию и руководил семинарией по психологии в качестве предмета побочного, удовольствуется гораздо более скромными средствами для дальнейшего ведения дела, чем чистый психолог. Государство, обладающее более или менее значительным числом университетов, захочет, вероятно, сначала устроить лаборатории в некоторых из наиболее крупных университетов, чтоб проверить, насколько реформа полезна, а не станет устраивать лаборатории сразу во всех высших учебных заведениях. Но только энтузиаст, потерявший под ногами почву действительности, может прельщаться себя надеждой, что проба, произведенная таким образом, увенчается успехом и поведет к основанию дальнейших психологических лабораторий. Человек же опытный, знающий современное положение вещей – а строим же мы свои планы о будущем на основе настоящего! – знает, что самая существенная часть работы психологов связана в настоящее время с тем, что он в лекциях, как и на государственных экзаменах и на экзаменах на звание доктора, выступает как философ. Поэтому если психологию изолировать, то она неизбежно превратится в предмет побочный. Так, вряд ли кто-нибудь решится включить ее, например, рядом с философией в число обязательных

испытаний для наших учителей средних школ как так называемый «образовательный предмет». Столь же невозможно поставить ее наряду с философией, предоставив экзаменуемому выбор между ними. Кроме того, и само по себе ясно, что если бы на время и, вероятно, на долгий срок ограничить преподавание экспериментальной психологии не многими высшими учебными заведениями, то это значительно понизило бы интерес к ней. Поэтому если бы правительства учредили на пробу только несколько самостоятельных кафедр по психологии, то очень скоро эта проба, по всей вероятности, была бы признана неудавшейся. Несомненно, однако, то, что самой психологии это не принесло бы никакой пользы, а наоборот, нанесен был бы сильный удар. Ибо, если верно то, что невысказанным мотивом в заявлении философов было слишком одностороннее занятие экспериментальной психологией, порой действительно превращающееся в работу ремесленника, то этому вырождению в ремесло ничто не может содействовать в более сильной степени, чем это предложенное отделение психологии от философии. Если поэтому философы действительно одушевлены теми благожелательными чувствами по отношению к психологии, о которых говорится в заявлении, то они должны предложить как раз обратное тому, что они на самом деле предложили, и везде, и всегда и сами действовать в том же направлении. Не следует даже допускать к экзаменам такого кандидата, который является простым экспериментатором и не обладает достаточно основательным психологическим и философским образованием. Далее, философы, как и психологи, сами должны влиять в том направлении, чтобы факультеты предлагали на вакантные философские кафедры, с которыми связано и общее преподавание психологии, только таких лиц, которые вместе с тем могут явиться деятельными и самостоятельными работниками и в философии.

Пер. Г. Котляр

УДК 159.937

М. П. Мезенцева¹, М. Г. Филиппова²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

box4fox@yandex.ru; mezya@mail.ru

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ДВОЙСТВЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА *

В результате проведенных экспериментов было показано, что однозначные изображения являются более предпочитаемыми по сравнению с двойственными изображениями в группе детей дошкольного возраста. Мы также выяснили, что дети, называющие обе интерпретации двойственного изображения, более предпочитают двойственные изображения по сравнению с детьми, которые не называют обе интерпретации. Одной из детерминант предпочтения однозначных изображений по сравнению с двойственными является недетализированность двойственных изображений.

Ключевые слова: восприятие двойственных изображений, дошкольный возраст, беглость обработки.

Точкой отсчета научного изучения восприятия двойственных изображений принято считать письмо Луиса Неккера Дэвиду Брюстеру [Necker, 1832], в котором было представлено широко известное сегодня изображение, получившее название куба Неккера. Впоследствии изучение восприятия двойственных изображений стало междисциплинарным.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, отделение гуманитарных и общественных наук (проект № 17-06-01014а «Позитивный смысл торможения конкурирующих интерпретаций при восприятии многозначной информации»).

Мезенцева М. П., Филиппова М. Г. Предпочтения при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 83–94.

плинарной областью, представленной не только психологией, но также философией сознания и физиологией. В каждой из этих областей знания наблюдается наличие противоположных способов объяснения – через восходящие и нисходящие процессы [Long, Torpino, 2004; Wimmer, Doherty, 2011]. Участие восходящих процессов предполагает обработку информации низкого порядка, т. е. преимущественно произвольные реакции, идущие от органов чувств. Участие нисходящих процессов предполагает обработку информации высокого порядка, т. е. влияние воли субъекта, его ожиданий и прошлого опыта на интерпретацию. Перспективным представляется поиск интегративной модели.

Преимущество дошкольного возраста для изучения восприятия двойственных изображений состоит не только в фундаментальном принципе развития, но и в специфических характеристиках самих двойственных изображений. Во-первых, конкретные интерпретации многих двойственных изображений оказываются знакомы выборкам старшего возраста – школьникам, студентам и взрослым. Это чрезвычайно осложняет изучение процесса восприятия, поскольку двойственное изображение представляет собой когнитивную задачу, знание ответа на которую лишает всякого смысла дальнейшее изучение этого процесса [Rock et al., 1994]. Во-вторых, детям дошкольного возраста не знакома сама идея двойственности. Это чрезвычайно важный факт, поскольку взрослый человек, даже если он не знаком с конкретными двойственными изображениями, тем не менее обладает знаниями о возможной многозначности разного материала – изобразительного искусства, литературного творчества. И наконец, в-третьих, существует точка зрения, согласно которой необходимые для восприятия двойственных изображений процессы формируются в возрасте от 3 до 5 лет, давая возможность ребенку 5 лет воспринять двойственное изображение в обеих его интерпретациях [Mitroff et al., 2006; Wimmer, Doherty, 2011].

Выборка. Выборку составили 55 детей возраста 4–7 лет, посещающие детский сад № 10 общеразвивающего вида (МКДОУ д\с № 10) г. Новосибирска. В первом эксперименте приняли участие 39 детей. Во втором эксперименте – 16 детей.

Эксперимент 1

Процедура и методы исследования. В первом эксперименте каждому участнику исследования предлагалось 6 рядов изображений

тематики «животные», в каждом ряду было по четыре изображения: двойственное, две его однозначные альтернативы, однозначное. При этом недвойственные альтернативы двойственного изображения получались путем исключения ключевых деталей второй альтернативы и добавления деталей, уточняющих необходимую альтернативу. Однозначное

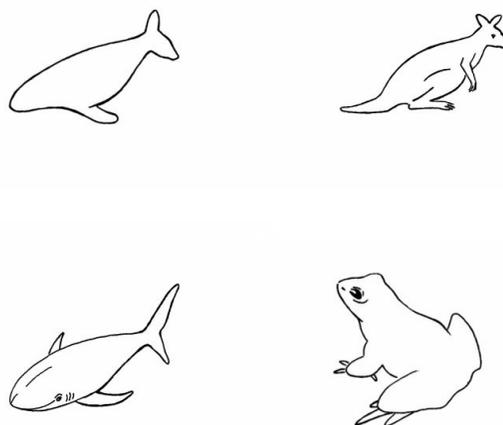

Рис. 1. Пример стимульного материала эксперимента 1

изображение представляло собой знакомое детям животное, которое не встречается ни в одной интерпретации ни одного двойственного изображения. Все изображения были черно-белыми, контурными, формата А5, центрированы, выравнены по длине и нарисованы одним художником.

Таким образом, один ряд изображений мог выглядеть так: «кенгуру / акула» (дв.), «кенгуру» (недв. одн.), «акула» (недв. одн.), «лягушка» (одн.). Пример стимульного ряда приведен на рис. 1.

Ребенку выкладывался ряд из четырех изображений и давалась инструкция: «Назови, пожалуйста, как называется каждое из изображений». Эта инструкция служит сразу двум целям: во-первых, становится ясно, правильно ли подобран стимульный материал – понятен ли он детям; во-вторых, становится ясно, какую интерпретацию двойственного изображения (либо обе) видит ребенок. Изображений, которые детям непонятны, обнаружено не было, хотя опасение такое перед экспериментом имелось.

После того как ребенок называл всех животных, ему говорилось: «Назови, пожалуйста, какое из изображений нравится тебе больше всего». Когда ребенок указывал на это изображение, оно убиралось со стола, и процедура повторялась с оставшимися изображениями. Таким образом, получался ранговый ряд его предпочтений.

В данном эксперименте использовались следующие методы контроля побочных переменных:

- фиксация внешних атрибутов стимульного материала: цвета (черно-белый вариант), стиля (контурные), позиции (в центре листа), размера (одинаковая длина – 10 см – для самой длинной стороны), формата (A5) изображения;
- контрбалансировка порядка двойственных изображений;
- контрбалансировка сравниваемых с двойственным изображением однозначных изображений;
- элиминация возможного воздействия окружающих людей путем проведения эксперимента в комнате для сна соответствующей подгруппы детского сада.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета для социальных наук SPSS v. 22.

Результаты. С целью более простого изложения следует отметить, что большее предпочтение изображения выражается как меньший ранг, поскольку во время фиксации результатов отмечался порядок выбора изображений, впоследствии этот порядок не инвертировался.

Во-первых, мы смотрели, существуют ли различия в предпочтениях: двойственных изображений, осознанной и неосознанной альтернативы и однозначных изображений. При этом осознанной считалась та однозначная альтернатива, которую ребенок называл в качестве интерпретации двойственного изображения. Ранговое значение на каждую группу изображений получалось путем осреднения по 6 наборам изображений.

Для сравнения ранговых рядов мы использовали критерий χ^2 -Фридмана, последующее попарное сравнение было выполнено с помощью Т-критерия Уилкоксона с поправкой Бонферрони ($p = 0,05/6 = 0,0083$). Было обнаружено значимое различие χ^2 -Фридмана ($\chi^2 = 40,375$; $p = 0,00$), в свою очередь попарное сравнение показало, что двойственные изображения менее предпочитаемы по сравнению с остальными однозначными изображениями, сами однозначные изображения между собой не отличались (см. таблицу).

При этом, если следовать менее консервативным путем к определению значимости, из таблицы видно, что недвойственная неосознанная альтернатива значимо отличается от однозначного изображения, но недвойственное осознанное изображение занимает неопределенное положение.

Результаты сравнения ранговых рядов предпочтений
Т-критерием Уилкоксона, средние ранги групп изображений
при расчете χ^2 -Фридмана

Результаты проверки с помощью Т-критерия Уилкоксона

Группы стимулов	недв.* ос. дв.	недв. неос. дв.	одн. дв.	недв. неос. недв. ос.	одн. недв. ос.	одн. недв. неос.
Z	-5,019	-4,707	-3,846	-1,7	-1,386	-2,201
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,089	0,166	0,028

Средний ранг при расчете χ^2 -Фридмана

Группы стимулов	недв. неос.	недв. ос.	одн.	дв.
	1,78	2,14	2,55	3,53

* Примечание: дв. – двойственное изображение, одн. – однозначное изображение, недв. ос. и недв. неос. – осознанные и неосознанные однозначные альтернативы двойственных изображений.

Во-вторых, мы смотрели, существует ли внутригрупповое различие в ранговых рядах предпочтений в случае, когда ребенок называл обе интерпретации двойственного изображения, от случая, когда ребенок называл лишь одну из интерпретаций. Для этого была определена ранговая позиция каждой из групп изображений в обоих случаях отдельно, осреднение шло по количеству соответствующих изображений у каждого ребенка.

Согласно Т-критерию Уилкоксона, не было обнаружено различий между соответствующими группами изображений в случае наличия и отсутствия обеих интерпретаций двойственного изображения.

В-третьих, мы смотрели, существует ли различие, подобное предыдущему, но в межгрупповом сравнении – есть ли различие в пред-

почтениях по каждой из групп изображений у детей, которые назвали хотя бы в одном случае обе интерпретации двойственного изображения, по сравнению с детьми, которые ни разу не назвали обе интерпретации двойственного изображения. В расчет при этом брался осредненный ранг по всем шести двойственным изображениям. С помощью U-критерия Манна – Уитни удалось обнаружить значимое различие между группами детей назвавших / не назвавших обе интерпретации хотя бы одного двойственного изображения в случае ранговых предпочтений по двойственным изображениям ($U = 107$, $p = 0,02$), причем дети, назвавшие хотя бы в одном случае обе интерпретации двойственного изображения, более предпочитают двойственные изображения (средний ранг = 15,44), чем дети, которые ни разу не назвали обе интерпретации двойственного изображения (средний ранг = 23,90). В случае остальных изображений различий между этими группами обнаружено не было.

Также мы представили переменную «назвал/не назвал обе интерпретации» не только как дихотомию, но и присвоили ей количественную меру. Критерий ранговой корреляции Спирмена показал наличие статистически значимой связи между количеством указаний на обе интерпретации двойственных изображений и ранговым предпочтением двойственных изображений ($\rho = -0,373$; $p = 0,019$), что означает с исследовательской точки зрения положительную связь: чем больше интерпретаций обоих образов ребенок называет, тем больше предпочтение двойственных изображений.

Обсуждение эксперимента 1. В ходе данного эксперимента мы выяснили, что двойственные изображения являются для детей дошкольного возраста менее предпочтительными по сравнению с однозначными изображениями: как несвязанными с двойственным изображением, так и его однозначными альтернативами. При этом мы указывали, что группа изображений, содержащая недвойственную осознанную альтернативу двойственного изображения, заняла неопределенное положение при множественных попарных сравнениях.

Резкого внутригруппового сдвига в случае, когда ребенок называет обе интерпретации двойственного изображения, по сравнению со случаем, когда он не называет обе интерпретации, нам обнаружить не удалось ни по одной из групп изображений.

Полученные в межгрупповом сравнении результаты представляются нам вполне ожидаемыми – группа детей, называющих обе интерпретации двойственного изображения, оценивает такие изображения как более приятные, чем группа детей, в которой обе интерпретации

ни разу не встретились. По остальным группам изображений различий обнаружено не было; введение метрического уровня измерения в виде количества изображений, названных с обеими интерпретациями, показало значимую связь с предпочтениями двойственных изображений – чем больше ребенок увидел изображений, тем больше предпочтение этой группы изображений.

Эксперимент 2

Процедура и методы исследования. Во время просмотра двойственных изображений дети достаточно часто отмечали наличие недорисованности, что побудило нас проверить, может ли меньшее предпочтение двойственных изображений быть связано с недостаточной детализированностью. Во втором эксперименте мы стремились создать максимально контрастные условия для проверки этой гипотезы: в однозначных изображениях мы исключили все детали, кроме контура изображения, а двойственные изображения оставили без изменений, что приводит не только к уравниванию материала по этому параметру, но даже к преобладанию деталей в случае некоторых двойственных изображений.

Во втором эксперименте приняли участие дети, не участвовавшие в первом эксперименте. Каждому участнику исследования предлагалось 6 рядов изображений животных, в каждом ряду было по четыре изображения: двойственное, три однозначных изображения. При этом двойственные изображения полностью совпадали со стимульным материалом эксперимента 1, а однозначные изображения не содержали никаких дополнительных деталей, кроме контура, который и служил своей формой для определения нарисованного животного. Все изображения были черно-белыми, формата А5,

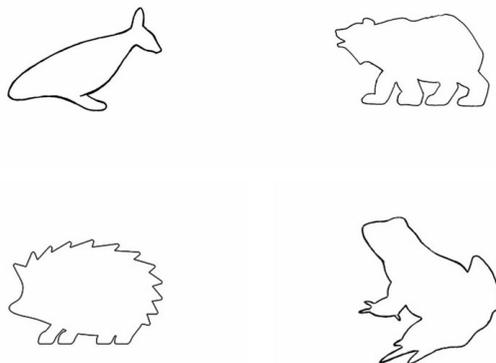

Рис. 2. Пример стимульного материала эксперимента 2

центрированы, выравнены по длине и нарисованы одним художником.

Инструкция, содержащая в себе задачу называния и определения предпочтений, полностью совпадала с экспериментом 1.

В эксперименте 2 использовались следующие методы контроля побочных переменных:

- фиксация внешних атрибутов стимульного материала: цвета (черно-белый вариант), стиля (контурные), позиции (в центре листа), размера (одинаковая длина – 10 см – для самой длинной стороны), формата (А5) изображения;

- случайный порядок двойственных и однозначных изображений;
- случайный перебор сравниваемых с двойственным однозначных изображений;

- элиминация возможного воздействия окружающих людей путем проведения эксперимента в комнате для сна соответствующей подгруппы детского сада.

Замена контрбалансировки на рандомизацию обусловлена трудоемкостью подготовки контрбалансированного стимульного материала перед каждым испытуемым, в свою очередь рандомизация была выполнена не генератором псевдослучайных чисел, а только лишь тщательным перемешиванием в меру ограниченности времени и трудоемкости процедуры.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета для социальных наук SPSS v. 22.

Результаты. Одновыборочный критерий знаковых рангов Уилкоксона показал наличие статистически значимого различия эмпирического среднего ранга двойственных изображений и теоретически заданной медианы, равной 2 ($W = 105; p = 0,001$), при этом медиана среднего ранга была равна 2,33 и ни в одном случае эмпирическое значение не опускалось ниже 2.

Также мы провели сравнение с результатами предыдущего эксперимента, чтобы понять, достаточно ли существенным оказалось введение нового, недетализированного стимульного материала.

С помощью U-критерия Манна – Уитни удалось обнаружить статистически значимое различие между предпочтениями двойственных изображений в эксперименте 1 и в эксперименте 2 ($U = 69; p = 0,00$), причем средний ранг предпочтений в эксперименте 2 (12,81) был ниже среднего ранга предпочтений в эксперименте 1 (34,23), что означает движение в предсказанную нами сторону – при недетализированности стимульного материала однозначных изображений двойственные

изображения оказываются более предпочитаемыми, чем в случае, когда двойственные изображения сопоставляются с детализированными изображениями. Те же результаты получаются и при сравнении ранга предпочтения двойственных изображений в эксперименте 2 с общим рангом предпочтений двойственных изображений в эксперименте 1 отдельно по группам, назвавших и не назвавших обе интерпретации, детей (при сравнении с группой назвавших: $U = 46$; $p = 0,00$; $MR1 = 22,94$; $MR2 = 11,38$; при сравнении с группой не назвавших: $U = 23$; $p = 0,00$; $MR1 = 25,9$; $MR2 = 9,94$).

Обсуждение эксперимента 2. Поскольку из 16 чел. только один ребенок смог назвать обе интерпретации двух двойственных изображений, анализ проходил исключительно с точки зрения сдвига предпочтений. Такая отличная от первого эксперимента ситуация связана с самим стимульным материалом – наличие обеих интерпретаций в однозначном варианте естественно побуждает ребенка сопоставить материал, в то время как в чистом виде идея двойственности изображения даже у взрослого человека при соответствующей сложности нахождения второго образа возникает далеко не всегда.

Нас интересовал вопрос, может ли меньшее предпочтение двойственных изображений объясняться наличием недорисованности, которую иногда отмечали дети, рассматривая эти изображения. Но поскольку у нас в наборе всегда было лишь одно двойственное изображение и три однозначных, мы не могли напрямую сравнить ранги двойственных и однозначных изображений, ведь три ранга однозначных изображений при такой постановке задачи усреднять нельзя. Именно по этой причине в качестве меры сравнения мы взяли теоретическую величину – медиану.

В свою очередь сравнение с общим рангом предпочтения двойственных изображений эксперимента 1 дало нам основание рассматривать детализированность / недетализированность как детерминанту, которая имеет существенное влияние на предпочтение однозначного / двойственного материала.

Общее обсуждение

В результате проведенных экспериментов мы выяснили, что однозначные изображения являются более предпочитаемыми по сравнению с двойственными изображениями в группе детей дошкольного возраста. Мы также выяснили, что дети, называющие обе интерпретации двойственного изображения, более предпочитают двойствен-

ные изображения по сравнению с детьми, которые не называют обе интерпретации. Одной из детерминант предпочтения однозначных изображений по сравнению с двойственными является недетализированность двойственных изображений.

Непредпочтение двойственности детьми дошкольного возраста, в частности по причине недетализированности этих изображений, согласуется с когнитивным объяснением, предполагающим существенный вклад беглости обработки стимула в получаемую оценку предпочтения [Reber et al., 2004; Winkielman et al., 2003]. Стимул может рассматриваться простым или сложным с точки зрения разных характеристик: фигуροфонового контраста, повторяемости узора, симметричности, прототипичности и т. д. Сам контекст, в котором испытуемому предстает стимул, также может влиять на простоту его обработки. Предпочтение беглых с точки зрения обработки стимулов может заключаться, с одной стороны, в их безопасности (вследствие уверенности в правильности их обработки), с другой – в доступности подходящего для интерпретации знания.

Важно отметить, что беглость обработки имеет отношение не к объективным характеристикам стимула, а к оцениваемым с точки зрения самого испытуемого, поскольку стимул, вызывающий сложность обработки у одного наблюдателя, вполне может и не вызывать сложности у другого. Мы остановились в своем объяснении именно на конструкторе беглости обработки, поскольку он весьма удачно отражает несколько особенностей детского развития. Во-первых, дети дошкольного возраста, в отличие от взрослых, крайне серьезно подходят к любой задаче эксперимента, что хорошо заметно в случаях, когда ребенок сталкивается с какой-либо трудностью. Ребенок обязательно переспрашивает, как правильно сделать ту или иную задачу. Это говорит о стремлении обработать стимул верно. Во-вторых, в комментариях детей, возникающих спонтанно в ходе эксперимента, иногда присутствовало прямое указание на недетализированность двойственных изображений. Детализированность изображений безусловно помогает с большей легкостью распознавать объекты, особенно важным этот параметр оказывается в случае конкретности мышления ребенка.

В свою очередь большее предпочтение двойственных изображений в группе детей, назвавших хотя бы раз обе интерпретации, по сравнению с детьми, которые обе интерпретации не назвали ни разу, может свидетельствовать о том, что группа назвавших обладает какими-то более развитыми с точки зрения задачи способностями. Эти способ-

ности позволяют детям, называющим обе интерпретации, обрабатывать двойственные изображения с большей легкостью, что и приводит к большему предпочтению. Во внутригрупповом плане фактор способностей отсутствует, в связи с чем различий обнаружено не было.

Список литературы

Long G. M., Toppino T. C. Enduring interest in perceptual ambiguity: alternating views of reversible figures // *Psychological Bulletin*. 2004. Vol. 130 (5). P. 748–768.

Mitroff S. R., Sobel D. M., Gopnik A. Reversing how to think about ambiguous figure reversals: spontaneous alternating by uninformed observers // *Perception*. 2006. Vol. 35. P. 709–715.

Necker L. A. LXI. Observations on some remarkable optocal phenomena seen in Switzerland; and on an optical phenomenon which occurs on viewing a figure of a crystal or geometrical solid // *Philosophical Magazine Series*. 1832. Vol. 1 (5). P. 329–337.

Reber R., Schwarz N., Winkielman P. Processing Fluency and Aesthetic Pleasure: Is Beauty in the Perceiver's Processing Experience? // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. Vol. 8 (4). P. 364–382.

Rock I., Gopnik A., Hall S. Do Young Children Reverse Ambiguous Figures? // *Perception*. 1994. Vol. 23 (6). P. 635–644.

Wimmer M. C., Doherty M. J. The development of ambiguous figure perception // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. Vol. 76 (1). P. 1–130.

Winkielman P., Schwarz N., Fazendeiro T., Reber R. The hedonic marking of processing fluency: Implications for evaluative judgment // *The Psychology of Evaluation: Affective Processes in Cognition and Emotion* / Eds. J. Musch, K. C. Klauer. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 2003. P. 189–217.

M. P. Mezentseva¹, M. G. Filippova²

¹*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

²*Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation*

mezya@mail.ru; box4fox@yandex.ru

PREFERENCES DURING PERCEPTION OF AMBIGUOUS FIGURES AMONG PRESCHOOL CHILDREN

Our research shows that non-ambiguous stimuli are preferred to ambiguous stimuli among preschool children. We also found that children who call both interpretations of a reversible figure, prefer these images in comparison with children who don't call both interpretations. One of the key factors of non-ambiguous preference is lack of details in ambiguous figures.

Keywords: ambiguous figures, reversible figures, visual perception, preschool children, processing fluency.

УДК 159.9.072

О. В. Киселева¹, И. А. Агеева²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Кыргызско-Российский Славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, 720000, Кыргызстан

kiseleva_ov@inbox.ru; mars53_2001@mail.ru,

ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЫХ МУЖЧИН С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Статья посвящена исследованию семейной идентичности молодых мужчин с наркотической зависимостью как показателя субъективного образа принадлежности к семейной группе, отражающего характеристики семьи и функционирования в ней. Выборку исследования составили 28 молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет с наркотической зависимостью, находящихся в реабилитационном центре «Берег надежды» г. Новосибирска и 29 студентов НГУ мужского пола в возрасте от 18 до 22 лет без наркотической зависимости. Выявлено, что субъективное представление о характере межличностных отношений в семьях лиц с наркотической зависимостью отличается недифференцированными границами между подсистемами, нарушением распределения власти в семье, отсутствием полноты восприятия семейной системы, дистанцированием с отцом, а также искаженным восприятием реальности семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: семейная идентичность, аддиктивное поведение, системный подход, системная семейная терапия, идентифицированный пациент.

Проблема наркотической зависимости у подростков и молодежи продолжает оставаться актуальной, несмотря на предпринимаемые усилия по ее преодолению помогающих специалистов разного профиля. Более того, за последние несколько лет возникла угрожающая

Киселева О. В., Агеева И. А. Характеристики семейной идентичности у молодых мужчин с наркотической зависимостью // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 95–109.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2

© О. В. Киселева, И. А. Агеева, 2017

тенденция роста зависимости от радикально новых психоактивных веществ (ПАВ), так называемых «дизайнерских наркотиков», приобретаемых в качестве альтернативы «традиционным», к числу которых относят и синтетические каннабиноиды («Спайс») [Шахова, 2016]. В связи с этим наряду с проведением профилактических мероприятий, поиск эффективных методов диагностики и психотерапии наркотической зависимости остается важной задачей для психологов и других помогающих специалистов.

Теоретико-методологической основой представленного исследования стали положения системного семейного подхода в психологии и психотерапии [Варга, Хамитова, 2005]. Поскольку роль семьи в становлении клинических проявлений аддиктивных расстройств и в реабилитации зависимых от психоактивных веществ признается в настоящее время большинством отечественных и зарубежных специалистов [Браун, Кристенсен, 2001; Варга, Хамитова, 2005; Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Эйдемиллер, Медведев, 2012], многие исследователи видят психологические корни зависимости именно в семье, в нарушении межличностного взаимодействия между родителями и детьми, причем это касается как химических, так и нехимических зависимостей. В частности, при изучении наркомании О. П. Макушина отмечает, что семья может выступать как фактор: 1) формирования преднаркотической ситуации; 2) фиксации психологической зависимости от наркотиков; 3) продолжения приема наркотиков; 4) эффективности терапевтической и реабилитационной работы [Менделевич, Макушина, 2003; Макушина, 2011].

Как отмечают Э. Г. Эйдемиллер и М. Ю. Городнова [2002], семейная терапия все больше входит в практику лечения и реабилитации самых различных заболеваний, опираясь на парадигму системного подхода в медицине и биопсихосоциальную модель заболевания и здоровья человека. При этом семейная психотерапия в наркологии, имея свои особенности, развивается и следует общим тенденциям психотерапии вообще и семейной психотерапии в частности [Практикум..., 2010].

С точки зрения системной семейной терапии человек с наркотической зависимостью («идентифицированный пациент») является выражением неблагополучия семейной системы в целом [Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Практикум..., 2010; Эйдемиллер, Медведев, 2012]. Надо сказать, что изменение в функционировании семьи может способствовать редукции симптома или симптоматического поведения у носителя симптома. Однако, как отмечают специалисты, привлече-

ние членов семьи к проведению реабилитационных мероприятий нередко становится сложной задачей ввиду проявления у них защитного поведения и сопротивления [Симонова, 2001; Практикум..., 2010]. В связи с этим важным в процессе психотерапевтических мероприятий является использование методов диагностики семьи с целью первичного построения общего представления о семье наркозависимых, ее членах, характере функционирования и межличностных отношениях.

В представленной работе основное внимание мы сосредоточили на исследовании переживания своей принадлежности к семье, т. е. семейной идентичности молодых людей с наркотической зависимостью. Американский психотерапевт Н. Аккерман под семейной идентичностью понимал содержание и направленность ожиданий, стремлений, ценностей, а также тревог и проблем адаптации, которые разделяют члены семьи или взаимодополняют ими процессы выполнения ролей в семье [2007]. Н. В. Лукьянченко рассматривала семейную идентичность «как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах» [2010]. Именно на последнее определение семейной идентичности мы и будем опираться в процессе нашего исследования.

На сегодняшний день существуют работы, посвященные изучению некоторых аспектов семейной идентичности у представителей различных социальных групп. К примеру, в своей работе И. Ю. Хитрина исследовала соотношение личной и семейной идентичности [2008]. Автор предложила рассматривать дисбаланс личной и семейной идентичности как одну из особенностей кризисного развития семьи. Отсутствие границ между ребенком и родителями приводит к тому, что у него не формируется собственное «Я», происходит подмена личной идентичности идентичностью семейной. Привыкнув хотеть того, что для него хотят родители, он, вырастая взрослым, оказывается не в состоянии жить самостоятельно. Возможен и другой вариант: если интересы и желания ребенка – закон для его родителей, и, следовательно, они приносят в жертву собственную идентичность ради обеспечения наиболее благоприятных условий для развития идентичности ребенка. В связи с чем он остается неспособным к формированию отношений близости с другими людьми, основанной на понимании и учете интересов других.

В проведенных исследованиях также показаны особенности семейной идентичности представителей различных социальных групп:

заклученных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения; мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах; супругов на этапе перехода молодой семьи к зрелой; подростков из семей различного типа; и др. [Гротевант и др., 2000; Лукьянченко, 2010; Лукьянченко, Новикова, 2011; Аликин и др., 2012; Строкова, 2017].

Помимо этого психологи выделяют различные направления изучения семейной идентичности в психологии. Так, С. С. Строкова в своих исследованиях пишет о трех основных подходах к пониманию и, соответственно, исследованию семейной идентичности [2017]. Первый подход строится на исследованиях групповой идентичности в целом и характеризуется ее пониманием как четырехстатусной модели описания себя в каком-либо групповом контексте (Э. Эрикссон, Дж. Марсиа, В. Р. Орестова). Второй подход к описанию и специфике исследования семейной идентичности предполагает понимание семейной идентичности как субъективного образа семьи, представленного различными аспектами (О. А. Минеева, Н. В. Лукьянченко). Третья группа методов исследования семейной идентичности отражена в работе А. М. Ерри и коллег (А. М. Ерр, L. L. Price), которые, основываясь на определении Беннетта, предлагают исследовать множество характеристик семейной идентичности.

В проведенном исследовании мы использовали второй подход, описывая семейную идентичность через субъективный образ семьи и представления о характере взаимоотношений в ней. Следует отметить, что на сегодняшний день имеются аналогичные работы, в которых изучалась субъективная картина мира, а также образ отца и матери у взрослых с зависимостью от ПАВ [Васильева, Молин, 2015]. В связи с чем цель исследования – дополнение существующих представлений о семейных аспектах функционирования у молодых мужчин с наркотической зависимостью посредством изучения их семейной идентичности.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у молодых мужчин с наркотической зависимостью отмечают: идеализированные представления о характере взаимоотношений в их родительской семье; нарушения представлений о распределении власти и границах между семейными подсистемами; а также тенденция к дистанцированию с отцом.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 28 молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст $24,2 \pm 5,04$) с наркотической зависимостью, находящихся в наркологическом ре-

абилитационном центре «Берег надежды» г. Новосибирска. Период употребления наркотических веществ у них составляет от 2 мес. до 18 лет (средний стаж употребления 6 лет 7 мес. \pm 5,6). У 39 % (11 чел.) данной группы был поставлен диагноз сочетанной зависимости от алкоголя, опиоидов, психостимуляторов и синтетических каннабиноидов, 61 % (17 чел.) употребляли только синтетические каннабиноиды (курительные смеси, «Спайс»). Периоды ремиссии колебались от 1 мес. до 1 года и 7 мес. В качестве контрольной группы для участия в исследовании были привлечены 29 студентов мужского пола Новосибирского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст $21,2 \pm 1,2$). В общем, в исследовании приняли участие 57 молодых мужчин. Все участники исследования не состояли в гражданском браке и не сожительствовали на момент проведения исследования. Далее по тексту исследуемые молодые мужчины с наркотической зависимостью будут обозначены как **1-я группа**, молодые мужчины без наркотической зависимости – **2-я группа**.

Методика. В данном исследовании были использованы анкетирование, психодиагностический и статистический методы. Разработанная нами авторская анкета позволила собрать информацию относительно состава семей, социального статуса родителей и особенностей воспитания. Для оценки микросоциального климата в семьях исследуемых групп был использован опросник «Шкала семейного окружения» – Family Environment Scale (FES), R. H. Moos (1974), адаптированный С. Ю. Куприяновым (1974) [Эйдемиллер, Медведев, 2012]. Также мы воспользовались проективным тестом «Семейная социограмма», позволяющим выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и характер коммуникаций в семье (В. Юстицкис, Э. Г. Эйдемиллер, 1999) [Эйдемиллер, 2010]. Статистический анализ данных осуществлялся с помощью лицензионного пакета программ IBM SPSS Statistics 22. Достоверность различий между группами устанавливалась с помощью углового преобразования Фишера и U-критерия Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение. Сбор информации о социально-статусных характеристиках семей исследуемых групп позволил нам сопоставить полученные в ходе психодиагностики результаты с объективными критериями исследуемых семей. Согласно собранным данным, достоверно значимые различия в исследуемых группах были получены в отношении социального статуса родителей и характеристик семейного окружения. Участники исследования из 2-й группы до-

стоверно чаще воспитывались в полной семье ($\varphi = 2, 291; p < 0,05$), и их родители состоят в браке ($\varphi = 1, 268; p < 0,05$), в то время как представители 1-й группы достоверно чаще воспитывались в неполной семье ($\varphi = 3, 435; p < 0,01$), их родители чаще вступали в повторные браки ($\varphi = 2, 253; p < 0,05$), либо их матери воспитывали детей без мужа ($\varphi = 1,268; p < 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Анализ ответов на вопросы авторской анкеты в группах 1 и 2 (%)

Характеристика семьи	1 группа ($n = 28$)	2 группа ($n = 29$)	Критерий Фишера (φ)	p
Родители состоят в браке	50	75	2,053	$< 0,05$
Родители разведены	36	21	1,268	$> 0,05$
Родители состоят в повторном браке	29	7	2,253	$< 0,05$
Вдова (вдовец)	21	7	1,623	$> 0,05$
Воспитывался в полной семье (мать, отец)	43	72	2,291	$< 0,05$
Воспитывался матерью и отчимом	29	14	1,389	$> 0,05$
Воспитывался в неполной семье (только мать)	36	3	3,435	$< 0,01$
Воспитывался у бабушки с дедушкой	4	14	1,43	$> 0,05$

Полученные данные подтверждают результаты ранее проведенных исследований, в которых отмечается, что воспитание в неполных семьях может служить предпосылкой формирования отклоняющихся форм поведения у детей [Браун, Кристенсен, 2001; Аккерман, 2007; Эйдмиллер, Юстицкис, 2009; Терехина, 2010]. Структура базисных семейных ролей и границы между подсистемами в неполных семьях, как правило, могут быть нарушены, что может привести к дисфунк-

ции семьи и формированию симптоматического поведения у ее членов.

Нелишне будет отметить, что в семье с позиции системного подхода развод сопровождается кардинальными изменениями на всех уровнях ее функционирования, в том числе перестройкой семейной структуры. Все эти изменения находят отражение в трансформации соответствующих субъективных представлений, как бывших супругов, так и детей [Браун, Кристенсен, 2001; Терехина, 2010]. Повторный брак родителя может сочетаться с неопределенностью семейной принадлежности детей. Лояльность кровным родителям может сочетаться с неудовлетворенностью отношениями с мачехой или отчимом. И наоборот, лояльность мачехе или отчиму сопутствует нелюбови к кровному родителю, не проживающему с ребенком. Дети могут полагать, что их нелюбовь к отчиму или мачехе обидит проживающего с ними родителя. Во всяком случае, для ребенка крайне важно продолжать поддерживать контакт с кровным родителем, не являющимся его официальным опекуном. Сложные и конфликтующие между собой роли в смешанной семье приводят к специфическим для этой системы эмоциональным проблемам. Все члены приходят в такую семью с чувствами вины и утраты, и неспособностью конструктивно разрешить данные эмоциональные проблемы, что может послужить предпосылкой к формированию отклоняющегося поведения у ее членов.

Полученные данные с помощью теста «Семейная социограмма» показали, что нарушение границ между подсистемами достоверно выше в 1-й группе ($\varphi = 2,08$; $p < 0,05$) (табл. 2). Это позволяет предположить, что в семьях молодых мужчин с наркотической зависимостью может существовать проблема, связанная с распределением ответственности. Родительская подсистема должна быть защищена от вмешательства детей, а также от других взрослых внутри и вне семьи. В случае нарушения этих границ ребенок нередко может считать, что отвечает за действия одного из родителей, и тогда он пытается во всем его контролировать либо берет на себя груз ответственности одного из родителей, что является для него непосильным грузом [Минухин, Фишман, 1999; Браун, Кристенсен, 2001; Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Практикум..., 2010]. Возможна и другая ситуация, когда родители полностью лишают ребенка ответственности за его действия и поступки, принимая за него все решения, и тогда ребенку ничего не остается, как избрать для себя путь аддиктивной самореализации.

Таблица 2

Показатели шкал проективного теста
«Семейная социограмма» в двух группах (%)

Критерий	1-я группа (n = 28)	2-я группа (n = 29)	Критерий Фишера (φ)	p
Нарушение в рисунке границ между подсистемами	86	62	2,08	< 0,05
Изображение «Я» больше остальных кружков	7	31	2,423	< 0,01
Изображение «Я» меньше остальных кружков	14	3	1,529	> 0,05
Изображение своего кружка в центре и большим по размеру	21	28	0,544	> 0,05
Помещение себя внизу, в стороне от других кружков	14	3	1,529	> 0,05
Отсутствие изображения матери на рисунке	14	3	1,529	> 0,05
Отсутствие изображения отца на рисунке	36	3	3,443	< 0,01
Наслоение кружков один на другой	29	62	2,589	< 0,01
Изображение членов семьи в одну линию	36	3	3,443	< 0,01

Характер отображения себя большим кружком по сравнению с остальными членами семьи, изображенными кружками меньшими по размеру, позволяет говорить о том, что самооценка молодых мужчин из 2-й группы достоверно выше ($\phi = 2,423$; $p < 0,01$). Как показано в исследованиях М. С. Радионовой и И. М. Вяльцева, неадекватность и несформированность «Я-концепции» может являться

причиной наркотизации. Вместе с тем неадекватность «Я-концепции» может произойти вследствие изменений личности в процессе наркотизации [2004]. Заниженная самооценка также может быть предпосылкой вовлечения в асоциальные группы, в которых употребляются наркотические вещества. Не видя одобрения в кругу значимых лиц, дети и подростки могут вовлекаться в подобные группы, получая в них определенное внимание, необходимое для поддержания своей самооценки [Реан, Коломинский, 1999].

Отсутствие изображения отца на рисунке достоверно выше в 1-й группе ($\varphi = 3,443$; $p < 0,01$). На наш взгляд, это объясняется тем, что представители данной группы чаще воспитывались в неполных семьях без отца. Согласно основным положениям системного подхода, исключение какого-либо члена из семейной системы нарушает ощущение полноты и целостности «Я» и снижает способность индивида добиваться поставленных целей в жизни и может способствовать формированию аддиктивного поведения [Варга, Хамитова, 2005; Практикум..., 2010].

У представителей 2-й группы при изображении членов семьи достоверно чаще круги соприкасаются друг с другом ($\varphi = 2,589$; $p < 0,01$). Это может говорить о наличии тесного психологического контакта между членами семьи. Подобная близость в отношениях может служить источником поддержания эмоциональной стабильности и поддержки в трудных жизненных ситуациях, что не наблюдается в семьях молодых мужчин с наркотической зависимостью.

Также в 1-й группе достоверно чаще члены семьи изображались в одну линию ($\varphi = 3,343$; $p < 0,01$). Данный признак свидетельствует о недостаточно дифференцированных отношениях между членами семьи и, возможно, нарушении распределения власти в семье. В семейной системе власть обычно отражает способность индивида или подсистемы выполнять свои функции, и в случае образования межпоколенных коалиций между одним из родителей и ребенком, к примеру, власть второго родителя в отношении других детей может быть нарушена. Дисфункциональное распределение власти в семье ведет к еще одной проблеме, а именно нарушению способности отдельных членов семьи реализовывать собственный потенциал развития. Более того, семья, стремящаяся оградить своего взрослеющего ребенка от превратностей жизни, лишает его возможности получить собственный опыт и обрести власть над окружающим миром [Браун, Кристенсен, 2001] (табл. 3).

Таблица 3

Средние показатели по шкалам проективного теста
«Семейная социограмма»
(дистанция с отцом и матерью на рисунке) в двух группах

Критерий	1-я группа ($n = 28$)	2-я группа ($n = 29$)	Критерий U-Манна – Уитни	p
	$m \pm \sigma$			
Расстояние между «Я» и изображением матери	1,02 ± 1,11	1,41 ± 1,61	348	> 0,05
Расстояние между «Я» и изображением отца	1,66 ± 1,42	1,07 ± 1,52	188	< 0,05

У представителей 1-й группы по результатам данного теста было выявлено увеличение дистанции по отношению к отцу ($U = 188$; $p < 0,05$). Скорее всего, это связано с тем, что большинство испытуемых данной группы воспитывались в неполных семьях или с отчимом. В литературе отмечается, что для семей пациентов с наркотической зависимостью характерны близкие отношения между матерью и сыном, которые сочетаются холодностью со стороны отца [Аккерман, 2000]. Отцы в подобных семьях реже демонстрируют гиперответственность по отношению к детям, чаще же они проявляют различные варианты отклоняющегося поведения: чрезмерную жестокость и агрессивность либо отстраненность и безучастность. Нередко отцы в этих семьях сами подвержены алкоголизации [Браун, Кристенсен, 2001].

Полученные данные, представленные в табл. 4, позволяют говорить о том, что представители 1-й группы описывают отношения в своих семьях как способствующие независимости и самоутверждению ($U = 268$; $p < 0,05$), а также ориентированные на достижения в различных областях деятельности (учебе, работе и пр.) ($U = 264$; $p < 0,05$), уважающие этические и нравственные положения ($U = 275$; $p < 0,05$). Это позволяет нам предположить, что представление о меж-

личностных отношениях в своих семьях у участников данной группы достаточно идеализированное.

Таблица 4

Средние показатели по шкалам опросника
«Шкала семейного окружения» (ШСО) в двух группах

Критерий	1-я группа (<i>n</i> = 28)	2-я группа (<i>n</i> = 29)	Критерий U-Манна – Уитни	<i>p</i>
	<i>m</i> ± <i>σ</i>			
Сплоченность	5,43 ± 1,57	4,97 ± 2,63	381	> 0,05
Экспрессивность	5,57 ± 1,26	5,41 ± 1,70	385	> 0,05
Конфликт	5,00 ± 1,85	4,69 ± 2,63	402	> 0,05
Независимость	5,21 ± 1,03	4,52 ± 1,15	268	< 0,05
Ориентация на достижения	4,79 ± 1,69	3,86 ± 1,41	264	< 0,05
Интеллектуально- культурная ориентация	3,93 ± 1,98	4,62 ± 2,27	327	> 0,05
Ориентация на активный отдых	5,57 ± 2,55	4,41 ± 2,41	392	> 0,05
Морально- нравственные аспекты	6,07 ± 1,25	5,41 ± 1,30	275	< 0,05
Организация	5,57 ± 1,87	5,34 ± 2,44	396	> 0,05
Контроль	4,21 ± 1,60	4,45 ± 1,50	356	> 0,05

Возможно, это связано с действием механизмов психологической защиты, направленных на поддержание стабильной самооценки и связанных с отрицанием существования каких-либо проблем в реальности, а может быть, с желанием иметь полноценную семью. Как отмечает Е. Симонова по результатам своих клинических наблюдений в работе с наркозависимыми и их семьями, отрицание с течением болезни становится автоматическим, эго-синтонным, сам индивид (или семья) остается в неведении относительно определенных вполне очевидных аспектов внешней реальности, которые, в случае их признания, переносились бы болезненно [Anderson, 1981; Симонова, 2001].

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что диагностика семейной идентичности молодых мужчин с наркотической зависимостью может послужить одним из шагов в программе их реабилитации. Как показали полученные результаты, субъективное представление о характере межличностных отношений в семьях лиц с наркотической зависимостью отличается недифференцированными границами между подсистемами, нарушением распределения власти в семье, отсутствием полноты восприятия семейной системы, дистанцированием и нарушением коммуникаций с отцом, а также искаженным восприятием реальности семейных взаимоотношений на фоне действия механизмов психологической защиты. Названные показатели могут выступать в качестве мишеней в психотерапевтической работе с наркозависимыми и членами их семьи.

Список литературы

Аккерман Н. Роль семьи в появлении расстройств у детей // Семейная психология. Хрестоматия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Речь, 2007. С. 228–244.

Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Питер, 2000. 12 с.

Аликин И. А. Семейная идентичности заключенных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения: общее и типическое / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко, Е. А. Новикова // Вестн. МГУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 64–72.

Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2001. 352 с. .

Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 137–146.

Васильева Н. Л., Молин А. Г. Особенности субъективной картины мира у взрослых с зависимостью от ПАВ // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 173–184. Doi:10.17759/exppsy.2015080315.

Гротевант Г. Идентичность приемного ребенка: влияние семейной обстановки и социального окружения на ее формирование / Г. Гротевант, Н. Данбар, Дж. К. Колер, И. Лэш, М. Ами // Familyrelations, oct. 2000. Vol. 49. Iss. 4. P. 379–388.

Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах // Вестн. МГУ. Серия «Психологические науки». 2011. № 4. С. 37–43.

Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 283–294.

Лукьянченко Н. В., Новикова Е. А. Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 78–85.

Макушина О. П. Склонность к различным аддикциям в современной семье // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 111–122.

Менделевич В. Д., Макушина О. П. Специфика взаимосвязей наркотической и алкогольной зависимостей подростков с характером их отношений с родителями // Наркомания и общество: пути решения проблемы: Материалы науч.-практ. конф. Казань, 2003.

Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. М.: Смысл, 1999.

Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы: Учеб. пособие для врачей и психологов / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2010. 425 с.

Радионова М. С., Вьяльцева И. М. Особенности «Я-концепции» наркозависимых // Психологическая наука и образование. 2004. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2004/n1/Radionova.shtml>.

Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.

Симонова Е. Некоторые особенности психотерапии семей с химической зависимостью // Московский психотерапевтический журнал, 2001. № 3. URL: https://psyjournals.ru/files/22755/mpj_2001_n3_Simonova.pdf.

Строкова С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 3. С. 8–22.

Строкова С. С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа // Психология и право. 2017. № 1 (7). С. 34–52. Doi: 10.17759/psylaw.207070104.

Терехина С. А. Представления о родительской семье у детей из разведенных семей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». 2010. URL: http://psyjournals.ru/kochenovskie_chteniya_2010/issue/41370_full.shtml.

Хитрина И. Ю. Соотношение личной и семейной идентичности в семьях, переживающих кризисы развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 41–44. URL: <http://www.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/2542>.

Шахова С. М. Психологические особенности подростков, характеризующихся систематическим чрезмерным употреблением каннабиоидов // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2016. № 2 (16). URL: <http://psychildhealth.ru/2016-02.pdf>.

Эйдемиллер Э. Г., Городнова М. Ю. Состояние и перспективы семейной психотерапии в реабилитации наркозависимых подростков / Под ред. Л. П. Рубиной, И. В. Макарова. СПб., 2002. С. 11–15.

Эйдемиллер Э. Г., Медведев С. Э. Аналитико-системная семейная психотерапия при шизофрении. СПб.: Речь, 2012. 207 с.

Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2009.

Anderson D. J. The Psychopathology of Denial // Professional Education 1981. No. 9.

Материал поступил в редколлегию 05.08.2017

O. V. Kiseleva¹, I. A. Ageeva²

¹ *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Krgyz Russian Slavic University
44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyzstan*

kiseleva_ov@inbox.ru; mars53_2001@mail.ru,

CHARACTERISTICS TO A FAMILY IDENTITY AT YOUNG MEN WITH NARCOTIC DEPENDENCE

The article is focused on the research of the family identity of young men with drug addiction. The family identity is indicated as a subjective perception of belonging to a family group, reflecting characteristics of the family and its functioning. The research sample was selected with 28 young men from 18 to 30 years old with drug addiction, who were on reha-

bilitation in the special center «Bereg nadejdy» (Novosibirsk) and 29 male students of Novosibirsk State University from 18 to 22 years old without drug addiction. As a result it has been revealed that the subjective idea of the character of the interpersonal relations in the families of the persons with drug addiction is characterized with the undifferentiated borders between the family subsystems, the violations of the distribution of the power in the family, the incomplete perception of the family system, distancing from the father and the distorted perception of the reality of the family relationship.

Keywords: family identity, addictive behavior, systems approach, systemic family therapy, identified patient.

УДК 159.9.01

Я. К. Смирнова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

yana.smirnova@mail.ru

ОПЕРАТИВНЫЙ ОБРАЗ ИГРОВОЙ СИТУАЦИИ В ОРИЕНТИРОВОЧНОЙ ОСНОВЕ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОККЕИСТОВ

Статья раскрывает роль оперативного образа в регуляции совместной деятельности. Дополняются знания об ориентировочном образе действия как системе условий, на которые человек ориентируется при выполнении действий индивидуально данными об ориентировочной части совместной деятельности. Удалось задействовать уникальные экспериментальные динамически разворачивающиеся условия спортивной деятельности и проследить, как через оперативный образ снимаются противоречия между исполнительным актом и объектом совместной деятельности, между заданным состоянием условий и исполнительным актом. Задействовано единство качественных и количественных методов исследования, выделены индикаторы проявления ориентировочной части совместных действий в ситуации межгруппового взаимодействия спортивных команд. Показано, что эффективность совместной деятельности зависит от типа содержания оперативного образа, который трансформируется от степени общности входящих в него информации (ориентиров), от полноты отражения в них ориентиров условий, средств и совместных операций, объективно определяющих успешность командного действия. В оперативном образе совместной деятельности должны содержаться сведения обо всех компонентах действия: исходном предмете, конечном продукте, средствах, составе и порядке выполнения операций. Данные подтверждаются связью содержания оперативного образа с конкретными исполнительными действиями и игровой статистикой спортсменов.

Ключевые слова: оперативный образ, ориентировочная основа деятельности, ориентировка, ориентировочная часть действия, ориентировочная основа совместной деятельности, спортивная деятельность, психология спортивной команды.

Смирнова Я. К. Оперативный образ игровой ситуации в ориентировочной основе совместной деятельности хоккеистов // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 110–125.

Введение

На современном этапе, в связи с актуальностью вопроса надежности малых групп, на передний план выступает проблема выявления роли оперативного образа в совместной деятельности. В совместной деятельности особое влияние оказывает быстро меняющийся характер процесса, что усложняет синтез исходной информации, непостоянство информационной модели динамических объектов, явлений. Во взаимодействии группы основой согласованности действий является оперативной распознавания динамических образов действий на основе пространственно-временного анализа действий других членов группы. В ситуации спортивной деятельности образ игровой ситуации выступает как медиатор процессов согласования совместных действий.

В изучении ориентировочной основы действия основополагающими являются идеи Д. А. Ошанина об оперативном образе как специфическом образе объекта, формирующегося в процессе выполнения конкретного действия (либо конкретной группы действий) с объектом; оперативный образ рассматривается как специализированное отражение преобразуемого в действие объекта (процесса, явления и т. д.) [1973]. Оперативные образы выполняют роль средства идентификации образа ситуации, т. е. как обслуживающие, операциональные (не содержательные) репрезентации. Отражение в оперативном образе набора программ (алгоритмов, способов решения задач, двигательных умений, навыков) задает форму «преднастройки» или, как указывает А. В. Запорожец, «сокращенное ориентировочное действие» [1986].

По В. П. Зинченко, четко дифференцируются два явления: 1) ориентировочный образ действия как система условий, на которые человек ориентируется при выполнении действия; 2) образ условий действия, под которыми понимают объективные условия, необходимые и достаточные для правильного выполнения действия [1997]. По его мнению, реализация действия предполагает наличие у человека определенного представления и о выполняемом действии, и об условиях, в которых это действие выполняется. В. П. Зинченко доказал, что двигательный образ необходим для принятия решения в каждом конкретном случае внесения коррекций в действие при изменении условий деятельности. При этом такой образ имеет весьма ограниченные возможности регуляции предстоящего и текущего действия, если он не преобразован или перестроен в интересах действия. Собственно перестрой-

ка, по мнению В. П. Зинченко, идет в направлении его декомпозиции и дезинтеграции структурных элементов оперативного образа.

Исходя из идей П. Я. Гальперина [1999], образ действия и образ условий действия объединяются в единый структурный элемент, на основе которого происходит управление действием, – ориентировочную основу действия. Исследования показали, что решающую роль в формировании действия играет ориентировочная часть (З. А. Решетова, П. Я. Гальперин, Н. С. Пантина, А. В. Запорожец и др.). Ориентировочная часть действия связана с использованием человеком совокупности всех объективных условий, необходимых для успешного выполнения заданного действия, которые вошли в содержание оперативного образа.

Н. Ф. Талызина, Ю. В. Яковлев показали, что ориентировочная часть действия выполняет ряд функций. Она обеспечивает построения исполнительской части (в содержании оперативного образа – учет условий, объективно необходимых для построения исполнительской части); выбор одного из возможных исполнений [Талызина, 1984].

Цель ориентировки и построения оперативного образа – обеспечение обратной связи, регулирование действия не по его результатам, а по самому ходу процесса ее выполнения; составление оперативного образа обстоятельств, макета плана действия, контроль и коррекция его выполнения.

Таким образом, оперативный образ в ориентировочной части действия понимается как план действия, который составляется на первом этапе его формирования и в дальнейшем участвует в регуляции действий, определяя их быстроту и качество. Ориентировочная деятельность – это деятельность, обслуживающая исполнение действия и включающая в себя составление предварительных представлений о самом процессе действия и его результатах, учет условий действия и его фактического течения, сопоставление последнего с принятым образом, выявление и устранение постоянных отклонений.

В контексте нашего исследования важным является то, что выделяются динамические оперативные образы, т. е. образы, в которых находят свое отражение динамика условий и совершающийся в них процесс деятельности, что отражает ситуационный характер условий совместной деятельности спортивной команды и конкретно ориентировочной основы совместной деятельности. Так, в ориентировочной основе действий отражается программа, которая представляет собой совокупность предвидимых действий, объединенных заданием и имеющих возможность быть выполненными в определенной временной

и пространственной последовательности. Через ориентировочную основу действий происходит анализ изменений процесса, соотносясь с ними и реагируя на них происходит регуляция хода осуществления программы, выявляются различия программного и процессуального процесса.

Д. А. Ошанин отмечает, что до начала действия объект действия характеризуется неопределенностью, возможностью объекта находиться в разных состояниях. Это неопределенность снимается оперативностью отражения, когда субъект отражает предмет действия не в полном объеме его возможных свойств и состояний, а избирательно и, более того, функционально искажает образ [1973].

Оперативный образ ориентировочной части деятельности удается смоделировать, «материализовать» (по П. Я. Гальперину), в отражении человеком тех или иных пространственных свойств и их отношений в процессе деятельности. В нашем случае таким содержанием отражения выступает: 1) определение содержания совместных действий спортсменов; 2) установление способов выполнения операций совместных действий спортсменами; 3) организация внешних условий выполнения совместных операций спортсменами; 4) распределение спортсменами совместных операций во времени. Иначе говоря, структура оперативного образа есть целесообразно отобранная и организованная информация о совместной деятельности, целесообразно отнесенный к объекту, организованный и структурированный информационный комплекс (ансамбль).

Изначально в психологии спорта функции ориентировочной части действия исследованы при анализе соотношения времени самого действия и его ориентировочной основы при стрельбе из лука, снайперской винтовки, игре в шахматы (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, А. С. Пантина и др.).

На современном этапе роль оперативного образа и полной ориентировочной основы действий в спорте изучена на примере обучения применению приемов борьбы [Пастухов, 2013], приемов самбо [Носков и др., 2014], обучения дзюдоистов [Гагарина, 2014]. Изучено формирование двигательных действий гимнастов [Загrevский О. И., Загrevский В. И., 2013]. Приводится описание стадий и факторов формирования оперативного образа движения с целью выявления состава и содержания оперативного образа, определения его роли для успешного освоения движений в танце [Мальцева, 2015].

В игровых видах спорта Г. Л. Драндров, рассматривая перспективы совершенствования методики начального обучения технике футбола,

подчеркивает необходимость переориентации процесса обучения техническим приемам на создание их полноценной ориентировочной основы, организации процесса обучения в направлении от усвоения общих базовых элементов техники к частным формам их проявления [2016]. О. Р. Маслов рассматривает роль оперативного образа (моделирование игровой ситуации) в изучении спортивной тактики как совокупность целенаправленных способов использования технических приемов в соревновательной деятельности для решения соревновательных задач с учетом правил соревнований, положительных и отрицательных характеристик подготовленности, а также условий среды, которые могут относиться к соревновательным, стартовым (бой, поединок, схватка, старт и др.) и к ситуационным целям [2011]. Автор подчеркивает, что в результате совместного решения тактических задач у всех участников будет сформирована единая ориентировочная основа тактических действий, что, по меньшей мере, приведет к повышению взаимопонимания в игровых ситуациях. На основе сформированной для каждой игровой ситуации единой ориентировочной основы действий игроков создаются алгоритмы с распределением ролей (технологические карты тактических командных действий).

Это лишь немногие примеры исследований, свидетельствующие, что детально изучен аспект роли оперативного образа и ориентировочной основы деятельности на индивидуальном уровне, уровне формирования действия, при этом не раскрывается роль оперативного образа в реальном динамически разворачивающемся процессе совместной деятельности. Тем большую актуальность приобретает задача рассмотрения специфики оперативного образа не просто в совместной деятельности, а в уникальных условиях спортивной игры.

Для нашего исследования важно, что в ситуации спортивной деятельности (как уникальной экспериментальной ситуации) как раз можно проследить, как оперативный образ складывается по ходу выполнения конкретного действия и подчиняется задаче действия. Это связано с представлениями А. Н. Леонтьева [1981], А. В. Запорожца [1986] о том, что появление ориентировочной реакции возможно лишь в ситуации активного действия в поисковой ситуации. Экстремальность спортивного межгруппового взаимодействия будет проявляться в том, что для своевременной корректировки цели и действий спортсмену необходимо ориентироваться в действиях не только членов своей команды, но и в быстроменяющихся действиях соперника (которые в свою очередь носят тактический характер маскировки). Именно в данном контексте совместной деятельности можно просле-

дить, что оперативный образ первоначально возникает и развивается как органическая часть практической деятельности субъекта в тесной связи с ее исполнительской частью.

Таким образом, цель исследования – выявление динамического оперативного образа в ситуации совместной спортивной деятельности и обнаружение влияния ориентировочной части деятельности на согласование исполнительской части деятельности.

Материалы и методы

Выборка. Эмпирическую выборку исследования составили хоккеисты КГБУ ДО СД ЮШОР по хоккею «Алтай» в возрасте 14–15 лет ($N = 30$).

Методы. Опираясь на теоретические и эмпирические идеи А. В. Запорожца о том, что оперативный образ может быть выявлен вонне не только апробированным выше путем анализа объективной регистрации действий (пространственно-временной организации, динамики усвоения соответствующих умений и навыков, характеристики и динамики преодоления ошибок, глобального и поэлементного времени и вариативности времени), но и в первую очередь фиксируемым в вербальной форме отчетом о процессе действия (в том числе и по П. Я. Гальперину). В исследовании фиксировались как раз единство операционально-технического выполнения деятельности хоккеистами (тренерская экспертная оценка действий игрока) и оперативный образ игровой ситуации (контент-анализ отчетов игроков). Основные методы следующие.

- Экспертная тренерская оценка игроков в тренировочных и соревновательных условиях по выделенным индикаторам анализа и объективной регистрации действий (см. описание результатов). В качестве количественного показателя игрока был использован усредненный бал по результатам нескольких тренировок и соревновательных игр.

- Оценка открытых вопросов методом контент-анализа по выделенным критериям (см. описание результатов).

В подборе вопросов для контент-анализа мы опирались на положения Д. А. Ошанина о том что оперативный образ как основу ориентировки можно раскрыть через выделение трех этапов переработки информации в предметном действии, соответственно, трех основных видов оперативных образов: 1) образ, в котором структурные характеристики объекта отражаются выборочно как маршрут предстоящего исполнительского акта; 2) образ, в котором отражается целостная

динамическая структура (схема) действия; 3) образ конкретного двигательного акта, непосредственно связанный с двигательными и координационными комбинациями.

- Фиксация игровой статистики игроков на соревнованиях как объективный внешний критерий (количество голов, пасов, бросков в створ, силовая борьба).

В исследовании использовались методы математико-статистической обработки данных: частотный анализ, регрессионный анализ. При обработке данных применялся пакет статистических программ SPSS 22.0. В данном исследовании принят уровень значимости $p > 0,05$.

Результаты и обсуждение

Изначальной задачей стало выявление содержания оперативного образа как аспект ориентировочной основы совместной деятельности через контент-анализ открытых ответов игроков.

Для выявления содержания оперативного образа ориентировочной основы совместных действий спортсменам после тренировочных и соревновательных игр был предложен ряд открытых вопросов:

- Какова была цель игры?
- Охарактеризуйте игровую ситуацию.
- Какие существенные проблемы можно выделить? Проранжируйте 5 игровых проблем.
- Какими данными для принятия решения в игре обладаете Вы и команда?
- Какими данными для принятия решения в игре обладает соперник?
- Какие альтернативные подходы к решению проблемы имеются?
- Что удалось команде в игре? Что удалось лично Вам в игре?
- Какие существенные проблемы можно выделить у соперника?
- Что удалось сопернику в игре?

При анализе ответов мы опирались на идеи о том, что по общности ориентировочная основа действия в ответах может быть представлена в частном виде, пригодна для единичного и конкретного случая, а может быть, в обобщенном виде, отражающем целый класс случаев условий игры, и, следовательно, пригодна для ориентировки в каждом из них.

Исходя из этого, ответы игроков оценивались по критериям конкретность – обобщенность ориентировки, полная – неполная ориен-

тировка (достаточность отражаемых в ней условий для успешного выполнения действия).

Дополнительно оценивались эмоциональность ответа, наличие описания (понимания): своей роли в игре; игры других игроков команды; игры соперника, трудности ответа (отказ от ответа, неполнота ответа, размытость ответа); установок тренера, условий игры, игровых ситуаций; своих игровых качеств.

Была произведена качественно-количественная обработка ответов: анализ содержания ответов и частотный анализ встречаемости, выделенных критериев в ответах игроков.

Приведем немногие из примеров содержания оперативного образа совместной деятельности игроков.

1. *Полнота, обобщенность ответа.* Какая была цель игры? Ответ: «Эта игра необходима, чтобы победить и выйти в группу “А”, удалив практически главного соперника и набрав максимум очков. Нужно без травм и удалений». Охарактеризуйте игровую ситуацию. Ответ: «В нашей пятёрке при выходе из зоны защитники отдают неточные передачи, что очень сильно тормозит атаку».

2. *Конкретность ответа, неполнота ответа.* Охарактеризуйте игровую ситуацию. Ответ: «Война». Какими данными для принятия решения в игре обладает соперник? Ответ: «Фраза “Бей, беги”».

3. *Описание (понимание) своей роли в игре.* Какие возможности у меня есть и на какой риск я иду? Ответ: «Я физически хорошо подготовлен. т. к. я основной вратарь мне нельзя ошибаться. В этой игре меня пытался закрыть соперник, но вместе с защитниками мне удалось его обыграть и быстро среагировать. Было много ударов в створ, но я смог их предсказать. Соперник пытался перекрыть мне виденье ворот, но мне удалось за счет скорости это преодолеть. Их 9-й номер работал корпусом и следил всю игру за моими действиями».

4. *Описание своих игровых качеств.* Какими данными для принятия решения в игре обладаю? Ответ: «Могу вовремя увидеть партнера и точно отдать пас. Меня трудно запутать сопернику. Я быстро могу переключиться».

5. *Описание игры других игроков команды.* «Руся очень часто заигрывается в зоне соперника, и паса от него не дождешься, а сам он всю пятёрку не обыграет, и поэтому мы теряем шайбу. Гера играет достаточно слабо...»

6. *Описание игры своей команды.* Что удалось команде в игре? Ответ: «Мы смогли, хоть и не всегда, выходить из зоны быстро, прохо-

дить среднюю зону и почти начать позиционную атаку в зоне соперника, количество бросков в створ большое».

7. *Наличие описания соперника.* «Самой сложной командой был “Сокол”. Они физически более сильны и быстры. Хорошая защита. Но к 2-му тайму они выдохлись, скорость спала и их взаимодействие не ладилось. Защита начала ошибки делать. Их тактика трудно дается, т. к. у них новые комбинации игроков. Помогло, что 11-й удалился после силового».

8. *Описание игры команды соперника.* Какие существенные проблемы можно выделить у соперника? Ответ: «У соперника была проблема с реализацией моментов. Их защитники редко убирала нападающих с пятака».

9. *Описание условий игры, ситуаций.* Какие были трудности в командном взаимодействии. Ответ: «Плохое понимание игроков между собой». «Тяжело было играть с другими защитниками». «Нападающие редко отдавали пас защитникам». «Когда составы меняли местами, было тяжело ориентироваться». «Иногда не хватает поддержки от партнеров».

Таким образом, в результате качественного анализа была выявлена содержательная модель образа ориентировки (вербализованное содержание), отраженная в ответах игроков.

Можно говорить о том, что для обеспечения эффективности ориентировки команды необходимо, чтобы в оперативном образе игроков имелась ориентировка в условиях игры, игровой ситуации в целом, полное представление об игре своей команды и соперника, понимание своей роли в игре.

Отмечается, что в ориентировочной основе деятельности в ситуации спортивной игры характерно детальное выделение спортсменами в первую очередь тех свойств действий и условий спортивной деятельности, которые непосредственно к ним обращены и на которые непосредственно наталкиваются их действия, в то время как совокупность других, не имеющих прямого к ним отношения, воспринимается глобально, нерасчлененно.

В контексте нашего исследования важным является то, что в содержании выделяются динамические оперативные образы, т. е. образы, в которых находят свое отражение динамика объектов и совершающийся в них процесс, что показывает ситуационный характер условий совместной деятельности и конкретно ориентировочной основы совместной деятельности.

На следующем этапе частотный анализ позволил количественно проанализировать и представить ответы. В дальнейшем, для понимания, какие конкретно особенности содержания оперативного образа определяют процессуальные проявления ориентировки в совместных действиях (объективно зарегистрированных действий спортсменов в игре), был применен регрессионный анализ.

Важным было показать единство оперативного образа игровой ситуации спортсменов и исполнительной реализации действий. При помощи регрессионного анализа было выявлено, как полнота, конкретность и другие характеристики ответов спортсменов (в частотной встречаемости) влияют на конкретные действия в тренировочной и соревновательной ситуациях (усредненный показатель экспертной оценки тренерским штабом).

Конкретность оперативного образа способствует тому, что спортсмен реже демонстрирует рассогласованность действий и результата ($p = 0,0001$, $R^2 = 0,808$, $\beta = -0,229$), реже ошибки и проигрыши влияют на действия спортсмена в игре ($p = 0,022$, $R^2 = 0,535$, $\beta = -0,139$).

Те спортсмены, у которых наблюдается неконкретность, размытость ответа, чаще демонстрируют рассогласованность действий и результата ($p = 0,005$, $R^2 = 0,808$, $\beta = -0,210$).

Спортсмены, демонстрирующие полноту ответа, реже подвержены влиянию новизны ситуации на их игровые действия ($p = 0,039$, $R^2 = 0,706$, $\beta = -0,121$).

Те спортсмены, у которых в оперативном образе присутствует описание условий игры и игровой ситуации, в исполнительной части демонстрирует постоянство и надежность действий ($p = 0,002$, $R^2 = 0,675$, $\beta = 0,208$), у них увеличивается количество важных для командных задач действий ($p = 0,0001$, $R^2 = 0,738$, $\beta = 0,405$), уменьшается количество малозначительных («пустых») действий ($p = 0,0091$, $R^2 = 0,738$, $\beta = -0,225$), количество действий методом «слепых проб» ($p = 0,004$, $R^2 = 0,639$, $\beta = -0,413$), на освоение умений (навыков) требуется сравнительно небольшое количество упражнений ($p = 0,004$, $R^2 = 0,769$, $\beta = -0,303$), улучшается командное взаимодействие ($p = 0,001$, $R^2 = 0,700$, $\beta = 0,291$). Присутствуя в оперативном образе, описание условий игры повышает резистентность спортсменов к неопределенности динамики игровой ситуации: изменения игровой ситуации меньше влияют на их действия ($p = 0,001$, $R^2 = 0,703$, $\beta = -0,287$), снижается дезориентация в конкретных технических действиях ($p = 0,003$, $R^2 = 0,659$, $\beta = -0,250$), реже присутствует дезорганизация действий с действиями членов команд ($p = 0,0001$,

$R^2 = 0,741$, $\beta = -0,506$). Возможность описания условий игры улучшает ориентировочную часть совместной деятельности: у спортсменов выше понимание цели технико-тактических и игровых действий ($p = 0,0001$, $R^2 = 0,787$, $\beta = 0,250$), эффективнее отбор игровой информации и действий, помогающих командному взаимодействию ($p = 0,005$, $R^2 = 0,634$, $\beta = 0,229$), присутствует полнота представления о собственных возможностях ($p = 0,0001$, $R^2 = 0,799$, $\beta = 0,327$) и игровых условиях ($p = 0,004$, $R^2 = 0,641$, $\beta = 0,320$).

Тем спортсменам, у которых присутствует в оперативном образе описание игры команды соперника, требуется сравнительно небольшое количество упражнений на освоение умений (навыков) ($p = 0,039$, $R^2 = 0,769$, $\beta = -0,763$).

Трудности ответа, отказ от ответа, неполнота ответа присутствуют у спортсменов, у которых новизна ситуации влияет на игровые действия ($p = 0,003$, $R^2 = 0,706$, $\beta = 0,256$), у этих спортсменов отсутствует полнота представления о возможностях соперника ($p = 0,015$, $R^2 = 0,563$, $\beta = -0,244$).

В задачу исследования входило обнаружение, как содержание оперативного образа игровой ситуации влияет на игровую статистику игроков.

Было выявлено, что такой статистический показатель, как «гол» находится в прямой зависимости от следующих характеристик ориентировочной основы деятельности ($p = 0,005$, $R^2 = 0,732$): конкретности описания ($\beta = 0,098$) и наличия в ответе спортсмена описания игры своей команды ($\beta = 0,159$). Предикторами эффективности показателя «пас» ($p = 0,003$, $R^2 = 0,977$) также служит наличие в ответе спортсмена описания игры своей команды ($\beta = 0,118$). Статистика показателей «силовой борьбы» напрямую зависит ($p = 0,022$, $R^2 = 0,679$) от возможности спортсмена дать развернутое описание игры других игроков ($\beta = 0,515$). Статистический показатель «бросков в створ» находится в прямой зависимости ($p = 0,017$, $R^2 = 0,571$) от наличия в ответах спортсмена описания игры других хоккеистов команды ($\beta = 0,660$).

Подтверждается, что эффективность ориентировочной части действия зависит от содержания оперативного образа, которое может быть разным, а также от степени общности входящих в нее знаний (ориентиров) и от полноты отражения в них условий, объективно определяющих успешность действия. В полной ориентировочной основе должны содержаться сведения обо всех компонентах действия:

исходном предмете, конечном продукте, средствах, составе и порядке выполнения операций.

По аналогии с классическими типами ориентировки, в ответах спортсмена мы можем видеть следующие типы оперативного образа.

1. Неполный состав ориентировочной основы, частный вид ориентиров, которые спортсмен выделяет сам с помощью метода слепых проб, процесс формирования действия спортсмена в значительной мере более медленный и содержит высокое число ошибок, действия спортсмена чувствительны к изменениям средств решаемой задачи или условий ее выполнения. Данный тип обеспечивает формирование ограниченного, частного действия, спортсмены не справляются с незнакомыми ситуациями.

2. В ориентировке спортсмена присутствуют все условия игры, они являются достаточными и необходимыми для правильного выполнения действия, но представлены в частном виде, который эффективен только для ориентировки лишь в данном конкретном случае, но не в схожих условиях. Действие спортсмена формируется быстро и безошибочно. Сформированные действия устойчивые, но сфера их переноса в значительной мере ограничена степенью сходства конкретных условий других частных задач с той задачей, на которой шло данное обучение. Обеспечивает только некоторую степень обобщения (неполного и нестойкого), зависящего от целого ряда случайностей. Чем больше затруднены условия игры, тем меньше процент переноса действия.

3. Ориентировка спортсмена характеризуется полным составом условий и информации, ориентиры даны в общем виде, который характерен для целого класса явлений. Спортсмены могут самостоятельно составлять свою ориентировочную основу действия для каждого частного случая. Характерны быстрота и безошибочность процесса формирования действия. Отличительной чертой является большая устойчивость, широта переноса, вариативность такого сформированного действия. Действие фиксируется лишь в общих моментах и безразлично к частной форме своего воплощения. Действие является широко обобщенным и устойчивым.

Несмотря на относительность полноты ориентиров, необходимо выделять следующее: если действие, построенное на некотором оперативном образе, систематически и безошибочно выполняется в целой области проблемных ситуаций, то ориентировка считается полной; по общности представленных в ней знаний ориентировка может быть предложена в частном виде, применимом только для единично-

го, конкретного случая, в общем виде, отражающем сущность целого класса частных случаев и пригодном для ориентировки в каждом из них.

Составление ориентировочной основы действия в условиях совместной деятельности может происходить двумя разными путями: путем «проб и ошибок» в самом процессе выполнения действия или путем сознательного применения общего приема (метода).

В оперативный образ игровой ситуации должны включаться: материальное соотношение своих сил и сил противника; взаимодействие своих сил; захват пространства; своевременность операций по налаживанию взаимодействия сил и по захвату пространства; построение образа условий, игровой ситуации.

Обобщенность действия спортсменов характеризует меру выделения ими существенных для выполнения действия свойств условий и действий остальных игроков из других, несущественных.

Заключение

Можно утверждать, что ориентировка в условиях спортивной деятельности будет включать в себя корректирующие и контролирующие движения, действия, операции, которые предворяют исполнительную деятельность спортсменов.

В спортивной деятельности можно выделить уровни ориентировки и построения оперативного образа – стратегический, тактический, операционально-технический. При этом уровни построения оперативного образа будут включать в себя: 1) ориентировку на процессуальные признаки; 2) ориентировку на процессуальные и результативные признаки одновременно; 3) ориентировку на результативные признаки.

Эффективность совместной деятельности будет зависеть от того, содержит ли оперативный образ потенциально важные свойства для решения совместных задач или нейтральные раздражители.

В оперативном образе игроков выполнение задачи отражается в виде цели, для достижения которой он будет осуществлять свои действия. Действие регулируется оперативным образом, в котором на перцептивно-опознавательном уровне отражается конкретная ситуация.

Для повышения эффективности основной задачей является формирование представления об условиях и необходимых средствах решения совместной проблемы, действиях соперника, а также пред-

ставления о характерных ошибках в технике. Необходимым условием является включение в оперативный образ динамики и отображения пространственных перемещений в реальном времени на тренировках.

Концептуальная модель образа игровой ситуации включает задачи, цели, систему знаний об объекте совместных действий, систему двигательных программ, реализуемых в совместной деятельности.

В результате обобщенного узнавания и формирования «схемы» сокращается число альтернатив, происходит фильтрация избыточных признаков, что обеспечивает возможность перехода к оперированию другим средствами.

Процесс формирования образа игровой ситуации можно представить как непрерывный, разворачивающийся во времени, процесс принятия решения и поиска адекватной реакции на поступающую информацию об процессе совместных действий.

Можно констатировать, что в тренировке вычленяемая для самостоятельного упражнения часть деятельности должна состоять из действий, идентичных по своей психологической структуре совершаемым в реальной соревновательной обстановке, позволяющих адаптироваться к любой вариативности раздражителя, непредвиденным препятствиям и неожиданностям.

Список литературы

Гагарина О. О. Методика обучения юных дзюдоистов броску через спину на базе применения ориентировочной основы действия и выделения основных опорных точек // *Физическая культура: воспитание, образование, тренировка*. 2014. № 6. С. 39–41.

Гальперин П. Я. Введение в психологию: Учеб. пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.

Драндров Г. Л. Формирование у студентов вузов физической культуры готовности к профессиональной творческой деятельности // *Совершенствование системы профессионального физкультурного образования и повышение квалификации специалистов по физической культуре и спорту в рамках реализации федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Удмуртского государственного университета*, 2016. С. 34–37.

Загревский О. И., Загревский В. И. Формирование двигательных действий гимнастов на основе создания представления о рабочих по-

зах в основных опорных точках упражнения // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 369. С. 147–150.

Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 2: Развитие произвольных движений. 296 с.

Зинченко В. П. Образ и деятельность. М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 608 с.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.

Мальцева Д. Д. Роль оперативного образа в структуре деятельности: основные подходы в отечественной психологии // Вестн. Моск. гос. лингвистического ун-та. Серия: Образование и педагогические науки. 2015. № 8 (719). С. 161–169.

Маслов О. Р. Тактическая подготовка в командных игровых видах спорта – психологические подходы к формированию тактического мышления // Вестн. Моск. гос. лингвистического ун-та. Серия: Образование и педагогические науки. 2011. № 613. С. 178–184.

Носков С. А., Хмёлева Е. П., Палий В. И. Обучение детей приемам самбо на полной ориентировочной основе действия // Спортивный психолог. 2014. № 2 (33). С. 63–67.

Ошанин Д. А. Психологические вопросы регуляции деятельности. М.: Педагогика, 1973. 208 с.

Пастухов Е. В. Обучение применению боевых приемов борьбы // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С. 198–200.

Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1984. 342 с.

Y. K. Smirnova

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

yana.smirnova@mail.ru

OPERATIONAL IMAGE OF THE GAME SITUATION IN THE ORIENTED BASIS OF JOINT ACTIVITY OF HOCKEY PLAYERS

The article reveals the role of the operational image in the regulation of joint activities. The knowledge of the orienting mode of action is supplemented as a system of conditions, to which a person is guided while performing actions individually by the data on the indicative part of the joint activity. The research succeeded in using unique experimental dynamically unfolding conditions of sports activity and tracing how contradictions between the executive act and the object of joint activity, between the given condition and the executive act, are removed through the operational image. The unity of qualitative and quantitative research methods is involved, indicators of the indicative part of joint actions in the situation of intergroup interaction of sports teams are highlighted. It is shown that the effectiveness of joint activities depends on the type of content of the operational image, which is transformed from the degree of generality of the information (reference points) entering into it, from the completeness of the reflection of the benchmarks of conditions, means and joint operations that objectively determine the success of the command action. The operational image of joint activity should contain information about all the components of the action: the original subject, the final product, the means, the composition and the order of the operations. The data are confirmed by the connection of the content of the operational image with specific executive actions and game statistics of the athletes.

Keywords: operative image, orientational basis of activity, orientation, tentative part of the action, an indicative basis of joint activity, sports activity, psychology of the sports team.

УДК 159.9

М. В. Злобина, О. Н. Первушина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru; olgap7@yandex.ru

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ДЕПРЕССИЯ

Рассматривается конструкт интолерантности к неопределенности, приводится обзор зарубежной литературы, посвященной истории его возникновения и развития. Анализируются работы, посвященные изучению ИТН в контексте тревожных и депрессивных расстройств. В зарубежной литературе существует большое количество данных, свидетельствующих о связи ИТН и депрессии. Цель статьи – проверка наличия связи между ИТН и склонностью к депрессии на выборке российских студентов. В результате исследования подтверждено наличие связи между интолерантностью к неопределенности и склонностью к депрессии. Получены новые данные о связи показателей по шкалам депрессии и шкале межличностной интолерантности к неопределенности.

Ключевые слова: интолерантность к неопределенности, толерантность к неопределенности, депрессия.

Современный человек оказывается в ситуации, когда каждый день несет глобальные и локальные изменения, неожиданные сюрпризы, открытия. Тот факт, что жизнь в современном мире становится все более неопределенной, практически ни у кого не вызывает сомнения. Проблема неопределенности и взаимодействие с ней все более привлекает внимание ученых. «На протяжении XX века мы наблюдаем в науках о человеке разные проявления движения в направлении от понимания мира как прочного, стойкого, предсказуемого, управля-

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2
© М. В. Злобина, О. Н. Первушина, 2017

емого и детерминированного к пониманию его как в большей своей части неуправляемого, недетерминированного, непредсказуемого, неоднозначного» [Леонтьев, 2015].

Михаил Эпштейн в своей статье «Информационный взрыв и травма постмодерна» пишет о том, что «...мир не просто усложняется, но усложнение мира настолько ускоряется, что отдельно взятый человек уже не в состоянии за ним угнаться, усвоить общечеловеческий опыт, который растет все быстрее. Разрыв между совокупным опытом всего человечества и индивидуальным опытом каждого отдельного человека увеличивается по экспоненте. Индивид все более чувствует себя калекой, не способным полноценно соотноситься с окружающей информационной средой». Эпштейн называет подобное расстройство «травмой постмодерна» [1998].

Условия неясности, хаотичности, изменяют жизнь человека, и, как следствие, меняется и сам человек. По словам А. Г. Асмолова, мы имеем дело с «психологией изменяющейся личности в изменяющемся мире» [2015]. Человек постоянно пребывает в условиях неопределенности и вынужден как-то с ними справляться. Способы совладания с неопределенностью, по-видимому, оказываются далеко не всегда эффективными, о чем свидетельствуют данные о росте психических заболеваний, в частности, депрессивных, личностных, тревожных расстройств, а также суицидов.

Депрессия становится одним из самых распространенных психических расстройств и может стать мощным фактором ухудшения качества жизни, особенно если она затягивается и принимает умеренную или тяжелую форму. Депрессия нарушает функционирование человека в семье, профессиональной деятельности, коммуникации, она приводит к психологическому истощению, а в худших случаях, порождает попытки суицидов. По данным ВОЗ на апрель 2017 г., 300 млн чел. во всем мире страдают от депрессии и более 800 000 чел. погибают в результате самоубийства. Это вторая по значимости причина смерти среди людей в возрасте 15–29 лет ¹.

Поскольку мы полагаем, что увеличение депрессивных состояний и рост количества заболеваний депрессией связаны с переживанием и реакцией человека на реалии современного мира, изобилующего неопределенными ситуациями, нас интересует феномен интолерантности к неопределенности (далее – ИТН). Представляется возможным, что именно неспособность человека справляться с нарастаю-

¹ <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/>

щим потоком информации, сложностью ситуаций принятия решений, постоянной изменчивостью мира, т. е. ИТН, является фактором риска возникновения депрессивных состояний и развития депрессии.

В психологических исследованиях, начиная с работ Френкель-Брунsvик [Frenkel-Brunswik, 1949], описываются различные варианты отношения человека к неопределенным ситуациям от принятия неопределенности и достаточно комфортного пребывания в ней до борьбы с неопределенностью или ее избегания. Конструкты толерантности / интолерантности привлекают все большее внимание ученых.

В англоязычной литературе присутствуют два различных термина (*intolerance of uncertainty* (IU) и *intolerance of ambiguity* (IA)), которые, хоть и переводятся на русский язык одинаково, все же отражают несколько разные аспекты ИТН. Греньер, Баррет и Ладусер [Grenier et al., 2005], на основе обзора исследований, посвященных интолерантности к неопределенности (*uncertainty*) и интолерантности к двусмысленности (*ambiguity*), выделяют черты сходства и различия в конструктах. IU и IA – когнитивные процессы, участвующие в обработке информации об окружающей среде; в обоих случаях человек отвечает на ситуацию набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций, следовательно, люди с высокой IU и IA должны испытывать дискомфорт и тревогу в угрожающих ситуациях и, следовательно, отвергать или избегать подобные ситуации. Что касается различий, IA в большей степени относится к настоящему, к прерыванию здесь-и-сейчас, в то время как IU относится к непредсказуемому компоненту будущего.

Понятие интолерантность к двусмысленности (*intolerance of ambiguity*) впервые было введено Френкель-Брунsvик в 1949 г. Термин «итолерантность к неопределенности» (*intolerance of uncertainty*) появился на его основе позже. Вероятно, первым термин IU употребил Хрон [Khron, 1989]. В дальнейшем термин IU получил свое распространение в модели генерализованного тревожного расстройства [Dugas et al., 1998]. Как указывают Греньер, Баррет и Ладусер, определение IU менялось следующим образом: оно отражало 1) способ, которым индивид воспринимает информацию в двусмысленных (*ambiguous*) ситуациях и отвечает на эту информацию когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями [Freeston et al., 1994]; 2) способ, с помощью которого индивид воспринимает информацию, вытекающую из неопределенных или двусмысленных (*uncertain or ambiguous*) ситуаций и проявляется набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций [Ladouceur et al., 1995], 3) склон-

ность реагировать негативно на неопределенные события, независимо от воспринимаемой вероятности их осуществления и последствий, связанных с этими событиями [Ladouceur et al., 2000]; 4) сильную тенденцию человека считать неприемлемым то, что негативное событие может произойти при, однако, существовании небольшой вероятности того, что оно произойдет [Dugas et al., 2001]; 5) сильную тенденцию считать неопределенные ситуации стрессовыми и расстраивающими, верить, что неожиданные события будут негативными и их следует избегать и думать, что неопределенность будущего – это несправедливо [Dugas et al., 2005].

Биррелл, Мерз, Уилкинсон и Фристон [Birrell et al., 2011], рассматривая эволюцию конструкта IU, указывают, что «интолерантность к неопределенности возникла как ключевой конструкт, связанный с беспокойством, и как центральный компонент для понимания и лечения генерализованного тревожного расстройства, но относительно мало что известно о его точном характере. Исследование определения конструкта показывает, что, несмотря на изменения со временем, нынешнее понимание остается очень широким и не имеет специфики».

Разрабатывая конструкт ИТН в контексте тревожного и депрессивного расстройств, Карлтон [Carleton, 2012] говорит о том, что существует большое количество данных, на основании которых ИТН может быть представлена как конструкт, имеющий две размерности – проспективная ИТН (prospective IU) (т. е. когнитивно-ориентированная размерность, например «Непредвиденные события сильно меня расстроили») и сдерживающая ИТН (inhibitory IU) (т. е. поведенческое измерение, например «Даже небольшие сомнения могут остановить меня от совершения действия» (can stop me from acting)). Проспективная ИТН в большей степени связывается с тревогой и обсессивно-компульсивными симптомами, в то время как сдерживающая ИТН больше относится к социальной тревоге, панике, агорафобии и депрессии [Buhr, Dugas, 2009; Carleton, Sharpe et al., 2007]. ИТН авторы понимают как негативную реакцию на неопределенность (ambiguity) в широком смысле [Freeston et al., 1994] и как тенденцию индивида считать возможность наступления негативного события неприемлемой и угрожающей, вне зависимости от вероятности наступления этого события [Carleton, Sharpe et al., 2007; Dugas et al., 2001] – в более узком смысле. ИТН описывается также как диспозициональная характеристика, являющаяся результатом негативных убеждений о неопределенности и ее последствиях [Dugas, Robichaud, 2007].

Результаты данного исследования дают основание утверждать, что ИТН может быть фактором уязвимости (*vulnerability factor*) для большинства тревожных и депрессивных расстройств.

Кроме этого, существует достаточно большое количество данных, указывающих на наличие связи между ИТН и депрессией [Andersen, Shwartz, 1992; Dugas, 2004; Butzer, Kuiper, 2006; Carleton, Sharpe et al., 2007; Gosselin, 2008; Miranda et al., 2008; Yook et al., 2010; Boelen et al., 2010; McEvoy, Mahoney, 2011; Gentes, Ruscio, 2011; Carleton, 2012].

На основании когнитивных моделей депрессии было создано множество работ, посвященных изучению связи между депрессией и ИТН.

Одной из первых работ, посвященной данной проблеме, стала работа Андерсен и Шварц [Andersen, Schwartz, 1992]. Авторы опираются на когнитивную модель депрессии Бека, в которой указывается, что одним из компонентов депрессивной триады является негативное отношение к своему будущему. Они исходят из того, что беспомощность (*hopelessness*) может выступать как фактор депрессивной предсказательной определенности (*depressive predictive certainty*), когда нежелательные события рассматриваются как события, которые наверняка произойдут (*certain to occur*), а желательные – как события, которые наверняка не произойдут.

Депрессивная определенность является достаточным фактором для возникновения депрессии. Депрессивные индивиды придерживаются своих пессимистичных взглядов с уверенностью (*with certainty*) и, таким образом, могут терять надежду.

Авторы считают, что прогнозы когнитивной уязвимости (*cognitive-vulnerability predictions*) основаны на предположении, что, когда происходят негативные события, имеющие большую значимость для человека, они, скорее всего, приведут к размышлениям («умственной жвачке» (*ruminations*)), как о самих негативных событиях, так и о возможных последствиях [Tait, Silver, 1989; Taylor, Schneider, 1989]. Согласно взглядам Андерсен и Шварц, размышления (*ruminations*) о негативных событиях жизни могут быть разрушительны (*disruptive*) и продуцировать неопределенность (*uncertainty-producing*), аналогично тому, как это происходит при легкой депрессии. Депрессия средней или тяжелой степени тяжести, напротив, связана скорее с определенностью (*certainty*), чем с неопределенностью (*uncertainty*) в предсказании событий будущего. Следовательно, при переходе от легкой к средней или тяжелой степени депрессии, неопределенность эволюционирует в определенность. Предполагает-

ся, что у некоторых людей неопределенность в размышлениях (uncertainty in rumination) может развиваться в определенность депрессии (certainty of depression).

Опыт размышлений и неопределенность особенно разрушительны и вызывают отторжение у людей, которые рассматривают себя и будущие события в однородных, неизменных терминах. Такие люди способны легко игнорировать, исказить или отрицать ежедневные негативные события, поддерживая таким образом однородный взгляд, не приводящий к размышлениям. Но когда происходит достаточно недвусмысленное событие, которое они не могут отрицать, которое, таким образом, захватывает и удерживает их внимание, это событие провоцирует размышления. В этих обстоятельствах, размышления, которых обычно можно избежать, невозможно остановить, и негативные последствия могут рассматриваться как неоспоримо позорные (undeniable blemish). Необходимость поддерживать единственный взгляд сталкивается с негативными событиями, которые сложно отрицать.

Авторы предполагают, что интолерантные к неопределенности люди переживают негативные события особенно тяжело из-за того, что неопределенность, которую вносят размышления в обычно позитивный взгляд, противоречит желанию рассматривать все однозначно. Такие люди стремятся как можно быстрее переструктурировать неопределенность. Они используют негативные события как основу для формулирования своих ожиданий, формируя, таким образом, мрачный, но определенный набор ожиданий. Таким образом, интолерантные к неопределенности люди реагируют на негативное событие путем принятия определенности того, что в будущем произойдут ужасные события, в то время как желаемые события не произойдут.

Данную линию рассуждений продолжают Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008]. Они указывают, что симптомы депрессии, как и тревожных расстройств, связаны с предубеждениями в предвосхищении будущего. Лица с депрессией имеют тенденцию придерживаться пессимистичных взглядов на будущее и считать, что негативное событие обязательно произойдет, а позитивное – не произойдет. Наряду с общими аффективными компонентами, как пишут авторы, депрессия отличается от тревоги снижением позитивного аффекта, что выражается в ангедонии и недостатке энергии. Депрессия отличается от тревоги снижением ожидания позитивного будущего. Симптомы депрессии связаны с большей определенностью в предвосхищении наступления в будущем негативных событий и от-

сутствия позитивных. Согласно модели беспомощности-безнадежности (helplessness-hopelessness model) [Alloy et al., 1990, Miranda et al., 2008], на которую опираются авторы, тревога возникает из первоначального опыта беспомощности в воздействии на исход будущего, в то время как депрессия возникает тогда, когда человек становится уверен в своей беспомощности, и тогда беспомощность становится безнадежностью. Исследование Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008] было направлено на прояснение природы конкретного когнитивного содержания ожиданий будущего при депрессии и генерализованном тревожном расстройстве (ГТР) путем выяснения того, какую роль играет безнадежность и ИТН в отношениях между уверенностью в негативных результатах событий будущего и симптомами депрессии и ГТР. Авторы предположили, что безнадежность обуславливает отношения между уверенностью как в том, что позитивные события не произойдут, так и в том, что негативные произойдут, и симптомами депрессии. Авторы также предположили, что ИТН будет связана с уверенностью в том, что негативные события произойдут, и симптомами ГТР, и эта уверенность будет опосредовать отношения между ИТН и ГТР.

В результате проведенного исследования авторы данной статьи установили, что симптомы депрессии и ГТР были положительно связаны с уверенностью в том, что произойдут негативные события, в то время как уверенность в ожидании недостатка позитивных событий была связана только с депрессией, что и составляет конкретное когнитивное содержание (cognitive content specificity). Уверенность в отсутствии позитивных событий предсказывает симптомы депрессии как в настоящий момент, так и в долгосрочной перспективе, а безнадежность статистически опосредует эти отношения (with hopelessness statistically mediating these relationships). Безнадежность частично опосредует отношения между изменением в уверенности, включающей негативные события, и депрессией. Безнадежность также частично опосредует одновременные (concurrent) отношения между уверенностью в негативных событиях и симптомах ГТР, но не связана с изменениями симптомов ГТР в течение времени. ИТН предсказывает симптомы депрессии и ГТР в настоящий момент и спустя 6 недель, а уверенность в негативных событиях будущего частично опосредует отношения в настоящий момент между ИТН и симптомами депрессии и долгосрочные отношения между ИТН и симптомами депрессии. Когнитивное содержание ожиданий будущего является характерным для депрессии с точки зрения когниций,

относящихся к безнадежности (hopelessness-related cognitions), которые включают антиципацию недостатка позитивных событий. ИТН играет роль как в симптомах депрессии, так и симптомах ГТР. И хотя данные, как пишут авторы, были менее убедительны, все же они делают вывод о том, что уверенность в наступлении негативных событий может играть объяснительную роль в отношениях между ИТН и депрессией.

Юк, Ким, Су и Ли [Yook et al., 2010] также указывают на то, что лица с депрессией имеют тенденцию предсказывать негативные события будущего: они уверены в том, что негативные события обязательно произойдут, в то время как позитивные не произойдут. Ссылаясь на Гарбер, Миллер и Абрамсон [Garber et al., 2000], авторы указывают на феномен депрессивной предсказательной определенности (depressive predictive certainty), о котором уже говорилось выше. Лица с депрессией испытывают трудности с преодолением неопределенности и используют негативные события прошлого в качестве основы для своих предсказаний. Это приводит к уверенности в том, что нежелательные события будущего произойдут [Dupuy, Ladouceur, 2008]. Возможно, что лица с депрессией предпочитают жить в пессимистичной определенности, чем справляться с существующей неопределенностью, а так как многие аспекты современной жизни содержат большое количество неопределенности, говорят авторы, то интолерантные к неопределенности люди могут испытывать значительный дистресс. Люди с высокой ИТН могут полагать, что у них не хватает навыков, чтобы справляться с ситуациями неопределенности, что может быть причиной низкой самооценки. Интолерантные к неопределенности лица будут, вероятно, испытывать негативный аффект и могут быть подвержены депрессии.

Де Йонг-Мейер и др. [de Jong-Meyer et al., 2009] указывают, что ИТН связана как с тревогой, так и с размышлениями («умственной жвачкой», rumination). Возможно, что интолерантные к неопределенности лица используют повторяющиеся мысли, чтобы уменьшить неопределенность, что может усиливать аффект (по: [Yook et al., 2010]).

На основании вышесказанного можно утверждать следующее.

1. Существуют многочисленные эмпирические данные, подтверждающие наличие связи между ИТН и депрессией [Dugas, 2004; Gosselin, 2008; Miranda et al., 2008; Yook et al., 2010; Gentes, Ruscio, 2011; Carleton, 2012; Boelen et al., 2010; Butzer, Kuiper, 2006; Carleton, Sharpe et al., 2007; McEvoy, Mahoney, 2011].

2. Лица с высоким уровнем депрессии склонны негативно оценивать свое будущее, они уверены в том, что негативные события обязательно произойдут, в то время как позитивные не произойдут. Здесь имеет место феномен депрессивной предсказательной определенности (уверенности) (*depressive predictive certainty*). Склонность к однозначной оценке будущего, дихотомизму и абсолютизму, к «черно-белому» мышлению, свойственная лицам с высокой ИТН, может являться фактором, способствующим развитию депрессии. Лица с высокой ИТН, вероятно, будут предпочитать жить в «негативной определенности», чем справляться с неопределенностью.

3. Частые повторяющиеся мысли, «умственная жвачка», имеющая место при депрессии, может выступать, с одной стороны, как способ уменьшить субъективную неопределенность, а с другой – как фактор, усиливающий негативный аффект и приводящий к «депрессивной определенности».

Таким образом, существует большое количество зарубежных исследований, указывающих на существование связи между ИТН и депрессией. Представляется необходимым проверить наличие этой связи на российской выборке.

В исследовании приняли участие 216 студентов Новосибирского государственного университета (45 юношей и 171 девушка) в возрасте от 17 до 27 лет.

Методики. Для определения ИТН использовались методика Баднера (переработанная и валидизированная Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой в 2014 г.), методика МакЛейна (в адаптации Е. Н. Осина), а также Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой. В данном опроснике к толерантности и интолерантности к неопределенности добавляется фактор межличностной интолерантности к неопределенности (далее – МИТН). Под МИТН следует понимать «стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими» [Корнилова, 2010].

Для диагностики склонности к депрессии была использована шкала Бека, а также шкала депрессии опросника Ахенбаха.

Опросник Ахенбаха для взрослых (*Adult ASR/18-59*) имеет четыре группы шкал: адаптивного функционирования, синдромов, DSM-

ориентированные шкалы, производные шкалы. Используемая нами шкала тревоги / депрессии относится ко второй группе.

Е. Д. Комиссарчук в своей работе указывает, что ею были проверены надежность и валидность методики. «Тест-ретест надежность (воспроизводимость) всех шкал оказалась выше 0,7, внутренняя согласованность также высока (альфа Кронбаха для DSM-ориентированных шкал равна 0,78, а для остальных шкал – 0,83). Внутренняя валидность методики была подтверждена ее высокой различительной способностью, а также соотносимость шкал с диагностическими категориями DSM-IV была подтверждена экспертами» [2016].

Методы анализа данных. Обработка данных проводилась в программе Statistica 6.0.

Для проверки связи между различными показателями методик был использован коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена.

Результаты. Корреляционный анализ выявил значимые отрицательные связи результатов по шкале тревога / депрессия методики Ахенбаха с результатами по шкалам методики МакЛейна: Отношение к сложным задачам, Отношение к неопределенным ситуациям, Предпочтение неопределенности, Толерантность к неопределенности, общий баллом по методике МакЛейна, а также положительную связь с результатами по шкалам ИТН и МИТН Нового опросника толерантности к неопределенности. Результаты по шкале депрессии Бека были положительно связаны с результатами по шкале ИТН опросника Баднера и шкале МИТН опросника НТН и отрицательно с результатами по шкалам Отношение к сложным задачам, Отношение к неопределенным ситуациям, Предпочтение неопределенности и Толерантность к неопределенности, а также с общим баллом по методике МакЛейна (см. таблицу).

Полученные результаты согласуются с данными Юк, Ким, Су и Ли [Yook et al., 2010], которые говорят о наличии положительной связи между ИТН и депрессией. Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008] также указывают, что в результате проведенного ими исследования корреляционный анализ выявил значимые положительные связи между ИТН и определенностью в предсказании негативных событий будущего, а также положительные связи между ИТН и депрессией. Андерсен и Шварц также говорят о том, что взаимодействие между ИТН и размышлениями о негативных жизненных событиях предсказывает депрессивную определенность и депрессию [Andersen, Schwartz, 1992].

Результаты корреляционного анализа.

Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности по методикам Баднера, МакЛейна и Новому опроснику толерантности к неопределенности	Шкала тревога / депрессия по методике Ахенбаха	Шкала депрессии Бека
ОСЗ	-0,21**	-0,15*
ОНС	-0,30**	-0,22**
ПН	-0,26**	-0,17*
ТНм	-0,24**	-0,19**
Общий балл (методика МакЛейна)	-0,28**	-0,21**
ИТНб	–	0,15*
ИТНнтн	-0,13*	–
МИТНнтн	0,34**	0,22**

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. ОСЗ – отношение к сложным задачам по методике МакЛейна, ОНС – отношение к неопределенным ситуациям по методике МакЛейна, ПН – предпочтение неопределенности по методике МакЛейна, ТНм – толерантность к неопределенности по методике МакЛейна, ИТНб – интолерантность к неопределенности по методике Баднера, ИТНнтн – интолерантность к неопределенности по Новому опроснику толерантности к неопределенности, МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности по Новому опроснику толерантности к неопределенности.

Очень часто ситуации неопределенности могут провоцировать внутренние конфликты и оказывать негативное влияние на состояние человека. В частности, такие ситуации могут выступать условием возникновения и развития депрессии.

Человек с высокой ИТН часто игнорирует, искажает или отрицает негативные события, сохраняя однозначный взгляд на ситуацию. Однако когда возникает достаточно недвусмысленное событие, которое сложно отрицать, человек оказывается в затруднительном положении. Его желание поддерживать единственный взгляд на жизнь сталкива-

ется с негативным событием. Невозможность пребывания в ситуации неопределенности вынуждает человека преодолевать эту неопределенность посредством принятия негативного варианта исхода. Он становится уверен в том, что обязательно произойдет негативное событие, и, таким образом, снижает неопределенность, предпочитая неопределенности негативную определенность. Этот феномен получил название «депрессивной определенности» [Andersen, Schwartz, 1992].

Таким образом, в нашем исследовании была подтверждена связь между ИТН и депрессией.

Мы также получили некоторые новые результаты, касающиеся связи МИТН и депрессии. Под МИТН следует понимать «стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими» [Корнилова, 2010]. Лица, склонные к депрессии, обнаруживают тенденцию рассматривать себя, свое настоящее и будущее в негативном ключе [Бек и др., 2003]. Отношение к себе формируется во взаимодействии человека с другими людьми. Можно предположить, что ситуации межличностной неопределенности лица, склонные к депрессии и интолерантные к неопределенности в целом, будут интерпретировать как негативное отношение окружающих к себе. А. Бек указывает на модель реципрокного взаимодействия при депрессии: «впадая в депрессию, человек отдаляется от значимых для него окружающих. Эти “значимые другие”, чувствуя себя отвергнутыми, могут начать критиковать человека, что, в свою очередь, активизирует или обостряет его склонность к самоуничижению» [Там же]. Значит, склонные к «черно-белому» мышлению, интолерантные к неопределенности лица, вероятно, будут любое, даже самое незначительное, проявление неоднозначного отношения к себе интерпретировать как негативное (но однозначное). Это может усиливать негативный аффект и еще больше снижать самооценку человека.

Кроме того, необходимо указать на следующий аспект. Мы получили значимые положительные связи результатов по шкалам депрессии с результатами по шкале МИТН (по НТН) и шкалами ИТН по НТН и по методике Баднера. При этом мы не получили значимых связей со шкалами ТН по тем же методикам. Это дает основание предположить, что толерантность и интолерантность к неопределенности являются независимыми конструктами. С другой стороны, мы получили значимые отрицательные связи результатов по шкалам депрессии со шкалами предпочтения неопределенности методики МакЛейна.

Мы обратились к утверждениям, которые входят в эти шкалы, и обнаружили, что большинство утверждений, входящих в шкалы методики МакЛейна и шкалу МИТН, сформулированы через Я-высказывания (например, «Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где большинство людей мне совершенно незнакомо», «Меня привлекают ситуации, которые можно по-разному истолковать», «Я избегаю ситуаций, которые слишком трудны для моего понимания»). Предложения, которые входят в шкалы методики Баднера и шкалы ТН и ИТН Нового опросника толерантности к неопределенности, сформулированы в форме безличных утверждений или утверждений от третьего лица (например, «Специалист, который не может дать четкий ответ, возможно, не слишком много знает», «Люди, которые настаивают на ответе либо “да”, либо “нет”, просто не знают, насколько все на самом деле сложно», «Чем скорее мы придем к единым ценностям и идеалам, тем лучше»). Вопрос о том, как связана формулировка утверждений и показатели толерантности и интолерантности к неопределенности в методиках толерантности и интолерантности к неопределенности, пока остается открытым.

Список литературы

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1.

Бек А., Раш А., Шо Б., Эме Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Комиссарчук Е. Д. Взаимосвязь родительской позиции матери и психологических особенностей ее ребенка // Диссертация на соискание степени Магистра по направлению 030300 – Психология основная образовательная программа «Психология здоровья». СПб., 2016.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010. Т. 30, № 6. С. 140–152.

Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.

Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна, 1998. URL: <http://fbxlib.ru/book/351587/read/>

Alloy L. B., Kelly K. A., Mineka S., Clements C. M. Comorbidity of anxiety and depressive disorders: A helplessness-hopelessness perspective / Eds. J. D. Maser, C. R. Cloninger // Comorbidity of mood and anxiety dis-

orders. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1990. P. 499–543.

Andersen S. M., Schwartz A. H. Intolerance of ambiguity and depression: a cognitive vulnerability factor linked to hopelessness // *Social Cognition*. 1992. Vol.10 (3). P. 271–298.

Birrell J., Meares K., Wilkinson A., Freeston M. Toward a definition of intolerance of uncertainty: A review of factor analytical studies of the Intolerance of Uncertainty Scale // *Clinical Psychology Review*. 2011. Vol. 31 (7). P. 1198–1208.

Boelen P. A., Vrinssen I., van Tulder F. Intolerance of Uncertainty in Adolescents: Correlations With Worry, Social Anxiety, and Depression // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. Vol. 198 (3). P. 194–200.

Buhr K., Dugas M. J. The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation // *Behaviour and Research Therapy*. 2009. Vol. 47 (3). P. 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 41 (1). P. 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K., Thibodeau M. A., McCabe R. E., Antony M. M., Asmundson G. J. G. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorder*. 2012. Vol. 26 (3). P. 468–479.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. J. G. Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears? // *Behaviour Research and Therapy*. 2007. Vol. 45. P. 2307–2316.

de Jong-Meyer R., Beck B., Riede K. Relationships between rumination, worry, intolerance of uncertainty and metacognitive beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 46 (4). P. 547–551.

Dugas M. J., Robichaud M. Cognitive-behavioral treatment for generalized anxiety disorder: From science to practice. New York: Taylor & Francis Group, 2007.

Dugas M. J. Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression // *Cognitive Therapy and Research*. 2004. Vol. 28 (6). P. 835–842.

Dugas M. J., Gagnon F., Ladouceur R., Freeston M. H. Generalized anxiety disorder: a preliminary test a conceptual model // *Behaviour Research and Therapy*. 1998. Vol. 36 (2). P. 215–226.

Dugas M. J., Gosselin P., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Worry: Investigating Specificity in a Nonclinical Sample // *Cognitive Therapy and Research*. 2001. Vol. 25 (5). P. 551–558.

Dugas M. J., Hedayati M., Karavidas A., Buhr K., Francis K., Phillips N. A. Intolerance of Uncertainty and Information Processing: Evidence of Biased Recall and Interpretations // *Cognitive Therapy and Research*. 2005. Vol. 29 (1). P. 57–70.

Dupuy J., Ladouceur R. Cognitive processes of generalized anxiety disorder in comorbid generalized anxiety disorder and major depressive disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22 (3), P. 505–514.

Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. Why do people worry? // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 17 (6). P. 791–802.

Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. Vol. 18. P. 108–143.

Garber J., Miller S. M., Abramson L. Y. On the distinction between anxiety and depression: perceived control, certainty, and probability of goal attainment / Eds. J. Garber, M. Seligman // *Human helplessness: theory and application*. San Francisco: Academic Press, 2000. P. 199–211.

Gentes E. L., Ruscio A. M. A meta-analysis of the relation of intolerance of uncertainty to symptoms of generalized anxiety disorder, major depressive disorder, and obsessive–compulsive disorder // *Clinical Psychology Review*. 2011. Vol. 31 (6). P. 923–933.

Gosselin P. Evaluation of intolerance of uncertainty: Development and validation of a new self-report measure // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22. P. 1427–1439.

Grenier S., Barrette A. M., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39 (3). P. 593–600.

Khrono H. W. The concept of coping modes: Relating cognitive person variables to actual coping behavior // *Advances in Behaviour Research and Therapy*, 1989. Vol. 11 (4). P. 235–248.

Ladouceur R., Gosselin P., Dugas M. J. Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38. P. 933–941.

Ladouceur R., Rhéaume J., Freeston M. H., Aublet F., Jean K., Lachance S., Langlois F., Pokomandy-Morin K. Experimental manipulations of responsibility: an analogue test for models of Obsessive-Compulsive Disorder // *Behaviour Research and Therapy*. 1995. Vol. 33. P. 937–946.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety

and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. Vol. 25 (1). P. 112–122.

Miranda R., Fontes M., Marroquin B. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46 (10). P. 1151–1159.

Rehm L. P. A Self-Control Model of Depression // *Behavior Therapy* Vol. 8 (5). P. 787–804.

Tait R., Silver R. C. Coming to term with major negative life events / Eds. J. S. Uleman, J. A. Bargh // *Unintended thought*. New York: The Guilford Press, 1989. P. 351–382.

Taylor S. E., Schneider S. K. Coping and the simulation of events // *Social Cognition*. 1989. Vol. 7 (2). P. 174–194.

Teasdale J. D. Cognitive Vulnerability to Persistent Depression // *Cognition and Emotion*. 1988. Vol. 2 (3). P. 247–274.

Yook K., Kim K. H., Suh S. Y., Lee K. S. Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2010. Vol. 24. P. 623–628.

Материал поступил в редколлегию 15.09.2017

M. V. Zlobina, O. N. Pervushina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru; olgap7@yandex.ru

INTOLERANCE FOR AMBIGUITY AND DEPRESSION

This study examines constructs of Intolerance of Uncertainty, its history and evolution. We reviewed studies focused on IU and anxiety and depression disorders. There is a wide range of evidence that shows relationship between IU and depression. However, we could not find such studies on Russian sample. Hence, the aim of the present study was to confirm relationship between IU and depression on a sample of Russian students. Results revealed that IU score was significantly positively associated with depression score. It was also found that depression score was significantly positively associated with Interpersonal intolerance of uncertainty score. This aspect of IU was not examined before.

Keywords: intolerance uncertainty, tolerance uncertainty, depression.

УДК 159.9.072

И. А. Агеева¹, О. В. Киселева²

¹ *Кыргызско-Российский Славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, 720000, Кыргызстан*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

mars53_2001@mail.ru; kiseleva_ov@inbox.ru

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ УЧИТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ПСИХОПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Рассматриваются вопросы, касающиеся состояния здоровья и работоспособности учителей средней школы. Было показано, что «тревожность» и «чувство вины» являются значимыми характеристиками во всех группах учителей и оказывают негативное влияние на их здоровье и коммуникативные способности, затрудняя процессы саморегуляции. Было показано, что в образовательных учреждениях необходима систематическая работа в области психопрофилактики, и эта работа должна проводиться с учетом психологических особенностей разных возрастных периодов и опираться на фундаментально разработанную методологию на основании проведенных исследований.

Ключевые слова: учителя средней школы, уровень тревожности, чувство вины, коммуникативные способности, здоровье, психопрофилактика.

Введение. Педагоги по своему положению, профессиональной и социальной роли являются не только носителями специальных знаний, но и образцом поведения и отношения к здоровью. Вместе с тем современные исследования указывают на крайне низкие показатели физического и психического здоровья учителей как профессиональной группы, которые снижаются по мере увеличения стажа работы

Агеева И. А., Киселева О. В. Состояние здоровья учителей в связи с задачами психопрофилактической работы // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 142–153.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2

© И. А. Агеева, О. В. Киселева, 2017

[Багнетова, 2013]. Более того, в ходе проводимых в странах СНГ социально-экономических преобразований, эта профессиональная группа оказалась одной из самых социально незащищенных [Вассерман, Березин, 1997; Митина, Асмаковец, 2001].

В целом более половины учителей, как отмечают В. С. Собкин, П. С. Писарский, Ю. О. Коюмиец и Г. С. Никифоров [Учительство, как социально-профессиональная группа, 1996; Психология профессионального здоровья, 2006], испытывают в течение недели негативные состояния, связанные с коммуникативной перегрузкой. Известно, что большинство стрессогенных факторов относится именно к коммуникативным, а человеческое общение по своей природе является конфликтогенным. При этом фиксация негативных состояний, связанных с коммуникативной перегрузкой в конце рабочей недели, зависит от возраста учителей, а также от их эмоционального состояния.

Результаты проведенных исследований показывают, что 62 % учителей постоянно испытывают психологический дискомфорт при исполнении их профессиональных обязанностей, 85 % – подвержены устойчивым стрессам, 33 % – страдают заболеваниями нервной системы, 85 % женщин-учителей считают, что их профессионально-педагогическая деятельность неудовлетворительно влияет на семейные отношения [Казин и др., 2001].

Г. С. Никифоров [Психология профессионального здоровья, 2006], ссылаясь на исследования специалистов, констатирует, что учителя как профессиональная группа отличаются крайне низкими показателями здоровья, которое снижается по мере увеличения стажа работы в школе. Установлено, что спустя 15–20 лет педагогической деятельности учитель оказывается в состоянии психологического кризиса: развивается истощение нервной системы, эмоциональное выгорание. Утраты в здоровье учителя, которое может рассматриваться как показатель степени социальной адаптации, нередко ниже, чем у больных неврозами.

Существует несколько основных факторов риска профессии учителя. Во-первых, неадекватная оценка труда учителя общества в целом. Во-вторых, некорректность предъявляемых требований, зачастую неосознанных самими предъявителями. В-третьих, изменившийся интеллектуальный потенциал учащихся. В-четвертых, отличающиеся стили взаимоотношения разных учителей с учащимися одной референтной группы.

К особенностям труда учителя, способствующим психическому и физическому напряжению, а при наличии дополнительных неблагоприятных факторов и развитию болезней, относятся определенные требования к психическим процессам – вниманию, памяти и речи: распределение внимания с его длительной фиксацией на нескольких объектах, способность запоминать и воспроизводить большой объем информации, большие нагрузки на голосовой аппарат, дополнительные нагрузки, связанные с проверкой письменных работ учащихся, подготовкой к урокам и т. д. [Вассерман, Беребин, 1997].

Надо сказать, что недостаточное развитие коммуникативных способностей и навыков саморегуляции также приводит к тому, что значительная часть педагогов (в процентном отношении к другим профессиям) страдает многочисленными соматическими и нервно-психическими болезнями, которые зачастую являются следствием профессионального стресса [Психология профессиональной деятельности, 2003; Психология профессионального здоровья, 2006].

В связи с чем целью работы являлось исследование состояния эмоциональной и коммуникативной сфер у учителей. Мы предположили, что у учителей в связи со спецификой их профессии «тревожность», «чувство вины» и коммуникативные проблемы являются значимыми личностными характеристиками и негативным образом влияют на их межличностное поведение и состояние здоровья.

Методика. Методологическую основу исследования составили системный и функциональный подходы, а также концепция экологических систем [Никандров, 2003]. В работе был использован психодиагностический метод, включающий в себя опросники ММРІ [Собчик, 2003]; УСК [Методика определения..., 1984]; Басса – Дарки [Ениколопов, 1990]; Спилбергера – Ханина [Карандашев и др., 2004]; опросник для диагностики астении [Шац, 1991]; метод ДМО [Метод диагностики..., 2002]. Данные проведенного исследования были обработаны с использованием статистических пакетов Statistica 6 и SPSS 11.5.

Выборка состояла из 157 учителей школы-гимназии, давших согласие на участие в исследовании. Из них были сформированы три группы: I группа – 114 чел. (женщины-европейки; возраст свыше 30 лет); II группа – 25 чел. (женщины-азиатки; возраст до 40 лет); III группа – 18 чел. (мужчины-европейцы; возраст свыше 30 лет). Малочисленность II и III групп обусловлена составом педколлективов школ с обучением на русском языке.

Данные, полученные в результате проведенного исследования, в последующем рассматривались с учетом выделенных групп. Все участники исследования хорошо владели русским языком.

Результаты и обсуждение

Данные клинико-биографического метода и анкеты. Проведенное исследование показало, что педагогический коллектив в значительной степени феминизирован, в нем преобладают лица зрелого возраста, с высшим образованием. Достаточно отчетливо просматривается тенденция старения кадров среди лиц европейской национальности.

Значительный процент составляют учителя всех групп, у которых обнаружены те или иные проявления астенического симптомокомплекса, относящиеся к наиболее частым нарушениям в клинике как внутренних и нервных болезней, так и невротозов и психосоматических заболеваний.

Данные, полученные с помощью астенического опросника, свидетельствуют о том, что характер жалоб на состояние здоровья в трех группах практически однообразный. Статистически достоверное различие ($t = 2,58; p < 0,05$) между I и II группами было получено по единственному параметру – это «целый день не чувствуешь усталости», который выше во II группе. Это и понятно, и объяснимо, поскольку II группа состоит из индивидов в возрасте от 20 до 40 лет, а в I группе – индивиды после 30 лет. Многим женщинам этого возраста приходится совмещать гораздо большее количество обязанностей, чем мужчинам, и исполнять значительно больше разных ролей в течение дня.

В группе учителей были выявлены как общие, так и групповые личностные характеристики. К общим относятся следующие характеристики (см. рисунок): мотивационная направленность личности на соответствие нормативным критериям, как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма; умение сдерживать присущие человеку слабости, противиться соблазнам; выраженная потребность в помощи; эмоциональное перенапряжение; тревожная мнительность и обособленно-созерцательная личностная позиция; механизм трансформации тревоги, проявляющийся в интеллектуальной переработке и ограничительном поведении, направленном на избегание неуспеха и проявляющегося эпизодами навязчивости; склонность к повышению поведенческой активности в ситуации стресса и к проявлению сердечно-сосудистых

сивность; у представителей II группы обнаружена тенденция к проявлению в большей степени «косвенной», «вербальной агрессии» и «подозрительности», а у представителей III группы к проявлению «физической агрессии». Было установлено, что интенсивность проявления чувства вины зависит от возраста и стажа работы учителей: чем больше стаж и возраст, тем меньше интенсивность проявлений «чувства вины». У мужчин проявление «чувства вины» значительнее, чем у женщин, а у женщин-азиаток значительнее, чем у женщин-европеек.

Данные методики ДМО. Были выявлены следующие общие и групповые особенности у учителей в межличностных отношениях.

Общими тенденциями для представителей всех групп являлось стремление быть более уверенными в себе, более доброжелательными и конгруэнтными с окружающими их людьми, с готовностью помогать окружающим (вплоть до склонности брать на себя чужие обязанности) с чертами лидерства и способностью к сопереживанию. Также выявлены гиперсоциальные установки и стремление к уменьшению чувства вины. Кроме этого, у представителей всех групп выявлена тенденция к невротизации.

Для представителей I группы в большей степени характерно следующее: характеристики эмоционально-лабильной личности с чертами демонстративности; проблема болезненного самолюбия и подавленной враждебности, вызывающей повышенную напряженность; недружелюбие, несдержанность и вспыльчивость; соматизация тревоги; склонность к психосоматическим заболеваниям; вегетативный дисбаланс как результат блокированности поведенческих реакций; жертвенность; чрезмерное упорство, но при этом выражены чувство вины, сверхконформность и зависимость от мнения других.

Для представителей II группы характерно следующее: стремление быть человеком, обладающим более сильным характером, ответственным, конвенциональным и умеющим сочувствовать и быть дружелюбным; выражена готовность помогать окружающим; но при этом отмечается нетерпимость к критике; переоценка собственных возможностей; выражено чувство соперничества и настойчивости в достижении цели; при этом выражены чувство вины и потребность в помощи и доверии со стороны окружающих, в их признании.

У представителей III группы выявлены стремление к альтруизму и готовность помогать окружающим, искренность, непосредственность, прямолинейность. Но при этом выражено стремление к лидерству.

Данные опросника Спилбергера – Ханина. У представителей всех групп повышен уровень как личностной, так и ситуативной тревожности.

Проведенный анализ полученных усредненных профилей личностных характеристик показал, что «тревожность» и «чувство вины» являются значимыми характеристиками во всех группах учителей.

Следующий этап работы – исследование специфики проявления «тревожности», «чувства вины» у учителей в разных группах. Помимо этого нас также интересовало проявление «агрессивности» и «враждебности». Для решения поставленной задачи был проведен множественный линейный регрессионный, факторный и кластерный анализ.

Данные линейного регрессионного анализа. Регрессионный анализ показал, что на усиление «личностной тревожности» у женщин-европеек оказывает влияние ответственность за те или иные события в их семьях, а проблемы на работе и ответственность за них усиливают «ситуативную тревожность», а также «чувство вины». В группе женщин-азиаток на усиление «личностной тревожности» и «чувства вины» оказывает влияние «ситуативная тревожность», обусловленная страхом отрицательной оценки тех или иных действий либо событий, и, наоборот, на усиление «ситуативной тревожности» оказывает влияние высокая «личностная тревожность». В группе мужчин-европейцев на усиление «личностной тревожности» и «чувства вины» оказывает влияние «ситуативная тревожность», обусловленная страхом отрицательной оценки тех или иных действий или событий, а на усиление «ситуативной тревожности» – обидчивость на замечания, критику, отношение других к себе.

На усиление «Агрессивности» оказывают влияние в группе женщин-европеек проблемы на работе и ответственность за них, в группе женщин-азиаток – перекладывание ответственности в межличностном взаимодействии на окружающих, в группе мужчин-европейцев – повышение косвенной агрессии.

На усиление «враждебности» оказывают влияние в группе женщин-европеек проблемы на работе и ответственность за них, в группе женщин-азиаток – повышение уровня чувства вины, в группе мужчин-европейцев – повышение уровня подозрительности.

Данные факторного и кластерного анализа. Были выделены три различных аспекта межличностных отношений у учителей: «пассивные», отличающиеся склонностью к компромиссам, неуверенностью в себе, конформностью, подчиняемостью; «доминирующие»,

характеризующиеся стремлением к доминированию и лидерству; «Конфликтные», отличающиеся конфликтным, неконформным поведением. Учителя, вошедшие в эти группы, составляют 56 %. Выявлена взаимозависимость неконструктивных стилей межличностных отношений у учителей с проявлениями тревожности, чувством вины (особенно в группе «пассивных»), агрессивностью и интернальностью. Другими словами, недостаточное развитие коммуникативных способностей и навыков саморегуляции способствовало развитию эмоционального неблагополучия в здоровье учителей.

Так, на основании анализа медицинского статуса и психологического обследования учителей, было установлено, что 84 чел. нуждались в помощи. Из них: на стационарное лечение с диагнозами в рамках рубрики F45 в отделение «Неврозов и соматоформных расстройств» Республиканского Центра Психического здоровья г. Бишкека было направлено 17 чел. (10,8 %), на амбулаторное лечение – 12 чел. (7,6 %) и непосредственно в условиях школы наблюдалось 55 чел. (35,0 %). Среди указанных лиц преобладали невротические расстройства в виде астеноневротического синдрома (40 чел. – 47,6 %), тревожно-депрессивного синдрома (13 чел. – 15,5 %), обсессивно-фобического невроза (8 чел. – 9,5 %), невротические нарушения сна (9 чел. – 10,7 %), психоэмоциональная лабильность (14 чел. – 16,7 %).

Исходя из вышесказанного мы считаем, что в образовательных учреждениях необходима систематическая работа в области психопрофилактики, и эта работа должна проводиться с учетом психологических особенностей разных возрастных периодов и опираться на фундаментально разработанную методологию на основании проведенных исследований. Такой подход необходим в связи с тем, что если своевременно не скомпенсировать донологические проявления нарушений эмоций у учителей, то эти нарушения могут стать почвой для развития либо психических, либо психосоматических заболеваний.

Основой психопрофилактической программы должна быть первичная психопрофилактика. При построении психопрофилактической программы необходимо учитывать не только свойства психики здоровых индивидов, но и защитные силы самого организма и факторы окружающей их среды, которые в совокупности обуславливают выносливость индивида к вредным воздействиям, в том числе и эмоционально-аффективному напряжению [Реан и др., 2006; Психотерапия, 2007].

Предложенная нами психопрофилактическая модель, направленная на реорганизацию взаимоотношений между подсистемами «учителя», «учащиеся», «родители» и внутри подсистем в школьной системе, адаптирована к реальным условиям школы и позволяет проводить эффективную профилактическую работу в привычных для учащихся, учителей и родителей учащихся условиях, не отрывая их от образовательного процесса.

Содержание системной интегративной психопрофилактической программы определялось выявленной структурой эмоциональных состояний у учителей, а также использованием учителями неконструктивных стратегий межличностных отношений, которые и обуславливали этапность в процессе взаимодействия с учителями.

Нами были выделены следующие этапы: «Присоединения», «Когнитивно-поведенческий», «Терапевтический», «Заключительный».

На этапе «Присоединения» очень важно, чтобы индивид чувствовал себя в безопасности во время работы с психологом, что достигалось использованием положений гуманистического подхода. Согласно гуманистическому подходу психолог входит в такой контакт с индивидом, который воспринимается им не как лечение и изучение его с целью диагностики, а как глубоко личный контакт. Очень важно на этом этапе психологу быть недирективным.

На этом этапе основными методами работы являлись: 1 – участие в педсоветах; 2 – проведение тематических семинаров-тренингов и обучающих семинаров; 3 – проведение психологического консультирования (индивидуального и группового).

Второй этап «Когнитивно-поведенческий» направлен на развитие навыков самопознания, саморегуляции, общения и межперсонального взаимодействия, основой которого был когнитивно-бихевиоральный подход (А. Beck, А. Ellis, W. Dryden и др.). Однако и на этом этапе мы опирались на положения гуманистической психологии. На данном этапе одним из основных методов работы был тренинг, стимулирующий личностный рост, с использованием видеообратной связи.

При разработке социально-психологического тренинга использовались техники и приемы, применяемые в различных психологических и психотерапевтических школах: в большей степени когнитивно-поведенческой направленности, а также с опорой на методологию гуманистического и психодинамического подходов.

На этом этапе с участниками тренинга по необходимости также проводилось психологическое консультирование.

На «Терапевтическом» этапе основной для проведения психотерапии, как индивидуальной, так и групповой, являлась личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия – Л.-о. (р.) п. Именно трехчленная структура Л.-о. (р.) п. также позволяет использовать поэтапную смену доминирующих теоретических подходов и соответствующих им методических приемов при работе с конкретным индивидом или психотерапевтической группой.

Л.-о. (р.) п. по своей сути, скорее, психодинамическая, однако также активно ассимилирует идеи гуманистической психологии, фиксирующей внимание на интегрирующем эмоциональном переживании и атмосфере психотерапевтического воздействия. Для закрепления когнитивных и эмоциональных изменений в Л.-о (р.) п. используются принципы и методы поведенческой психотерапии.

И на этом этапе по необходимости, в процессе групповой психотерапии, с участниками проводилось психологическое консультирование.

На «Заключительном» этапе обсуждалось дальнейшее взаимодействие учителей с психологом.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что предложенная нами психопрофилактическая модель, направленная на реорганизацию взаимоотношений между подсистемами «учителя», «учащиеся», «родители» и внутри подсистем в школьной системе, адаптированная к реальным условиям школы, позволяет проводить эффективную профилактическую (в том числе, и психокоррекционную, и психотерапевтическую, и консультативную) работу в привычных условиях для учителей без отрыва их от образовательного процесса.

Список литературы

Багнетова Е. А., Шарифулина Е. Р. Профессиональные риски педагогической среды // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1, ч. 1. С. 27–31.

Вассерман Л. И., Березин М. А. Пособие для врачей и психологов. СПб., 1997. 52 с.

Ениколопов С. Н. Опросник Басса – Дарки: практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Издво МГУ, 1990. С. 6–12.

Казин Э. М., Федоров А. И., Панина Т. С., Заруба Н. А. Социальные и педагогические аспекты сохранения здоровья субъектов образовательного процесса // Мир образования – образование в мире. 2001. № 1. С. 146–162.

Карандашев В. Н. и др. Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию методики Ч. Спилбергера / В. Н. Карандашев, М. С. Лебедева, Ч. Спилбергер. СПб.: Речь, 2004. 80 с.

Собчик Л. Н. Метод диагностики межличностных отношений (ДМО) // Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2002. С. 47–93.

Методика определения уровня субъективного контроля (УСК): Метод. реком. / Сост. Е. Ф. Бажин, Ч. А. Голынкин, А. Э. Эткин; Упр. по внедрению новых лекарств, ср-в и мед. техники. М., 1984. 22 с.

Митина Л. М., Асмаковец Е. С. Эмоциональная гибкость учителя: психологическое содержание, диагностика, коррекция. М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2001. 192 с.

Никандров В. В. Неэмпирические методы психологии: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. 53 с.

Психология профессионального здоровья: Учеб. пособие / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2006. 480 с.

Психология профессиональной деятельности. 2-е изд. / Под ред. Н. В. Самоукиной. СПб.: Речь, 2006. 480 с.

Психотерапия: Учебник. 3-е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2007. 672 с.

Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

Собчик Л. Н. СМЛЛ (ММРЛ). СПб.: Речь, 2003. 219 с.

Учительство как социально-профессиональная группа / В. С. Собкин, П. С. Писарский, Ю. О. Коюмиец; под ред. В. С. Собкина. М.: Рос. акад. образования, 1996. 102 с.

Шац И. К. Опросник для диагностики астении // Психодиагностические методы в педиатрии и детской психоневрологии: Учеб. пособие / Под ред. Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана. СПб.: ПМИ, 1991. С. 11–14.

I. A. Ageeva, O. V. Kiseleva

¹*Kurghyz Russian Slavic University
44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyzstan*

²*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

mars53_2001@mail.ru; kiseleva_ov@inbox.ru

**OBJECTIVES OF PSYCHOLOGICAL PREVENTIVE WORK
WITH TEACHERS OF SECONDARY SCHOOL**

The monography considers the questions concerning the state of health and efficiency of teachers of secondary schools. It has been shown that *uneasiness* and *sense of guilt* are significant characteristics in all the groups of teachers and they impact negatively on their health and communicative abilities, complicating self-control processes. On the basis of the obtained data it has been demonstrated that educational institutions need the systems approach in the psychological preventive work and this work should be carried out with consideration of the psychological features of the different age periods and should be based on the fundamentally developed methodology on the basis of the conducted researches.

Keywords: teachers of secondary school, level of uneasiness, sense of guilt, communicative abilities, health, psychological preventive work.

УДК159.9

Н. Масатака¹, Л. Перловский^{2,3}

¹ *Институт исследования приматов при Университете Киото
ул. Канрин, 41, Инуяма, префектура Айти, 484-8506, Япония*

² *Центр биомедицинской визуализации А. А. Мартинос
при Гарвардском университете
149 Thirteenth Str., Чарлстаун, 02129, США*

³ *Исследовательская лаборатория ВВС
5135 Pearson Road, building 10, Деймон, 45433, США*

masataka@pri.kyoto-u.ac.jp

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ,
СПРОВОЦИРОВАННЫХ МУЗЫКОЙ МОЦАРТА,
ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ***

Дебаты о происхождении и функциях музыки имеют долгую историю. В то время как некоторые ученые утверждают, что музыка сама по себе не играет адаптивной роли в эволюции человека, другие полагают, что музыка явно играет эволюционную роль, и указывают на универсальность музыки. Современная гипотеза заключается в том, что фундаментальная функция музыки состоит в том, чтобы помочь смягчить когнитивный диссонанс, который оказывается дискомфортом, вызванным одновременным появлением противоречащих знаний. Обычно это приводит к их обесцениванию. Здесь мы предлагаем экспериментальное подтверждение этой гипотезы, используя классическую парадигму знаний для создания когнитивного диссонанса. Результаты нашего эксперимента показывают, что воздействие музыки Моцарта оказывает сильное положительное влияние на эффективность у маленьких детей, и это воздействие послужило основой, с помощью которой они получили возможность разрешить когнитивный диссонанс.

Ключевые слова: воздействие музыки, когнитивный диссонанс, эффект Моцарта.

* Перевод статьи: *Masataka N., Perlovsky L. The efficacy of musical emotions provoked by Mozart's music for the reconciliation of cognitive dissonance. Sci. Rep. 2, 694: DOI:10.1038/srep00694 (2012).*

Масатака Н., Перловский Л. Эффективность музыкальных эмоций, спровоцированных музыкой Моцарта, для разрешения когнитивного диссонанса // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 154–166.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2

© Н. Масатака, Л. Перловский, 2017

© Л. К. Рашевская, пер., 2017

Эффект, который оказывает прослушивание музыки Моцарта на пространственное мышление, широко исследуется с 1993 г. [Rauscher et al., 1993; Cooper, 2001]. Кроме того, в 2008 г., «Nature» опубликовал серию эссе о музыке [Editorial..., 2008]. Авторы согласились, что музыка является кросскультурной и универсальной, ведь еще «никто не был в состоянии ответить на фундаментальный вопрос: почему музыка имеет такую власть над нами?» [Ball, 2008]. Здесь мы предлагаем экспериментальную демонстрацию того, что музыка помогает примирить когнитивный диссонанс. Когнитивный диссонанс является «дискомфортом, который вызывается появлением противоречивых знаний» в одно и то же время ¹ (см. также: [Cooper, 2007]). Люди предпочитают избегать этого дискомфорта и обычно производят девальвацию противоречивых знаний [Festinger, 1957]. Современная гипотеза [Perlovsky, 2010], экспериментально подтвержденная здесь, предполагает, что музыка может смягчить когнитивный диссонанс и помочь держать противоречивые знания в уме.

Древние греки знали, что людям не нравится диссонанс, и, как правило, они решают его, обесценивая конфликтующее знание. В басне Эзопа лиса видит высоко подвешенный виноград, ее желание съесть виноград и неспособность его достать находятся в конфликте. Лиса преодолевает этот когнитивный диссонанс, решив, что виноград кислый и его не стоит есть. С 1959 г. когнитивный диссонанс стал широко и интенсивно изучаться областью психологии. Известно, что теперь когнитивный диссонанс – это затруднение, и люди часто принимают иррациональное решение, чтобы его избежать [Aronson, Carlsmith, 1963]. В данном исследовании когнитивный диссонанс был экспериментально создан для 4-летних детей с использованием устоявшегося метода (парадигмы вынужденного согласия). В соответствии с предыдущим исследованием, схожий когнитивный диссонанс у взрослых был подтвержден и у детей в возрасте 4-х лет с помощью этого метода [Cooper, 2007]. Эксперимент проводился дважды, чтобы утвердить заключения (будем называть их ниже «первый эксперимент» и «второй эксперимент»). Общая процедура была заимствована в обоих экспериментах, которые были по сути идентичными с тем предыдущим исследованием [Aronson, Carlsmith, 1963]. С каждым ребенком, в первой сессии, экспериментатор, который не был уведомлен о цели данного

¹ Wikipedia. Cognitive dissonance. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Cognitive_dissonance (March 20th, 2012).

эксперимента, играл в «оценочную игру», выпытывая рейтинг игрушек. В следующей сессии, в то время, как ребенок играл с игрушками, экспериментатор говорил: «я должен уйти на несколько минут, чтобы сделать поручение. Но почему бы тебе не остаться и не поиграть с игрушками, пока меня не будет? Я скоро вернусь. Ты можешь играть с этим [указывая], с этим и этим. Но я не хочу, чтобы ты играл с [говорит название игрушки со второго места рейтинга]». В соответствии с предыдущим исследованием, это, как и ожидалось, создало когнитивный диссонанс и в итоге привело к девальвации второго места у игрушки. Именно этот результат наблюдался, когда экспериментатор вернулся и играл в «оценочную игру» снова: игрушка, которая ранее оценивалась как вторая, была девальвирована в ближний нижний ранг.

С другой стороны, в соответствии с предыдущим исследованием, если нет необходимости примирить когнитивный диссонанс, то это не может быть экспериментально продемонстрировано как увеличение рейтинга запрещенной игрушки со стороны участников [Aronson, Carlsmith, 1963]. На основании этих выводов, мы провели эксперименты с другой группой детей, которые отличаются только в одном отношении. А именно, участники подвергались музыке во время игры в одиночку (в первом эксперименте – соната Моцарта, во втором – один из фортепианных концертов Моцарта). Мы решили использовать эти музыкальные произведения как побуждающие отрывки, потому что психофизиологические эффекты, которые оказывает эта соната или концерт на слушателей, были широко исследованы и обозначены как «эффект Моцарта» [Cooper, 2001]: он усиливает когнитивные функции у слушателей и повышает активацию мозга. Десять минут прослушивания сонаты, как было установлено, повышают производительность пространственных навыков рассуждения и у взрослых, и у детей. Относительно этой сонаты, электроэнцефалографические измерения маленьких детей во время воздействия музыкой показали повышенную синхронность в схеме срабатывания правой лобной и левой височно-теменной областей, а также повышение мощности бета-спектра в чрезвычайно широких областях головного мозга. Такое накопление доказательств может привести к гипотезе, что дети, подвергшиеся воздействию музыки, могут быть более возбужденные, чем обычно, вместо того, чтобы успокаиваться. Деятельность лимбической системы, которая предрасполагает детей к удовольствию, как отмечалось ранее, может снизиться.

Если такая музыка действительно помогает смягчить когнитивный диссонанс, мы ожидаем, что обесценивание игрушки, занимающей второе место, будет не таким сильным, как без прослушивания музыки, или, возможно, будет происходить увеличение рейтинга этой игрушки [Aronson, Carlsmith, 1963]. Результаты должны быть объяснены с указанием того, что музыка оказывает сильное положительное влияние на эффективность детей не только на относительно низких уровнях их познания (например, пространственное мышление), но и на гораздо более высоких уровнях. Так что это, вероятно, послужило основой, с помощью которой дети получили возможность примирить когнитивный диссонанс, как это и предполагалось в теории когнитивной функции музыки [Perlovsky, 2010]. На самом деле, именно это и наблюдалось. Группа детей, подвергшихся воздействию музыки, не девальвировали «запретную» игрушку. Мы пришли к выводу, что музыка на самом деле помогла смягчить когнитивный диссонанс, и в девальвации не было необходимости.

Результаты

Результаты изменений рейтинга у участников относительно привлекательности «запрещенной» игрушки представлены в табл. 1. В первом эксперименте с воздействием сонаты Моцарта 15 из 25 участников увеличили рейтинг игрушки, 7 не изменили рейтинг, 3 снизили его. В то время как без воздействия музыки 5 участников увеличили их рейтинг, 14 не изменили и 6 снизили его. Рейтинг игрушки более вероятно увеличился с воздействием сонаты, чем без воздействия музыки, и менее вероятно, что он уменьшился от такого воздействия, чем без него ($\chi^2(1) = 4,58, P = 0,032$). Когда разница между рангом в первом рейтинге и рангом во втором рассчитывалась для каждого участника, средняя разница была статистически значима между двумя группами участников ($t(48) = 3,48, P < 0,001$). Во втором эксперименте с воздействием концерта Моцарта результаты были похожи: 15 из 25 участников увеличили рейтинг игрушки, 6 не изменили рейтинг и 5 снизили. В отличие от этого, без воздействия музыки 6 участников увеличили их рейтинг, 14 не изменили его и 5 снизили. Разница между этими двумя положениями снова оказалась статистически значимой ($\chi^2(1) = 7,06, P = 0,029$). Когда среднюю разницу для каждого участника сравнивали с рангом в первом рейтинге и рангом во втором между двумя участниками групп, различие оказалось статистически значимым ($t(48) = 3,63, P < 0,001$). Не было обнаружено никаких

статистически значимых различий между двумя экспериментами: без воздействия музыки ($\chi^2(1) = 0,08, P = 0,962$) и с воздействием сонаты или концерта ($\chi^2(1) = 0,09, P = 0,956$).

В каждом эксперименте группа из 25 участников испытывала третье экспериментальное условие – решительно сформулированная просьба не играть с игрушкой («Я не хочу, чтобы вы играли с [говорит название игрушки, которая заняла второе место в рейтинге]. Если ты будешь играть с ней, я буду очень разочарован. Я должен буду взять все мои игрушки и пойти домой, и больше никогда не возвращаться. Ты можешь играть со всеми остальными игрушками в то время, когда я уйду. Но если ты будешь играть с [говорит название игрушки, которая заняла второе место в рейтинге], то я решу, что ты еще просто маленький ребенок».) Ожидалось, что это третье экспериментальное условие, в соответствии с предыдущими исследованиями, не приведет когнитивного диссонанса и, следовательно, было проведено без воздействия музыки, так как не ожидалось никакой девальвации. Результаты третьего экспериментального условия также приведены в табл. 1.

Таблица 1

Изменение привлекательности игрушки, занимающей второе место в рейтинге, с которой запретили играть, в первом и втором исследовании

Первое исследование			
Экспериментальные условия	Рейтинг		
	вырос	не изменился	снизился
Мягкая просьба с музыкой	15	7	3
Мягкая просьба без музыки	5	14	6
Жесткая просьба без музыки	16	8	1
Второе исследование			
Экспериментальные условия	Рейтинг		
	вырос	не изменился	снизился
Мягкая просьба с музыкой	15	6	4
Мягкая просьба без музыки	6	14	5
Жесткая просьба без музыки	14	8	3

В первом эксперименте 16 участников увеличили рейтинг, только 1 участник снизил его и 8 не изменили. Это значительно отличалось в изменении рейтинга (девальвация из-за когнитивного диссонанса) у участников, которые испытали мягкую просьбу без воздействия музыки ($\chi^2(1) = 9,33, P = 0,009$). Когда разница между рангом в первом рейтинге и рангом во втором рейтинге рассчитывалась для каждого участника, средняя разница была статистически значима между двумя группами участников ($t(48) = 3,21, P < 0,001$). Однако это изменение рейтинга, зарегистрированное при третьем экспериментальном условии, существенно не отличается от зарегистрированного ранее изменения рейтинга у участников с воздействием музыки ($\chi^2(1) = 1,03, P = 0,597$). Когда средняя разница между рангом в первом рейтинге и рангом во втором рейтинге для каждого участника сравнивалась между двумя участниками групп, различие не было статистически значимым ($t(48) = 0,59, P = 0,674$). Эти результаты подтвердили ожидания, основанные на предыдущих исследованиях, что жестко сформулированная просьба не приводит к когнитивному диссонансу и девальвации. Аналогичные результаты были получены во втором эксперименте: 14 участников увеличили рейтинг, 3 снизили и 8 не изменили его. Это было значительным отличием от изменения рейтинга (девальвация из-за когнитивного диссонанса), которое зарегистрировано у участников, испытывающих мягкую просьбу без воздействия музыки ($\chi^2(1) = 8,44, P = 0,004$). Когда разница между рангом в первом рейтинге и рангом во втором рейтинге рассчитывалась для каждого участника, средняя разница между двумя группами участников была статистически значимой ($t(48) = 3,30, P < 0,001$). Однако изменение рейтинга, зарегистрированное в третьем условии, существенно не отличается от изменения рейтинга зарегистрированного ранее у участников с воздействием музыки ($\chi^2(1) = 0,32, P = 0,852$). Когда средняя разница для каждого участника между рангом в первом рейтинге и рангом во втором рейтинге сравнивалась между двумя участниками групп, различие не было статистически значимым ($t(48) = 0,53, P = 0,713$). Опять же не было никаких статистически значимых различий между экспериментами ($\chi^2(1) = 0,13, P = 0,936$).

Кроме того, все участники были протестированы для оценки изменения привлекательности игрушки, когда она была изъята. Цель данного тестирования (именуемого как «контрольный тест») – создать надлежащую основу для эксперимента, как это проводилось в предыдущих исследованиях, которые изучали, изменилось ли ранжирование ключевой игрушки планомерно, а не просто, когда игрушка была

изъята. Результаты суммированы в табл. 2. Среди 25 детей, которые ранее в первом эксперименте испытывали мягкую просьбу с воздействием музыки, 16 увеличили рейтинг игрушки, 3 снизили его, а остальные 6 не изменили рейтинг. Аналогично в группе с мягкой просьбой без воздействия музыки, 16 увеличили рейтинг, 4 уменьшили и 5 ничего не изменили. Разница не была статистически значимой ($\chi^2(1) = 0,09$, $P = 0,956$). Подобные результаты были зарегистрированы среди 25 участников, которые ранее испытывали жесткую просьбу без воздействия музыки: 15 увеличили рейтинг игрушки, 2 снизили, а остальные 8 не изменили его. Это изменение рейтинга при изъяти той игрушки существенно не отличается от участников, которые ранее испытали мягкую просьбу с воздействием музыки ($\chi^2(1) = 0,72$, $P = 0,696$) или без воздействия музыки ($\chi^2(1) = 0,32$, $P = 0,853$). Данные, представленные в табл. 2, показывают, что привлекательность игрушки для детей, как правило, повышена, если она была временно изъята от них. Эта тенденция наблюдалась во всех тестируемых группах, и она соответствовала ранее описанным выводам. В итоге все эти дополнительные эксперименты, проведенные для сопоставления с ожиданиями, основанными на прошлых исследованиях, прошли, как и предполагалось.

Таблица 2

Изменение привлекательности игрушки, которая занимала второе место в рейтинге, когда ее изымали

Предшествующее воздействие	Рейтинг		
	вырос	не изменился	снизился
Мягкая просьба с музыкой	16	6	3
Мягкая просьба без музыки	16	5	4
Жесткая просьба без музыки	14	7	4

Обсуждение

Когда запрещалось играть с игрушкой (без воздействия музыки), 25 детей в группе, что испытали мягкую просьбу, скорее всего, де-

вальвировали эту игрушку, в отличие от группы из 25 детей, которые переживали жесткую просьбу. Эти данные соответствуют следующему понятию, которое было предложено классической теорией когнитивного диссонанса: когда ребенок переживает жесткую просьбу, его знание, что он не играет с привлекательной игрушкой, соглашается со знанием, что ему жестко поручили с ней не играть. Противоположная этому ситуация, когда ребенок воздерживается от игры с игрушкой в отсутствие жесткой просьбы: он испытывает когнитивный диссонанс, и его знание, что он не играл с игрушкой, может быть интерпретировано как диссонирующее с его знанием, что это было привлекательно. Чтобы уменьшить этот диссонанс, он девальвирует игрушку. Эти результаты, полученные с использованием методологии, воспроизводящей эффекты когнитивного диссонанса, которые наблюдались в предыдущих исследованиях, показывают, что эти дети испытали когнитивный диссонанс [Aronson, Carlsmith, 1963]. Однако при тех же обстоятельствах 25 детей в группе, которые подверглись воздействию сонаты Моцарта, были менее склонны девальвировать игрушку; то же самое произошло и в группе из 25 детей, которые подверглись воздействию концерта Моцарта. Это указывает на то, что музыка позволила детям примирить когнитивный диссонанс, как и предполагалось в теории когнитивных функций музыки [Perlovsky, 2010].

В то время как эти эксперименты не напрямую свидетельствуют о влиянии музыки на человеческую эволюцию, они выявляют несколько фундаментальных проблем. Во-первых, всякое познание или часть знаний противоречит врожденному инстинктивному влечению в определенной степени (иначе инстинктивного влечения было бы достаточно для принятия решения, связанного с этим знанием. Познание в таком случае не было бы полезным, и оно бы не проявлялось. Это же относится к любой паре знаний: если нет даже незначительного противоречия между ними, одно из знаний будет бесполезно). Другими словами, полезные знания всегда связаны противоречиями. Сам процесс мышления включает в себя оценку противоречивых вариантов. В соответствии с существующим пониманием когнитивного диссонанса, противоречивые знания девальвируются [Aronson, Carlsmith, 1963]. Поэтому накопление знаний и способность думать нуждаются в механизме разрешения (преодоления) когнитивного диссонанса. Ввиду важности этого вывода, даже первый шаг в этой работе на выявление механизма преодоления когнитивного диссонанса оказывается фундаментально значимым.

Второй принципиальный вопрос, обращенный к нашим экспериментам, касается существования когнитивных функций музыки. Как уже говорилось, современное когнитивное и эволюционное музыковедение столкнулось с большими спорами в попытке определить такую функцию в музыке [Masataka, 2003, 2008a]. Этот вопрос рассматривался великими умами около 2 500 лет и завершился тем, что решение осталось загадкой [Masataka, 2008b]. Примирить когнитивный диссонанс и сделать мышление возможным могут фундаментальные когнитивные функции музыки.

В данной работе экспериментальное состояние «жестко сформулированной просьбы» было предоставлено без музыки, так как предполагалось, что это условие не будет создавать никаких когнитивных диссонансов. Тем не менее включение этого условия в трактовку музыкального воздействия по отношению к трактовке воздействия без музыки может укрепить нынешние выводы; если в действительности нет диссонанса, то не должно быть никакой разницы в рейтинге для жестко сформулированной просьбы при воздействии музыкой или при ее отсутствии. Кроме того, оценка состояния возбуждения участников после различных процедур должна иметь значение в качестве дополнительной меры в оказании помощи при решении, действительно ли они испытывали когнитивный диссонанс. По-видимому, это и есть те вопросы, которые должны быть исследованы в ближайшем будущем.

Методы

Это исследование было проведено в соответствии с принципами, выраженными в Хельсинской декларации. Все экспериментальные протоколы согласуются с Guide for the Experimentation with Humans и одобрены Institutional Ethical Committee of Primate Research Institute, Kyoto University.

Участники. В качестве участников мы набрали 75 типично развивающихся 4-х летних мальчиков из нескольких детских садов в округах Киото и Айти, Япония. Мы получили письменное информированное согласие от родителей всех участников, вовлеченных в наше исследование. Они были случайным образом распределены в одну из трех групп, каждая из которых состояла из 25 детей для последующего эксперимента. Экспериментальная игровая комната была звуконепроницаемая (3,5 × 5,5 м), она была знакома всем участникам.

Комната содержала на одной стороне зеркало для наблюдений и низкий стол, на котором экспериментатор мог показывать 5 игрушек. На потолке был установлен потолочный громкоговоритель, практически над столом. Для показываемых игрушек было рандомно выбрано в общей сложности 10 различных миниатюрных фигур монстров из мультфильма (известного как «Rockemon»). Они были случайным образом распределены в один из двух наборов, каждый из которых состоял из пяти фигур. Все эти 10 фигур были получены на основе изображений монстров, которые участвовали в телевизионном мультфильме «Pocket Monster». Все игрушки очень популярны среди детей в Японии, особенно у мальчиков, и, как ожидалось, возможность поиграть с ними будет встречена с энтузиазмом. До начала экспериментальной сессии экспериментатор провел несколько недель в детских садах, играя с детьми, чтобы к началу сессии все они могли его хорошо знать, .

Процедура. И в первом, и во втором эксперименте экспериментатор приводил каждого участника в экспериментальную комнату, закрывал дверь и показывал участнику игрушку. Он пояснял, что каждый монстр был игрушкой, и позволял участнику поиграть с ней немного, прежде чем перейти к следующему. После того как участник познакомился со всеми игрушками, экспериментатор предлагала «игру вопросов», после которой участник мог вернуться к возможности играть с игрушками. Экспериментатор размещал все игрушки на полу и садился напротив участника на другой стороне стола. Поставив две игрушки на стол (например, показывали Jorohda и Yonoire), он спрашивал: «Если бы ты мог играть с Jorohda [поднимает игрушку] или с Yonoire [поднимает игрушку]. С какой бы игрушкой ты хотел играть?»

После того как участник отвечал, экспериментатор заменял две игрушки на полу, ставил две других игрушки на стол и продолжал до тех пор, пока участник не сделает выбор между всеми 10 возможными парами. С помощью этой процедуры, ранжированием была получена наиболее предпочтительная игрушка (ранг 1) и наименее предпочтительная (ранг 5). Следуя этой процедуре, можно было бы ожидать некоторые несоответствия в выборе участника (например, участник предпочел игрушку А игрушке В, игрушку В игрушке С, а игрушку С игрушке В). Но в действительности, в данном эксперименте такого не произошло. После того как участник ранжирует игрушку, экспериментатор берет игрушку со вторым рангом, ставит

ее на стол в центре комнаты, оставшиеся игрушки при этом расположены на полу, и говорит: «Я должен сейчас уйти на несколько минут, чтобы сделать поручение. Но почему бы тебе не остаться и не поиграть с этими игрушками, пока я не вернусь? Ты можешь играть с этой игрушкой [указывает], с этой и этой. Но я не хочу, чтобы ты играл с [говорит название игрушки со вторым рангом]».

В этот момент были введены экспериментальные условия. Для каждого из 25 детей в одной из трех групп, которые испытывают жесткую просьбу, экспериментатор продолжал: «Я не хочу, чтобы ты играл с [говорит название игрушки со вторым рангом]. Если ты будешь с ней играть, то я буду разочарован. Я должен буду забрать мои игрушки, пойти домой и никогда не возвращаться. Ты можешь играть со всеми остальными игрушками пока я отошел, но если ты будешь играть с [говорит название игрушки со вторым рангом], то я решу, что ты просто ребенок. Я скоро вернусь».

Для каждого из детей в двух других группах, которые испытывали мягко сформулированную просьбу, экспериментатор продолжал: «Я не хочу, чтобы ты играл с [говорит название игрушки со вторым рангом]. Если ты будешь играть с ней, то я буду недоволен. Но ты можешь играть со всеми остальными, пока я отошел. Я скоро вернусь».

Затем экспериментатор выходил из комнаты. Когда он уходил, он включал аудио проигрыватель, подключенный к потолочному динамику. Если ребенок был в одной из двух групп, которые испытывали мягко сформулированную просьбу, то он прослушивал музыку Моцарта. В первом эксперименте – соната Моцарта для двух фортепиано в ре мажоре, К.448, во втором – фортепианный концерт Моцарта № 23К.448 в ля мажоре (уровень звукового давления: 65 дБ в каждом эксперименте). Музыка продолжала играть до тех пор, пока экспериментатор не возвращался и не выключал проигрыватель. В двух других группах дети остались без такого воздействия на период ухода экспериментатора из комнаты.

В итоге общий замысел в первом и втором экспериментах отличался только в одном отношении: музыка, которая играла в одной из трех групп. Кроме того, группа участников, которые испытали мягкую просьбу с музыкой в первом эксперименте, впоследствии испытали жесткую просьбу без музыки во втором эксперименте. В то же время группа участников, которая испытала мягкую просьбу без музыки в первом эксперименте, впоследствии испытала мягкую просьбу с музыкой во втором эксперименте. А оставшаяся группа, состоящая

из участников, которые испытали жестко сформулированную просьбу без музыки, испытали во втором эксперименте мягкую просьбу с музыкальным воздействием.

Список литературы

Aronson E., Carlsmith J. M. Effect of the severity of threat on the devaluation of forbidden behavior // *J. Abnor. Soc. Psych.* 1963. Vol. 66. P. 584–588.

Ball P. Facing the music // *Nature.* 2008. Vol. 453. P. 160–162.

Cooper J. Cognitive dissonance: 50 years of a classic theory. Sage, 2007.

Cooper J. S. The Mozart effect // *J. Royal Soc. Med.* 2001. Vol. 94. P. 170–172.

Editorial. Bountiful noise // *Nature.* 2008. Vol. 453. P. 134.

Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford Univ. Press, 1957.

Masataka N. The onset of language. Cambridge Univ. Press, 2003.

Masataka N. The origins of language. Springer, 2008a.

Masataka N. The origins of language and the evolution of music: a comparative study // *Phys. Life Rev.* 2008b. Vol. 6. P. 11–22.

Perlovsky L. I. Musical emotions: functions, origin, evolution // *Phys. Life Rev.* 2010. Vol. 7. P. 2–27.

Rauscher F. H., Shaw G. L., Ky K. N. Music and spatial task performance // *Nature.* 1993. Vol. 365. P. 611.

N. Masataka¹, **L. Perlovsky**^{2,3}

¹ *Primate Research Institute, Kyoto University
41 Kanrin, Inuyama, Aichi 484-8506, Japan*

² *Athinoula A. Martinos Center for Biomedical Imaging, Harvard University
149 Thirteenth Str., Charlestown, MA 01129, USA*

³ *Air Force Research Laboratory
5135 Pearson Road, building 10, Dayton, OH 45433, USA*

masataka@pri.kyoto-u.ac.jp

**THE EFFICACY OF MUSICAL EMOTIONS PROVOKED
BY MOZART'S MUSIC FOR THE RECONCILIATION
OF COGNITIVE DISSONANCE**

Debates on the origin and function of music have a long history. While some scientists argue that music itself plays no adaptive role in human evolution, others suggest that music clearly has an evolutionary role, and point to music's universality. A recent hypothesis suggested that a fundamental function of music has been to help mitigating cognitive dissonance, which is a discomfort caused by holding conflicting cognitions simultaneously. It usually leads to devaluation of conflicting knowledge. Here we provide experimental confirmation of this hypothesis using a classical paradigm known to create cognitive dissonance. Results of our experiment reveal that the exposure to Mozart's music exerted a strongly positive influence upon the performance of young children and served as basis by which they were enabled to reconcile the cognitive dissonance.

Keywords: impact of music, cognitive dissonance, Mozart effect.

УДК 159.9

Е. С. Гусева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

h2q@ngs.ru

**О НЕОКАТАРСИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ МУЗЫКИ
НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ Г. УСТВОЛЬСКОЙ)**

«Ты понял, в тебе произошло изменение,
произошел катарсис...»
М. Мамардашвили

В контексте проблемы катарсического воздействия искусства анализируется образно-смысловое содержание сочинений Г. Уствольской (Композиция № 1, Соната № 6, Симфонии № 2, 4). Отмечаются факторы, которые проблематизируют эффект катарсиса. В процессе интерпретации в аспекте бинарности и в аксиологическом ключе духовного реализма сочинений Г. Уствольской показывается, что их содержание апеллирует к рефлексивному восприятию, побуждает к экзистенциальной рефлексии. Это обуславливает возможность эффекта неокатарсиса, т. е. катарсиса, воздействующего на сознание и побуждающего к гармонизации отношений с миром. Данное наблюдение подтверждается вербально выраженной рефлексией музыкантов и музыковедов. Отмечается, что предпосылки к неокатарсическому воздействию прослеживаются на уровне внутритекстового смыслообразования, связанного с «логикой преобразования» негативной образности. Вывод: музыка Г. Уствольской, при условии рефлексивного восприятия и слышимая в аксиологическом ключе духовного реализма, способна дать опыт этического неокатарсиса, катарсиса, оздоровляющего сознание человека.

Ключевые слова: музыка Г. Уствольской, катарсис, неокатарсическое воздействие, бинарность, негативная и позитивная образность, рефлексия, смысловосприятие.

Гусева Е. С. О неокатарсическом воздействии музыки на сознание человека (на примере сочинений Г. Уствольской) // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 167–189.

В современном искусствознании и, в частности, работах по музыкальной психологии, довольно распространенным является мнение о том, что произведения так называемой «высокой» («серьезной», классической) музыки способны оказывать благотворное и катарсическое воздействие на человека. В таком действии зачастую отказано произведениям поп-, рок-музыки, джазу. Влияние этого жанрового пласта на психофизиологию, интеллект и мировоззрение часто оценивается как негативное, и даже как антикатарсическое, например, в исследованиях В. Е. Семенова [1994; 1996]. Интересно, что ученый указывает на деструктивное воздействие не только произведений массового искусства XX в., но и авангардистского, причем как в эмоциональном аспекте (вызывает «состояние угнетенности, униженности, страха... агрессивности»), так и в эстетическом («выражает чувство дисгармонии, хаоса, безобразия»), а также в этическом плане («порождает антигуманные чувства, отчужденность, агрессивность») (см. об этом: [1994. С. 117–118]).

Избегая столь крайних и однозначных оценочных суждений, выскажем с целью подведения к проблеме катарсического воздействия искусства музыки Г. Уствольской, в которой авангардистское начало (в системе музыкального языка и художественной образности) является ярко выраженным, три наблюдения.

Первое. Важно понимать, что воздействие искусства всегда глубоко индивидуально, а произведения, несущие в себе огромный катарсический потенциал, вовсе не обязательно могут оказывать катарсическое, преображающее воздействие. В связи с этим уместно будет вспомнить слова Л. С. Выготского о том, что воздействие искусства «может привести к совершенно различным результатам и последствиям» [2008. С. 275]. «Как нож и как всякое другое орудие, – поясняет ученый, – оно само по себе не хорошо и не дурно, или, вернее сказать, включает в себе огромные возможности и дурного и хорошего...» [Там же].

В этом плане интересно исследование Е. И. Леер, в котором с помощью метода нелинейной стохастической кардиоинтервалометрии было выявлено позитивное воздействие рок- и хаус-музыки, а именно, оптимизация у мальчиков и юношей сенсорно-перцептивных процессов, в отличие от девочек и девушек, которых оптимизируют духовные песнопения и классическая музыка [2017. С. 168]¹.

¹ Интересны и такие результаты работы исследовательницы: «...достоверно более высокие показатели общего и невербального интеллектуального развития отме-

Второе. Также важно понимать значимую роль эмоций страха в классическом катарсисе, эстетическое воздействие которых и их проживание, наряду с состраданием, определяет механизм катарсического «очищения» в психоэмоциональной сфере. Напомним, что в аристотелевском понимании катарсис есть очищение души на некоторое время² от сильных эмоциональных аффектов «посредством сострадания и страха» [Аристотель, 1998. С. 1072], и связан он с распознаванием (осознаванием) аффектов. Отметим, что в современном искусствознании и в психологии понятие «катарсис», следуя толкованию Аристотеля, обычно трактуется как своего рода душевная разрядка, т. е. как воздействие, связанное с изменением психоэмоционального состояния личности. Однако в катарсисе важна не просто разрядка аффектов, но и следствие такового – гармонизация внутреннего состояния человека.

Третье. Катарсис как эффект воздействия не обязательно может быть связан с действием на психоэмоциональную сферу, он может затрагивать и сферу сознания и мышления. Вовсе не случайно Г. Г. Шпет рассматривает катарсис как «доведение противоречия *до сознания*» (курсив наш. – Е. Г.) (цит. по: [Зинченко, 2006. С. 6]), а М. Н. Эпштейн пишет о катарсисе мышления [2001. С. 86], об интеллектуальном катарсисе (см.: [Эпштейн, 2007]).

Важно понимать, что катарсис (будь то психоэмоциональный, эстетический, философский) производит такие изменения в психике, в сознании человека, которые гармонизируют его как личность.

Цель статьи. В контексте проблемы катарсического воздействия искусства весьма интересной представляется музыка Г. Уствольской,

чаются у юношей, предпочитающих рок- и хаус-музыку, и у девушек, предпочитающих классическую музыку и духовное песнопение» [Леер, 2017. С. 167]; «...юноши, предпочитающие классическую музыку и духовное песнопение, равно как и девушки, отдавшие свои предпочтения рок- и хаус- музыке, характеризуются более низкими показателями интеллектуального развития в сочетании с эмоционально-личностными проблемами [Там же. С. 168–169].

² Кратковременность эффекта катарсического действия очень хорошо раскрыта в следующем художественном фрагменте из повести А. Платонова «Котлован»: «К бараку подошла музыка и заиграла особые жизненные звуки, в которых не было никакой мысли, но зато имелось ликующее предчувствие, приводившее тело Вощева в дребезжащее состояние радости. Тревожные звуки внезапной музыки давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть ее, чтобы найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности. Музыка перестала, и жизнь осела во всех прежней тяжестью» [Платонов, 2009. С. 422]

значимую роль в которой играет негативная образная сфера, сопряженная с трагическим началом. Именно эта сфера является «камнем преткновения» для слушательского сознания, порождая различные в содержательном и аксиологическом плане толкования. Нам хотелось бы показать, опираясь на вербально выраженную рефлексию слушателей (в том числе, исполнителей, композиторов и музыковедов), как по-разному и почему по-разному могут восприниматься и пониматься сочинения композитора, воздействуя на слушателей негативным образом (на уровне психоэмоциональных переживаний), либо как исцеляющие сознание человека. Также нам хотелось бы показать, при каких условиях возможно катарсическое воздействие музыки Г. Уствольской на сознание человека в такой его форме, как этический неокатарсис (подробно о нем будет сказано далее).

В методологическом плане в качестве подтверждения наблюдений о возможности неокатарсического воздействия музыки Г. Уствольской на сознание слушателей мы будем задействовать вербально выраженную рефлексию музыкантов-исполнителей (Масаюки Ясухара, Е. Г. Пупкова,), музыковедов (Л. И. Раабен, Т. В. Чередниченко), композиторов (А. М. Изосимов). В контексте проблематики данной статьи их высказывания, связанные с впечатлением о музыке Г. Уствольской, выполняют верифицирующую роль.

Начнем с указания на то, что сам технический план содержания произведений Г. Уствольской, т. е. система музыкально-выразительных средств, используемых композитором, может проблематизировать катарсическое воздействие ее музыки. Это и провокативная неэстетичность музыкальных звучностей с повышенной звуковой диссонантностью музыкальной ткани (что, в отличие от консонансов, вряд ли воздействует благоприятным образом на психофизиологию человека), значимая роль кластерной техники, повышенный уровень громкостной динамики (*ffff*, *fffff*).

Названные средства могут эпатировать и шокировать своим звучанием слушателей, вызывая подчас эмоционально отторгающую реакцию в виде оценки «это – не музыка». При каком условии? Назовем самое очевидное: если слушательское сознание в ценностно-мировоззренческом и эстетическом плане ориентировано на музыкально-языковые нормы классико-романтической музыки. В этом случае музыка Г. Уствольской – а ее стиль не случайно характеризуется как «крайняя точка авангарда» и как «предел, за которым искусство смыска-

ется с неискусством»³ – может небезосновательно восприниматься, например, как «диссонанс от начала до конца» и как разрушительная и иконоборческая музыка⁴. Не удивительно, что в дискуссиях об академической музыке (на интернет-форумах) можно встретить высказывания, свидетельствующие об антикатарсическом действии музыки Г. Уствольской на психофизиологию человека⁵.

Однако «камнем преткновения» для слушательского сознания может выступать и художественный план содержания сочинений Г. Уствольской, в особенности сфера негативной образности, которая играет значимую роль в художественном мире композитора. Так, негативная образность обычно интерпретируется исследовательским сознанием как образы зла, состояния страха (Е. Борисова [2004. С. 45]), ужаса и отчаяния (И. Г. Райскин [2009]), «страшные эмоции» (С. Бокман, цит. по: [Хиллари..., 2007]). Приведем еще несколько выразительных высказываний музыковедов. О. И. Гладкова пишет: «Темные лабиринты звукового мира Уствольской страшны безысходной тупиковостью» [1999. С. 147]. В таком же ключе исследовательница характеризует, в частности, художественную образность финала Октета для двух гобоев, четырех скрипок, литавр и фортепиано Г. Уствольской, выразительно описывая «сухие, зловещие кластеры» и семь «стучащих ударов, гнетущих и страшных, проникающих в мозг» [Там же. С. 57–58]. Сходным образом характеризует образное содержание фортепианных Сонат № 5 и 6 В. Н. Холопова, отмечая, что они «полны мрачной давящей силы, выражающей негативное начало жизни, зло» [2015. С. 187]. Как «творчество абсолютной безысходности» характеризует музыку композитора С. Бокман (см. об этом: [Музыкальный альманах..., 2008]).

Как видно из приведенных высказываний, негативная образность в произведениях Г. Уствольской часто воспринимается и интерпретируется слушательским сознанием в эмоционально-психологическом ключе. Это во многом определяет аксиологическую ее оценку как музыки трагически-безысходной.

Может показаться, что подобное восприятие и понимание музыки Г. Уствольской, в том числе, восприятие обыденным слушательским сознанием по горизонтальной оси эмоционального содержания, а так-

³ См. об этом: [Кривошеева, 2007. С. 105].

⁴ Из отзывов американских критиков на музыку Г. Уствольской (см. об этом: [Гладкова, 1999. С. 106]).

⁵ См., например: Любимый современный композитор [Архив]. 2005. URL: <http://www.forumklassika.ru/archive/index.php/t-3342.html> (дата обращения 29.08.2017).

же условно-рефлекторным способом ⁶, несколько проблематизирует эффект катарсического воздействия (в классическом его понимании) сочинений композитора. Однако, если принять во внимание значимую роль эмоций страха в осуществлении катарсической реакции, а также высказанное Л. С. Выготским в работе «Психология искусства» положение о том, что действие искусства определяется далеко не только механизмом заражения эмоциями, но и их преобразованием в содержании произведения искусства, то в совокупности это вовсе не исключает возможность *эстетического* катарсиса. Прочитаем исследователя: «Если бы стихотворение о грусти, – пишет Л. С. Выготский, – не имело никакой другой задачи, как заразить нас авторской грустью, это было бы очень грустно для искусства. Чудо искусства скорее напоминает другое евангельское чудо – претворение воды в вино, и настоящая природа искусства всегда несет в себе нечто претворяющее, преодолевающее обыкновенное чувство, и тот же самый страх, и та же самая боль, и то же волнение, когда они вызываются искусством, заключают в себе еще нечто сверх того, что в них содержится. И это нечто преодолевает эти чувства, просветляет их, претворяет их воду в вино, и таким образом осуществляется самое важное назначение искусства» [2008. С. 259].

Продолжая теоретические рассуждения, укажем, что, наряду с эстетическим катарсисом, нельзя исключить возможность несколько иного механизма катарсического воздействия музыки Г. Уствольской – «резонансного» психоэмоционального катарсиса, сходного с аристотелевским, т. е. реакцию по принципу «подобное вытесняется подобным», когда в процессе переживания негативных эмоций происходит их высвобождение («сжигание»), но не их подавление, в результате чего слушатель может испытывать на некоторое время состояние эмоционального очищения. Заметим, в таком механизме есть определенное сходство с катарсическим методом в психоанализе З. Фрейда.

⁶ Говоря об условно-рефлекторном способе восприятия, мы исходим из классификации способов восприятия искусства, предложенной В. И. Кузиным в его работе [2003]. Упорядочивая их по степени сознательной активности воспринимающего, ученый выделяет два способа и один промежуточный вариант: 1) безусловно-рефлекторный способ восприятия (сознательная активность минимальна); 2) рефлексивный, когда эффект воздействия возникает вследствие осознанных действий воспринимающего; 3) условно-рефлекторный, при котором переживания, испытываемые при восприятии произведений, тождественны жизненным, житейским переживаниями (подробнее об этом см.: [Там же. С. 4–35]).

В практическом плане в контексте проблемы катарсического воздействия музыки Г. Уствольской любопытным представляется то, что катарсическую реакцию может проблематизировать не только технический план содержания сочинений композитора (о чем было сказано в начале статьи), и не столько сама сфера негативной образности, но и акцентирование слушательского внимания на волевом (позитивном) начале, ярко заявленном в художественном мире Г. Уствольской и прочитываемом при рефлексивном способе восприятия. Так, например, Т. В. Чередниченко, характеризуя художественное пространство сочинений композитора как ухваченное «в грандиозном стремлении к самопреодолению», отмечает следующее: «Но расслабляющий катарсис, сопутствующий достижению цели, не наступает» [2002].

И действительно, прослушивание сочинений Г. Уствольской (например, Композиции № 1, фортепианной Сонаты № 6, Симфоний № 2, 3, 4, 5) вряд ли может дать опыт «расслабляющего катарсиса». На наш взгляд, воздействие музыкальных произведений композитора связано с иной формой катарсической реакции – с так называемым «неокатарсисом», который, по объяснению М. О. Переясловой, использующей это понятие для характеристики воздействия русской прозы на читателей, «несет не безусловное обретение гармонии и ясности, но неустрашимый порыв к их достижению», и который есть «катарсис будоражащий, тревожащий, не дающий умиротворения» [2012. С. 8].

Подчеркнем, что неокатарсис как эффект воздействия, будучи производным от классического катарсиса и являясь одной из его форм, способен дать не столько психоэмоциональное очищение и просветление в результате разрядки аффектов, сколько ментальное и духовное прозрение, имеет этическую окрашенность, а значит, способен влиять на сознание человека.

Для нас очевидно, что одним из важнейших условий для эффекта неокатарсиса, наряду с психоэмоциональным восприятием и таковым же переживанием художественного содержания произведений искусства (что актуально для условно-рефлекторного способа, удваивающего обыденные, житейские эмоции), является их *осознанное от-рефлексирование* и осмысление. Это становится возможным при рефлексивном способе восприятия.

В связи со сказанным чрезвычайно важно отметить, что сама музыка Г. Уствольской, онтологической модальностью которой является духовное содержание, а методом и стилем – духовный реализм, за-

печатлеват действие не столько эмоций, сколько действие духовных сил в человеке.

Определяя метод и стиль Г. Уствольской как духовный реализм и заимствуя это понятие из современного литературоведения, поясним, что под ним мы понимаем, в отличие от стиля реализма как натуралистичности изображения видимого мира, реалистичность в выражении внутренней субъективно проживаемой и рефлексивной человеком духовной реальности, реальности его внутреннего бытия, связанной с экзистенциальными переживаниями и с осмыслением вопросов подлинности и неподлинности личностного существования.

Отличаясь высокой степенью рефлексивности, музыка Г. Уствольской, ценностно-смысловым содержанием которой является экзистирование о подлинном и неподлинном существовании человека, апеллирует к рефлексивному способу восприятия. Интересно, что сама композитор осознавала, что ее музыку «очень трудно понимать» [Композитор Галина Уствольская, 2017], и подчеркивала следующее: «Если я всю себя, все свои силы вкладываю в свои сочинения, то и слушать меня надо по-новому, тоже вкладывая свои силы!» [Г. И. Уствольская..., 1994].

В целях подтверждения возможности неокатарсической реакции в музыке Г. Уствольской, обратимся к конкретным ее произведениям, например, к Сонате № 6 (1988 г.). Рассмотрим в аспекте бинарности⁷ структурно-смысловую организацию текста этого произведения, а также попробуем осмыслить художественный план его содержания в аксиологическом ключе духовного реализма как метода и стиля Г. Уствольской, акцентируя при этом внимание на некоторых особенностях их структурно-смысловой организации и особенностях смысловосприятия.

⁷ При таком ракурсе рассмотрения мы будем задействовать метод бинарного анализа-интерпретации, разрабатываемого автором статьи. Основывается он на структурно-семиотическом и герменевтическом подходах, а также включает опыт феноменологического постижения образно-смыслового значения бинарных оппозиций. Алгоритм бинарного анализа выстраивается из трех этапов: 1) структурный анализ текста в аспекте бинарности; 2) семантический анализ выявленных бинарных структур; 3) истолкование ценностно-символического и метафорического значения бинарных оппозиций. Поясним, что третий этап апеллирует к рефлексивному способу восприятия – не только к способности слышать в музыкальном звучании «миметические» смыслы, например, прочитывая содержание музыкального текста как запечатленные в нем эмоции и переживания человека, но и к способности воспринимать скрывающийся в них метафорический и символический смысл.

В связи с обозначенной выше установкой необходимо пояснить, что творчество Г. Уствольской видится благодатным полем для исследования в предлагаемом бинарном аспекте. К этому предрасполагает как музыкальный язык композитора, изобилующий приемами контрастных протвопоставлений, так и рельефно выраженный в ее сочинениях дуализм образной сферы⁸.

Выделим для герменевтической ориентации в образно-смысловом пространстве музыки Г. Уствольской два смысловых полюса (сферы): позитивный и негативный.

Первый полюс связан с духовно-возвышенной и лирической образностью, с волевым движением, присутствующим почти в каждом сочинении композитора, с молитвенным началом – личностным и соборным (Композиции, Симфонии). В музыке Г. Уствольской молитвенное начало получает два способа выражения: вербальное и на имманентно-музыкальном уровне. Вербальный способ связан с использованием программных религиозных названий и подзаголовков, данных автором ряду своих сочинений (Композициям и Симфониям), а также – с введением молитвенных текстов в их партитуру⁹.

Второй полюс – сфера негативной образности, которая, как уже было сказано, обычно интерпретируется музыковедами как образы зла, состояния страха. Важную роль в воплощении негативной образности играют такие художественно-выразительные приемы, как механистично-обездушенное скандирование в духе секвенции «*Dies irae*» (в частности, аллюзия на нее звучит в Октете, Прелюдиях для фортепиано, в Симфонии № 4), агрессивное или отчаянное звучание мно-

⁸ На дуальность образной сферы во многих сочинениях Г. Уствольской как на важнейшую характеристику их содержания обращают внимание многие музыковеды, интерпретируя это смысловое качество не обязательно в аксиологическом ключе духовного реализма. Например, Н. В. Васильева указывает на две «крайние точки эмоциональной шкалы» в сочинениях Г. Уствольской (в Композициях, Симфониях, Трио для кларнета, скрипки и фортепиано, Октете, Большом виолончельном и Скрипичном дуэтах) – оппозицию «образов страшных наваждений (дьявольских кружений, угрожающих шествий) и состояний молитвенного транса, полной прострации» [Васильева, 2004. С. 18]. В близком духе проговаривает содержание музыки композитора И. М. Некрасова: как разыгрывание мистерии души и «внутреннее рождение света из тьмы» [2005. С. 114].

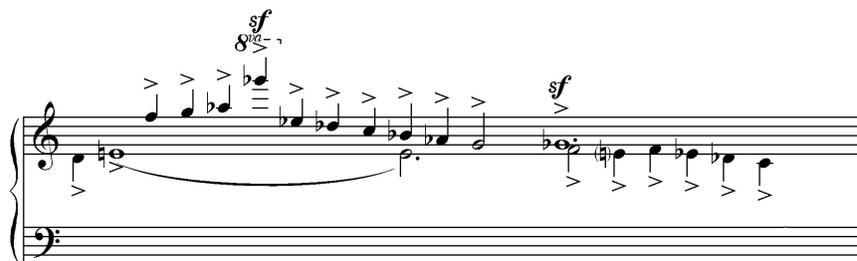
⁹ Так, за исключением Первой симфонии, остальные четыре имеют молитвенные подзаголовки: «Истинная, вечная Благость!», «Иисусе Мессия, спаси нас!», «Молитва», «Аминь». Тексты молитв непосредственно вводятся в Третью, Четвертую и Пятую симфонии. Религиозны названия Трех Композиций (1970–1975 гг.): «*Dona nobis pacem*», «*Dies irae*», «*Benedictus, qui venit*». В партитуру каждой из них также вводятся молитвенные слова.

гократно повторяемых кластерных комплексов, повышенная диссонантность музыкальной ткани.

Дуальность образной сферы в музыке Г. Уствольской проявляется на разных «этажах» в иерархической структуре музыкального содержания (образ, тема, идея). Назовем такие логико-семантические полярные оппозиции, присутствующие во многих сочинениях композитора, как «действенность – созерцательность», «волевое движение – медитативность». На взаимодействии этих оппозиций выстраивается образная драматургия во всех анализируемых в данном разделе сочинениях Г. Уствольской (Сонаты № 2, 6; Композиция № 1; Трио для кларнета, скрипки и фортепиано). Названные образно-семантические оппозиции могут выстраиваться на различных масштабных уровнях композиционной структуры музыкальных текстов композитора: интонационно-мотивных взаимодействий, тематических, на уровне крупных разделов и частей. На уровне художественной темы образно-семантические пары («действенность – созерцательность», «волевое движение – медитативность»), если учитывать их музыкально-языковую связь с жанрово-семантической «прообразностью» духовно-религиозной музыки (монодийность, хоральность, колокольность), допускают интерпретацию как сопряженных с оппозициями «вечное – временное», «возвышенное – земное», «личностное начало – надличностное». В экзистенциально-смысловом поле духовного реализма, вбирающего в себя и молитвенное начало, обозначенные семантические и образно-смысловые оппозиции («действенность – созерцательность», «волевое напряжение – медитативность», «личностное – надличностное», «временное – вечное», «земное – возвышенное») предрасполагают к ценностно-символическому прочтению и допускают их истолкование как экзистенциальных антиномий. Это антиномии «вера – безверие», «свет – тьма», «жизнь – смерть», «отчаяние – надежда», «противление несвободе – устремление к духовной свободе». Будучи сопряженными между собою, эти экзистенциальные антиномии, подобно двум разнонаправленным движениям души, образуют смысловое ядро многих сочинений автора.

Своеобразным образом двухполюсность художественного мира и экзистенциальное содержание проявляются в Сонате для фортепиано № 6 (1988 г.) Г. Уствольской. Так, на уровне технического плана содержания музыкальный текст этого произведения выстраивается классическим бинарным способом: как разновременное противопоставление двух тематических линий (разделов). В первом из них –

«консонантном» – господствуют подчеркнуто «выпрямленные» гаммообразные мелодические линии (см. нотный пример 1).

Нотный пример 1. Г. Уствольская. Соната № 6. Экспозиционный раздел, первая тематическая линия (фрагмент)

Второй раздел (тематическая линия) – «диссонантный» – основан на хроматических кластерных многозвучностях, исполняемых локтями и кулаком (см. нотный пример 2).

Нотный пример 2. Г. Уствольская. Соната № 6. Экспозиционный раздел, вторая тематическая линия (фрагмент)

Заметим, что бинарность прослеживается также в общей композиционной логике сонаты (на уровне крупных разделов): в парадоксальном одномоментном сочетании статики и динамики, «острейшего накала экспрессии» и одновременно «гипнотизирующей статичности», по точной характеристике Н. В. Васильевой [2014. С. 90].

Отметим ценностную неоднозначность консонантной сферы. Так, в самом столкновении консонантных и диссонантных образных сфер настораживает утрированная, буквально «кричащая» консонантность первого раздела. В подчеркнутой «белоклавишной» диатоничности звучания гаммообразных пассажей (первая тематическая

линия), если учесть сознательную «перпендикулярность» музыкального языка и мышления Г. Уствольской нормам советской официальной музыкальной эстетики, можно услышать своего рода пародию на музыкально-языковые стереотипы советской массовой культуры, «выпрямляющей» сознание «человека общественного»¹⁰.

Образно-смысловая двойственность сферы негативной образности ощущается также во втором тематическом разделе. Это качество отчетливо проявляется в драматическом кульминационном разделе сонаты. Он выстраивается на длительно выдерживаемом иступленном скандировании «зловещих» кластеров на пределе максимальной громкости. Для понимания их художественно-выразительной роли очень важны слова самой Г. Уствольской, сказанные по поводу исполнительской интерпретации содержания своих сонат: «Сила (*fff*) и покой (*ppp*) в них должны быть осмысленными, а не просто меняющейся динамикой» (цит. по: [Васильева, 2014. С. 83]). И тогда в предельной диссонантности этого раздела, в звучании кластеров – «сила (*fff*)» – можно услышать, мощный волевой напор, несущий в себе чувство протеста, и смысловые коннотации семантики набатной колокольности.

Важно сказать о том, что на уровне художественной темы, прочитывающейся в аксиологическом измерении духовного реализма, волевое протестное начало, проявляющееся в негативной образности второго раздела, может быть интерпретировано как связанное с темой духовной свободы, которая раскрывается в таком смысловом качестве, как противление несвободе.

Важно сказать о том, что смысловое ядро Сонаты № 6, как и многих других сочинений композитора, прочитываемое в вертикальном измерении духовного реализма, образует сопряженные между собою такие экзистенциальные антиномии, как «отчаяние – надежда», «противление несвободе – устремление к духовной свободе».

Интересно отметить, что смысловые коннотации темы духовной свободы, содержащиеся в музыкальных текстах Г. Уствольской (кроме Сонаты № 6 назовем, к примеру, Сонаты № 3, 5, Двенадцать фортепианных прелюдий), прочитываются и рядом других исследователей и музыкантов. Так, Т. В. Чередниченко (в аспекте восприятия музыки композитора) пишет об ощущении «разрывания оков» [2002],

¹⁰ Не случайно Е. Налимова в своей диссертации, посвященной творчеству Г. Уствольской, рассматривает ее музыку «как форму сопротивления советской музыкальной традиции и общепринятым формам выражения» [Nalimova, 2012. P. 108].

а пианист Масаюки Ясухара отмечает, что в сочинениях Г. Уствольской «присутствует стремление к свободе» [2001. С. 106].

Укажем, что в аспекте смысловосприятия нельзя исключить и социально-идеологическую подоплеку художественного содержания негативной образности в музыке Г. Уствольской, особенно если учесть драматизм социокультурной ситуации, в контексте которой создавались сочинения композитора. В этом внешнем контексте так ясно слышимые в Сонате № 6 образы зла и отчаяния оказываются связанными с выражением чувства протеста против творимого в стране социально-политического ужаса¹¹.

Так, И. А. Лихачев по поводу Октета Г. Уствольской высказал следующее впечатление: «Это мог написать только тот, кто был с нами в проклятых лагерях, на лесоповале» (цит. по: [Райскин, 2013. С. 6]). В схожем ценностно-смысловом плане интерпретирует содержание фортепианной музыки Г. Уствольской исполнительница Е. Г. Пупкова: «Более мрачной и безысходной музыки я никогда не играла. Я вижу в ее музыке концентрационные лагеря и слышу вопли жертв»¹².

На наш взгляд, трагедийный «ужас» негативной образности, воспринимаемый и понимаемый в аксиологическом ключе духовного реализма и в сопряжении с религиозным содержанием музыки Г. Уствольской, можно интерпретировать как «секуляризованную» апокалиптичность, отражающую ситуацию «богоутраты» и состояние «богоотставленности», однако несущих в себе по принципу «от противного» чувство несогласия и протеста против такого экзистенциального состояния человека.

Обратим внимание, что приведенные выше интерпретации содержания музыки Г. Уствольской (Т. В. Чередниченко, Масаюки Ясухара, Д. Лихачева, Е. Г. Пупковой), независимо от содержательных различий, свидетельствуют о способности образно-смыслового содержания сочинений композитора оказывать будоражающее действие на сознание человека, включать механизм рефлексии, апеллировать к этическому осмыслению мира. Именно этой своей способностью музыка Г. Уствольской, и, в частности Соната № 6, обуславливает неокатарсическое воздействие на сознание человека.

¹¹ Этот содержательный аспект и подтекст музыки Г. Уствольской акцентируется во многих зарубежных исследованиях, посвященных творчеству композитора, например в работах Е. Налимовой [Nalimova, 2012], С. Попович [Popowich, 2011].

¹² Пупкова Е. Г. В искусстве главное – искренность. Интервью А. Кузнецова с Е. Г. Пупковой. URL: <http://pupkova.ru/prensa/fortepiano-2-2004-v-iskusstve-glavnoe-iskrennost/> (дата обращения 29.08.2017).

В качестве еще одного подтверждения способности музыкальных сочинений Г. Уствольской оказывать неокатарсический эффект на сознание слушателей, обратимся к Композиции № 1, имеющей название «*Dona nobis pacem*» – «Даруй нам мир» (1971 г.). Абсурдизм музыкального звучания этого сочинения, например «мышинный писк» флейты и «квакающие звуки» тубы [Суслин, 1996. С. 146], никак не соотносимые с заявленным автором религиозным названием, может шокировать слушательское сознание.

В аспекте художественного восприятия (суть – рефлексивном способе восприятия) и при восприятии в аксиологическом измерении духовного реализма, образную сферу Композиции № 1 в ценностно-символическом плане можно интерпретировать как взаимодействие оппозиций «абсурдное – осмысленное», «неподлинное – подлинное».

Отметим, что в этом сочинении, как и в других инструментальных произведениях композитора (например, в симфониях), происходит парадоксальное сцепление внешней неэстетичности с этическим звучанием художественного смысла. Данное качество в целом присуще художественной образности современного искусства. Вспомним, например, оперу А. Шнитке «Жизнь с идиотом» (в основе ее либретто лежит одноименный рассказ В. Ерофеева), в которой «испытание ужасом» ее сценического действия в этическом плане оборачивается испытанием на человечность [«Жизнь с идиотом»..., 2004].

Нам видится, что образно-смысловое содержание Композиции № 1 побуждает к экзистенциальной рефлексии, к осознанию мира и себя в этом мире. Это подтверждает, в частности, композиторская рефлексия В. Суслина, связанная с осмыслением и переосмыслением образов зловещего, абсурдного цирка как образов зла и хаоса, которые царят в мире (подробнее об этом см.: [Суслин, 1996]).

Таким образом, в Композиции № 1 заложен потенциал неокатарсического воздействия на сознание слушателей. Однако, если учесть эпатажный характер музыкального звучания этого сочинения, а также важную смыслообразующую роль оппозиции «абсурдное – осмысленное», то можно увидеть, что своим содержанием это произведение, при условии рефлексивного восприятия, обуславливает возможность и несколько иной формы катарсической реакции, связанной с так называемым негативным катарсисом.

Поясним, что под негативный катарсисом Ф. А. Пономарев, использующий его для типологии катарсических эффектов в русской прозе, понимает «катарсис от противного, который рождается...

в глубоком несовпадении мира художественного и мира реального», вызывающий «ужасание», что «может заставить читателя пережить очищение и оптимистично воспринимать реальность». Формулой его действия является «очищение посредством страха через абсурд» [Пономарев, 2007. С. 22–24], «очищение абсурдом» (как, например, в произведениях Ю. Мамлеева, В. Пелевина и других современных писателей).

Так, обращаясь к произведениям Ю. Мамлеева, Ф. А. Пономарев отмечает, что в них «легко вычленивается еще одна разновидность катарсического воздействия, так называемый негативный катарсис <...> этот вид катарсиса рождается в соприкосновении с реальностью» [2004. С. 136]. Далее ученый поясняет: «Катарсис в данном случае рождается не столько во внутритекстовом пространстве, сколько в контакте текста с окружающим реальным миром. “Ужасание” до физического неприятия, до физиологического отторжения может заставить читателя пережить очищение и оптимистично воспринимать реальность» [Там же. С. 138].

Продолжая рассуждения и наблюдения за эффектом неокатарсиса в сочинениях Г. Уствольской, укажем на то, что предпосылки к неокатарсическому воздействию прослеживаются и на уровне внутритекстового смыслообразования ее произведений, например, в Симфониях № 2, 4, 5, заложены в саму композиционную их структуру, в художественную логику этих произведений, которую можно назвать «логикой преобразования» негативной образности. Проявляется эта закономерность в том, что в текстах названных произведений в процессе антиномичного взаимодействия двух образных полюсов (образов экзистенциальной «тьмы» и молитвенного начала) происходит убывание, «истаивание» негативной образности.

Наглядным образом убывание негативной образности в Симфонии № 2 можно представить с помощью следующего схематического изображения ее композиционной модели: *АВАВАВА А/В АВА* (где *А* – полюс позитивной образной сферы, *В* – полюс негативной сферы). При этом интересно то, что в процессе драматургического развития происходит высвобождение образов «света» изнутри негативной образности.

Так, в Симфонии № 2 после многократного «захода» негативной образности и накопления звуковой агрессии возрастает духовное духовное сопротивление в молитвенном начале и происходит усмирение и просветление этой негативной сферы.

Для доказательности сравним неистовое звучание фортепианной партии во время «захода» негативной образности после молитвенного зова (см. нотный пример 3) со звучанием *solo* фортепиано в заключительном разделе симфонии (см. нотный пример 4).

Нотный пример 3. Г. Уствольская. Симфония № 2. Фортепианная партия (цифры 8–59 партитуры)

Нотный пример 4. Г. Уствольская. Симфония № 2. Заключительный раздел (цифры 271–273 партитуры)

Нам видится, что «логика преобразования», действующая в художественном мире симфоний Г. Уствольской, способна выводить слушательское сознание из состояния экзистенциальной тьмы и отчаяния, т. е. оказывать неокатарсическое действие.

В качестве еще одного подтверждения этого наблюдения обратимся к Симфонии № 4 Г. Уствольской. Рассмотрим ее композиционную структуру сквозь призму бинарной оптики. Здесь в крупном плане

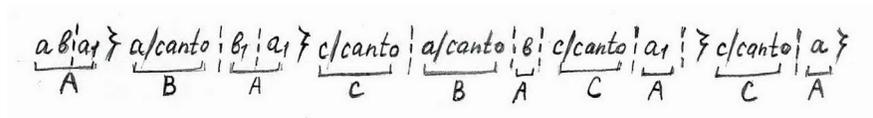
можно выделить три периодически повторяемых раздела: **A B C**. Важно отметить, что каждый из разделов симфонии держится на вертикальных бинарных противопоставлениях (музыкально-языковых и образно-смысловых).

Так, раздел **A** построен на одномоментном сочетании бинарных структур **a / b**, в семантическом плане выражающих волевое устремление (структура **a**) и сдерживающего его обездушенно-механистического начала (структура **b**). В ценностно-символическом плане в этих образно-смысловых противопоставлениях прочитывается оппозиция «личностное – безличностное / обезличенное».

Структуру раздела **B** образует другая бинарная конструкция – семантическая антитеза «вокальное – инструментальное», соотносимая со сферой позитивной образности, явленной в молитвенном начале в партии вокалиста (в партии *canto*) и сферой негативной образности, сконцентрированной в инструментальном начале (структура **a**, повторяемая из раздела **A**). Обозначим структуру раздела **B** как «**a / canto**».

В третьем разделе симфонии – разделе **C** – сохраняется взаимодействие вокального (*canto* из раздела **B**) и инструментального начала (тематический раздел **c**), смысловой образ которого, учитывая его жанровую семантику, ассоциируется с хоральностью и колокольностью. Зафиксируем композиционное строение третьего раздела как «**c / canto**». В ценностно-символическом плане эти две смысловые линии репрезентируют оппозицию «личностное / молитвенное – надличностное / возвышенное».

Интересным представляется то, что в логике драматургического развития при возрастании молитвенного начала (тематическая линия *canto*) происходит убывание, «истаивание» негативной образности (воплощенной в разделе **A**). Такой алгоритм драматургического развития объективируется в самой композиционной структуре Симфонии № 4. Визуализируем его в виде схемы, зафиксировав в ней как принцип чередования крупных разделов **A B C**, так и внутреннее их тематическое строение:

Как видно из схемы, композиционная структура текста этого сочинения схожа с моделью логогрифа, поскольку в ней (в структуре

композиции), наряду с принципом повтора, действующего на композиционно-драматургическом уровне, прочитывается логогрифический прием «вычитания» и постепенного убывания «рядов» негативной образности, воплощенных в тематических комплексах «а», «в». Как видим, в таком алгоритме драматургического развития – развития по принципу убывания негативной образности – в ценностно-символическом плане, как и в Симфонии № 2, проявляется действие «логики преобразования».

Таким образом, и на уровне внутритекстового смыслопостроения данное художественное качество («логика преобразования»), связанное с усилением и укреплением позитивного начала в процессе драматургического развития, прослеживаются предпосылки к катарсическому воздействию в такой его форме, как неокатарсис.

Важно сказать о том, что столь ярко прописанная в симфониях Г. Уствольской сфера негативной образности, если ее слышать и воспринимать в аксиологическом ключе духовного реализма, раскрывается как состояние экзистенциального ужаса и отчаяния¹³. Также важно сказать, что этот «абджект» («abject»), феномен «отвратительного» и «отвращения» (Ю. Кристева¹⁴) отрицательным, апофатическим образом свидетельствует о позитивном, о полюсе «света».

Иначе говоря, в доминировании негативной образности в структуре художественного мира Г. Уствольской проявляется связь с отрицательной, апофатической эстетикой и апофатическим методом русского искусства, когда «идеал художника» передается «через образы, подчеркнута ему несоответствующие» [Эпштейн, 1999]. Нам видится, что для отрицательной эстетики в целом и апофатического метода как метода художественного важным со стороны воспринимающего сознания является осмысление таких вопросов, как «с какой целью это делает автор?», «каковы авторские намерения и позиция?». Собственно рефлексия над этими вопросами, побуждая к осмыслению этических вопросов, открывает канал для неокатарсического воздействия на сознание человека.

¹³ Учитывая образно-смысловую неоднозначность сферы негативной образности в симфониях Г. Уствольской (как и в фортепианных ее сочинениях), укажем еще раз, что возможны и иные образно-смысловые ее толкования, связанные с социально-идеологическим подтекстом. Показательна в это плане интерпретация содержания Симфонии № 5 голландским музыковедом Элмером Шенбергером: как музыки «словно против Темных веков сталинского и постсталинского Советского Союза» [Schönberg-er, 2011].

¹⁴ См. работу Ю. Кристевой: [Кристева, 2003]. Отметим, что Ю. Кристева видит катарсис как психофизиологическую реакцию исторжения из человека дурного.

Показательны в этом плане следующие суждения музыковеда Л. Н. Раабена, высказанные в его работе «О духовном ренессансе в русской музыке 60–80-х годов» [1998]. Прочитируем исследователя: «Во всех этих сочинениях (речь идет о композициях и симфониях Г. Уствольской. – Е. Г.) окружающий мир дается в трагическом воплощении, как полностью находящийся во власти сил зла, сил тьмы. И отношение автора к этому миру бескомпромиссно. Уствольская его категорически не приемлет, изображая со всей страстью гневного осуждения». «Трагизм ее – это трагизм гневного протеста, активного несогласия со злом, злом духовной опустошенности, нравственного одичания» [Там же. С. 111, 116]. И вот в этом активном несогласии со злом заключается высокий этический и жизнеутверждающий пафос музыки Г. Уствольской как музыки духовного протеста. В таком аспекте смысловосприятия, и это, в частности, подтверждает вербально выраженная рефлексия музыковеда Л. Н. Раабена, проявляется действие эффекта неокатарсиса, неокатарсиса этического, воздействующего на сознание будоражающим, тревожным образом.

Подчеркнем еще раз следующее. Музыка Г. Уствольской, слышимая в аксиологическом измерении духовного реализма и воспринимаемая рефлексивным способом, может оказывать неокатарсическое, духовно-исцеляющее воздействие. Об этой способности музыки Г. Уствольской верно сказал современный композитор А. М. Изосимов: «Ее стиль подобен скальпелю, вскрывающему раны нашего времени, и боль, которую каждый из нас несет в себе, мы слышим явно, обнаженно в любой клеточке сочинений Уствольской» (цит. по: [Гладкова, 1999. С. 87]). И еще: «Тем нашим современникам, что стремятся к жизненным удобствам, тем, кто ищет легких приятных впечатлений, музыка Галины Уствольской покажется непереносимо горькой, быть может, даже ужасной. Но еще раз повторю, предчувствие не обманывает: ее могучая музыка окажется в будущем необходима как источник исцеляющей силы, как свет истины для восстановления духовного здоровья» [Изосимов, 2007].

Подытоживая вышеизложенное, сформулируем главный вывод. Музыка Г. Уствольской несет в себе огромный потенциал неокатарсического воздействия, и при условии рефлексивного восприятия способна дать опыт этического неокатарсиса, катарсиса, оздоравливающего сознание человека и побуждающего его к гармонизации отношений с миром.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.

Борисова Е. Б. Галина Уствольская: за пределами «fine arts» // Музыка и время. 2004. № 8. С. 45–47. URL: <http://www.opentextnn.ru/music/personalia/ustvolskaya/?id=3252&txt=1> (дата обращения 29.08.2017).

Васильева Н. В. Галина Уствольская. СПб.: Композитор, 2014. 168 с., нот., ил.

Васильева Н. В. Творчество Галины Уствольской в аспекте «новой сакральности»: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Н. Новгород, 2004. 23 с.

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Лабиринт, 2008. 352 с.

Г. И. Уствольская О творчестве. 17 января 1994. URL: <http://ustvolskaya.org/creativity.php> (дата обращения 29.08.2017).

Гладкова О. Галина Уствольская. Музыка как наваждение. СПб.: Музыка, 1999. 168 с.

«Жизнь с идиотом» или испытание ужасом. Newsinfo. Культура. 18. 03. 2004. URL: <http://www.newsinfo.ru/articles/2004-03-18/item/523306/> (дата обращения 29.08.2017).

Зинченко В. П. Психологические аспекты влияния искусства на человека // Культурно-историческая психология. 2006. № 4. С. 3–21.

Изосимов А. М. Памяти Галины Уствольской // Санкт-Петерб. муз. вестн. 2007. № 2 (36). URL: <http://www.izosimovs.ru/rezen.html>. (дата обращения 28.09.2017).

Композитор Галина Уствольская // Время культуры. 2017. 18 июня. URL: <http://www.radioblago.ru/vremyakultury/galina-ustvolskaya> (дата обращения 29.08.2017).

Кривошеева И. В. Музыка «классической традиции» сегодня // Музыка изменяющейся России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. М. Л. Космовской, В. А. Лаптевой, Л. А. Ходыревской. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. С. 101–106.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. А. Костиковой. Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

Кузин В. И. О способах восприятия искусства. Новосибирск, 2003. 69 с.

Леер Е. И. Психофизиологические характеристики восприятия музыки разных направлений детьми и подростками: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 201 с.

«Музыкальный альманах» с Соломоном Волковым. Радиопрограммы и подкасты // Поверх барьеров. 08. 04. 2008. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/442956.html> (дата обращения 29.08.2017).

Масаюки Ясухара. Галина Уствольская и русская музыка // Русская музыкальная культура на пороге нового века. Саппоро, 2001. С. 102–108. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/2000summer/pdf/102-108.pdf> (дата обращения 29.08.2017).

Некрасова И. М. Поэтика тишины в отечественной музыке 70–90-х гг. XX века: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 174 с.

Переяслова М. О. Катарсическое начало в русской прозе конца XIX – XX веков (на материале произведений А. П. Чехова и Г. Газданова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 23 с.

Платонов А. Котлован. М., 2009. 608 с.

Пономарев Ф. А. Катарсические эффекты в творчестве Юрия Мамлеева // Дидактика художественного текста: Сб. ст. / Под ред. А. В. Тараринова, Т. А. Хитаровой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. 158 с.

Пономарев Ф. А. Типология катарсических эффектов в малых формах русской прозы второй половины двадцатого века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с.

Раабен Л. Н. О духовном ренессансе в русской музыке 1960–80-х годов. СПб.: Бланка; Бояныч, 1998. 351 с.

Райскин И. Музыка лазерного луча // Новая газета. 18 июня 2009. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/5102/> (дата обращения 29.08.2017).

Райскин И. Памяти Галины Уствольской // Санкт-Петерб. муз. вестн. 2013. № 5 (100). С. 6. URL: http://www.conservatory.ru/files/mv5_100_2013.pdf (дата обращения 29.08.2017).

Семенов В. Е. . Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопр. психологии. 1994. № 1. 1994. С. 116–122.

Семенов В. Е. Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996. 83 с.

Суслин В. Музыка духовной независимости: Галина Уствольская // Музыка из бывшего СССР: Сб. ст. / Ред.-сост. В. Ценова. М.: Композитор, 1996. Вып. 2. Т. 2. С. 141–156.

Хиллари: Женский вопрос, «Дом свиданий» роман о ГУЛАГе Мартина Эмиса, Песня недели, Нью-Йорк смотрит Стоппарда и читает Берлина, «Вавилон», «Музыкальная полка» Соломона Волкова // Ра-

дио «Свобода». 13 февр. 2007. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/377965.html> (дата обращения 29.08.2017).

Холопова В. Н. Российская академическая музыка последней трети XX начала XXI веков (жанры и стили). М., 2015. 226 с. URL: [http://www.kholopova.ru/Russian%20Academic%20%20Music%20\(Genres%20and%20Styles\).%20V.Kholopova.pdf](http://www.kholopova.ru/Russian%20Academic%20%20Music%20(Genres%20and%20Styles).%20V.Kholopova.pdf) (дата обращения 29.08.2017).

Чередниченко Т. В. Музыкальный запас. 70-е. Проблемы. Портреты. Случаи. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 592 с. URL: <http://coollib.com/b/198948/read> (дата обращения 29.08.2017).

Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: «НЛО», 2007. 616 с.

Эпштейн М. Русская культура на распутье. Секуляризация, демонизм и переход от двоичной модели к троичной // Звезда. 1999. № 1. С. 202–220; № 2. С. 155–176. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11276-russkaya-kultura-na-raspute-sekulyarizaciya-i-perexod-ot-dvoichnoj-modeli-k-troichnoj.html>. (дата обращения 29.08.2017).

Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001, 334 с. (Тела мысли).

Nalimova E. Demystifying Galina Ustvolskaya: Critical Examination and Performance Interpretation. Doctoral thesis. Goldsmiths: University of London, 2012. 260 p. URL: http://eprints.gold.ac.uk/8013/7/MUS_thesis_Nalimova_2012.pdf (дата обращения 02.08.2016).

Popowich S. Galina Ustvolskaya: Orthodoxy and Transgression in Soviet Music. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Music and Culture. Ottawa, Ontario: Carleton University, 2011. 139 p. URL: https://curve.carleton.ca/system/files/etd/a0235b99-65f5-4cc2-8c4e-6c09ae35805e/etd_pdf/5fe0bb0e973ed230fb013d696e49a6a0/popowich-galinaustvolskayaorthodoxyandtransgression.pdf (дата обращения 02.08.2016).

Schönberger E. Ustvolskaya, hero, not of, but against the Soviet Union (an introduction to the Ustvolskaya Festival, Amsterdam, The Netherlands, May 27–29, 2011. Festival Brochure). URL: <http://www.elmerschonberger.com/english/images/Ustvolskaya.pdf> (дата обращения 07.08.2016).

E. S. Guseva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

h2q@ngs.ru

**NEOCATHARTIC IMPACT OF MUSIC ON HUMAN
CONSCIOUSNESS (EVIDENCE FROM THE COMPOSITIONS
OF GALINA USTVOLSKAYA)**

The article analyzes figurative and semantic content of the compositions by Galina Ustvolskaya (Composition No. 1, Sonata No. 6, Symphony No. 2 and No. 4) in the context of cathartic impact of art. The factors problematizing the effect of catharsis are identified. The interpretation of spiritual realism of Galina Ustvolskaya's compositions from the binary and axiological viewpoint shows that their content appeals to reflexive perception and prompts to existential reflection. This creates conditions for the possibility of the neocathartic effect, that is, such catharsis which acts upon consciousness and encourages harmonization of relations with the world. This observation is confirmed by the verbally expressed reflection on the part of musicians and musicologists. It is observed that the prerequisites for the neocathartic impact can be traced at the level of the intratextual formation of meanings which is associated with the "logic of transformation" of the negative imagery. It is concluded that the music of Galina Ustvolskaya, if it is perceived in a reflective way and is listened to in the axiological sense of spiritual realism, is capable of providing the experience of ethical neocatharsis – the catharsis that invigorates the human consciousness.

Keywords: Galina Ustvolskaya, catharsis, neocathartic impact, binarity, negative and positive imagery, reflection, perception of meaning.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Ирина Александровна – кандидат медицинских наук, заведующая кафедрой психологии Кыргызско-Российского Славянского университета, доцент, Бишкек, Кыргызстан

Гусева Елена Семеновна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории, культуры и искусства Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Злобина Марина Владимировна – ассистентка кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Киселева Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Масатака Нобуо – профессор Института исследования приматов при Университете Киото, Япония

Мезенцева Мария Павловна – старший преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, соискатель кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета

Перловский Леонид – профессор Гарвардского Университета, США

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заместитель директора Института медицины и психологии, заведующая кафедрой психологии личности Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета

Рашевская

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Государственного учреждения образования «Университет гражданской защиты МЧС Беларуси», доцент, соискатель кафедры психологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Смирнова Яна Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета, Барнаул

Филиппова Маргарита Георгиевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Шабалин Алексей Павлович – магистрант Новосибирского государственного университета

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (3–4 предложения) и ключевые слова на русском языке, а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

А. В. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@fp.nsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Название статьи на английском языке

Почтовый адрес на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируются в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

Смит Н. В. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Ожиганова Г. В. История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 3. С. 5–16.

Hearnshaw L. S. A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.

Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят *обязательное рецензирование*, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала «Reflexio»: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.